лучший фантастический журнал Европы 2004!

реальность фантастики

ДЕКАБРЬ 2004

ИЛЬЯ НОВАК
МИХАЭЛЬ ЭНДЕ
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ISSN 1728-8568
12
9 771728 856002

Сергей Поярков в окружении наград

СОДЕРЖАНИЕ

№ 12 (16) ДЕКАБРЬ 2004

1. Редакционная статья / МИР МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С НАМИ! 6

Проза

2. Илья Новак / ТРИП
«Я выбросил сигарету и позвонил. Вовик открыл сразу...» 7
3. Олег Овчинников / УШЕЛЕЦ
«А нет у вас чего-нибудь посерьезней?..» 28
4. Александр Громов / ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ХЕРЛОКА ШОЛМСА
«Всякий в управлении расследований знал ...» 49
5. Василий Мидянин / ИЗ КАНАЛИЗАЦИИ
«С самого начала это была насквозь гнилая мысль...» 62
6. Сергей Чекмаев / ДЕВЯТОЕ МАРТА
«Взрыкивая расхлябанным мотором, автобус мчался...» 74
7. Петр Ордынец / ЯВИСЬ ЖЕ В НАГОТЕ МОИМ ОЧАМ
«Тягучее бормотание ледника; женское пение доносится...» 85
8. Карина Шаинян / ГОРШЕЧНИК
«А меня приставили за могилами ухаживать...» 101
9. Лев Жаков / ВАГОН ДЛЯ ХРАПЯЩИХ
«Других билетов не было, пришлось взять сюда... 109
10. Франк Борш / ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
«Кажется, я приехала...» 118
11. Михаэль Энде / КРЫЛЬЯ ОТЦОВСКОЙ РАБОТЫ
«Летать он учился под отцовским руководством...» 127
12. Мак Сим / ПОГОНЩИК ОБЛАКОВ
«Бывают же и в августе дни, похожие на осень...» 132
13. Ирина Коршунов / БОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО МЕХОВИЧКА
«Был великолепный солнечный день...» 135
14. Алла Гореликова / ТАНЦУЙ, ЭСМЕРАЛЬДА...
«Эсмеральда шла по карнизу. Она выскользнула...» 147
15. Сергей Слюсаренко / КТО-ТО ПРОЛЕТЕЛ НА ЗАКАТЕ...
«Я великий воин племени Нгвонделу, Нкомо...» 151

16. Сергей Малицкий / ДЕРЕВЕНСКИЙ КИБЕРПАНК
«Глеб Баранкин упал в картофелеуборочный комбайн...» 155
17. Владимир Аренев / ПЕРВОЕ ПРАВИЛО СВИНОПАСА
«...Потом, когда уже наступил вечер и кое-кто... 160

Критика, публицистика, обзоры

18. Григорий Панченко / ДАС ИСТ ФАНТАСТИШ! 165
19. / БОРИС СТРУГАЦКИЙ... 173
20. / РЕЦЕНЗИИ 177

Интервью

21. / СКАЗКА ТОЛКИНА ОЖИЛА В РОССИИ 192
22. / КОСТЯНТИН РОДИК... 197
23. / СЕРГЕЙ ПОЯРКОВ... 202

Кинопортал

24. Лев Гурский / НЕ ВЕРЬ! НЕ БОЙСЯ! БЕРЕГИ МОЗГИ! 207

Новости Фэндома

25. Александр Зорич / ЧЕРНЫЕ ХРОНИКИ ГАЙДАР-САРАЯ 213
26. Марина Комиссаренко / ВЕСНА ПОСРЕДИ ОСЕНИ? ФАНТАСТИКА! 219
27. Сергей Митяев / OPUS MIXTUM 222

Уважаемые читатели!

В редакции введена услуга для вас. Вы можете заказать любой номер (или несколько) журнала «Реальность фантастики» и получить его (их) по почте наложенным платежом. Для этого вы должны прислать заявку по адресу **sbyt@mycomp.com.ua** или позвонить по телефону **(044) 455-35-75**. Не забудьте указать точный обратный адрес с почтовым индексом и полностью фамилию, имя, отчество.
Желаем приятного чтения!

К вниманию авторов!

Присылаемые рукописи не рецензируются. Редакция связывается с автором только в случае публикации его работ.
Ждем ваши материалы по адресу: **e-mail: info@rf.com.ua**

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:
Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Вашингтон, США)
Анатас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г Ганновер, Германия)

Продюсер проекта: Дмитрий Можаев

При оформлении обложки использованы работы Сергея Пояркова, победителя ряда международных конкурсов, в том числе и ведущего американского конкурса «Иллюстраторы будущего»
Страница 1: «Пожарник»
Страница 4: «Ваш поезд»

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

Журнал "Реальность фантастики"
№12 (16), декабрь 2004.
Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.
Подписной индекс в каталоге "Укрпочта": 08219
Учредители: Юрий Зонюк, Михаил Литвинюк
http://www.rf.com.ua, e-mail: info@rf.com.ua
Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
© "Реальность фантастики", 2003.
Издатель: ООО «ИД "Мой Компьютер"»
Киев, ул. Качалова, 6
Директор: Михаил Литвинюк
Главный редактор издательства:
Татьяна Кохановская
Редакция: Киев, ул. Качалова, 6
тел. (044) 455-3575
Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8,
Редактор отдела новостей: Сергей Митяев
Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк
Редактор корреспондентского отдела:
Владимир Пузий
Редактор отдела рукописей: Наталья Градовая
Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко, 2003, J.K.®Design Studio, http://www.jk.ua.
Художественный редактор:
Федор Сергеев
Рисунки: Елена Маслова
Корректор: Елена Харитоненко
Верстка: Дмитрий Василенко
Офис-менеджер: Тамара Задворнова
Маркетинг: Виталий Квитка,
Надежда Николаева,
Роман Бураковский, Юрий Литвин
Сбыт: Лариса Остаповская,
Елена Назарова
Техническая поддержка: ISP "IT-Park", http://it.park.ua
Фотовывод: ООО "Мира", тел.: (044) 247-4438
Печать: типография издательства «ВМВ».
Одесса, пр. Добровольского, 82-а,
тел. (0482) 54-3614, зак. №
Печать обложки: Типография «День Печати»
тел.. (044) 559-2655

Мир меняется вместе с нами!

Уважаемые читатели, как вы прекрасно видите, мы публикуем в своем издании много интересных произведений, знакомим вас с талантливыми, самобытными авторами. Однако этим не ограничивается наша деятельность. Издательский дом «Мой компьютер», редакция журнала «РФ» организовали поездку «Литературного экспресса» с презентацией «РФ» и встречей с известными писателями-фантастами по городам Украины, мы организовали и провели Международную ассамблею фантастики – «Портал-2004», приняли участие в творческом вечере Марины и Сергея Дяченко в Доме кино. Мы принимали самое активное участие в международных конвентах «Звездный мост» в Харькове, «Роскон» в Москве, «Интерпресскон» в Санкт-Петербурге, «Еврокон-2004» в Пловдиве (Болгария), где именно наш журнал был признан лучшим фантастическим журналом Европы, и был выигран бид на проведение «Еврокона-2006» в Киеве. В планах – проведение ряда акций совместно с IGI (Imege Group International), посвященных фантастическому кино, и объявление конкурса на лучший сценарий фантастического фильма. Итоги конкурса будут подведены на выставке «KinoExpo» и «Портал-2005» весной следующего года. Но уже в 17 декабря этого года в Доме кино состоится уже ставший традиционным творческий вечер Марины и Сергея Дяченко, также посвященный кинофантастике, на который приглашен Сергей Лукьяненко, автор книги «Ночной дозор» и автор сценария одноименного фильма. Он расскажет зрителям о работе над вторым фильмом цикла и продемонстрирует уже отснятые рабочие материалы.

Ярким подтверждением нашей активной «внешней политики» явился и «День фантастики», который проходил 13 ноября в рамках книжной ярмарки «Медвин» в Киеве. На встречу с приглашенными писателями – Г.Л.Олди, Андреем Валентиновым, Мариной и Сергеем Дяченко – пришли более трехсот поклонников их творчества. С интересом слушали они и выступления молодых писателей-фантастов – Владимира Аренева, Ильи Новака, Яны Дубинянской. Не меньший интерес вызвало общение и со всемирно известным художником-фантастом Сергеем Поярковым, нашим соотечественником и ярым приверженцем Демократии... Более подробно обо всем вы сможете прочитать в статье Марины Комиссаренко «Весна посреди осени? Фантастика!». Я же хочу сейчас сказать о другом, о неформальном общении в кулуарах. В перерывах между выступлениями к нам часто подходили и благодарили за журнал, за то, что мы делаем. Наверное, для нас это самое приятное, главное подтверждение того, что наша работа приносит реальную пользу людям. Оказывается, журнал не только интересно и приятно читать, он может помочь и поддержать в жизни, правильно сориентировать, дать ценности, которые станут для человека основополагающими в дальнейшей его жизни. Во всем этом мы убедились, общаясь с нашими читателями. Литература, которую мы предлагаем, действительно влияет на человека, потому что она говорит о важном, о близком и значимом для него. Она находит отклик в душе и даже побуждает к действию. Мы не только отображаем действительность, мы ее меняем!

Несомненно, и рассказы, публикуемые в этом номере, заслуживают интереса во всех отношениях. Хочу сказать только об одной особенности. Сейчас мы постарались познакомить читателей и с творчеством немецких фантастов. Михаэль Энде, Франк Борш, Ирина Коршунов, Эрик Симон прекрасно продолжают самобытные традиции немецкой литературы. А статья Григория Панченко «Дас ист фантастиш!» знакомит читателей с ситуацией в немецкой фантастике. В фэндоме считается, что Германия – страна «нефантастическая», что там практически нет хороших современных авторов. Я надеюсь, что мы успешно опровергаем этот стереотип.

На улице зима. Наступают холода, снег, но на душе не грустно, а радостно, радостно от осознания уже сделанного и от того, что еще предстоит сделать!

Главный редактор — Ираклий Вахтангишвили

ИЛЬЯ НОВАК

ТРИП

Я ВЫБРОСИЛ СИГАРЕТУ И ПОЗВОНИЛ. ВОВИК ОТКРЫЛ СРАЗУ же, будто ждал под дверью, и я вошел в квартиру.

— Будешь? — Он махнул рукой в сторону кухни, где на подоконнике стояла литровая бутылка без этикетки.

— Ты ж знаешь, что нет.

Вовик был в полосатом халате с симметричными заплатами на локтях, из-под халата торчали худые ноги. Отвернувшись от меня, он достал из холодильника пластиковую бутылочку, в которой плавали льдинки, и откупорил ее. В стограммовый стаканчик из большой бутылки налил спирту, из маленькой — ледяной воды, сунул в стаканчик мизинец и взболтал. Смесь слегка побелела и — я это точно знал — стала чуть теплее.

Еще на подоконнике стояли пепельница и блюдце с соленым огурцом. Вовик — цап огурец, хвать стакан, стеснительно покосился на меня и выпил.

Я отвел взгляд, но не из нежелания смущать его.

Раньше мы часто пили вместе. Похмелья мои месяц за месяцем становились все тяжелее, дело дошло до невнятно бормочущих в моем мозгу голосов, пляшущих посреди темной комнаты световых пятен и дрожащих по утрам рук.

Кошмарные ощущения продолжались несколько лет. Моей не слишком развитой силы воли хватило на то, чтобы не пить пять дней и пойти в медцентр. Докторша, слушая душещипательную историю моей жизни, качала головой с неподдельным сочувствием. Потом, когда я заплатил, уколола иголочками мочки моих ушей, вдавила большие пальцы в лоб над бровями и невнятно забормотала низким голосом. Современный вариант заклятия, научный загово́р, вот что это такое. Когда все закончилось, мне сказали, что через год лучше бы пройти еще один сеанс, и отпустили с миром.

Прошло три года, я не иду на повторную процедуру заклятия, потому что теперь меня не тянет к спиртному. Последствий немного: машинально отвожу взгляд, когда по телевизору кто-то выпивает, и окончательно разлюбил застолья.

А Вовик пьет по-прежнему — и что он теперь имеет? Не знаю, как называется эта болячка. Что-то, связанное с мозгом... У него постоянная температура тридцать семь градусов, он лечится, глотает какие-то колеса — и продолжает пить. Я, когда бросил, похудел и спал с лица, а Вовик, когда-то стройный, еще больше растолстел, даже распух, щеки как у барсука.

— Ну, есть? — спросил я.

Вовик сел на подоконник спиной к открытому окну и достал из кармана два спичечных коробка. Задумчиво рассмотрел их и один протянул мне, а другой спрятал обратно. На коробке был изображен кораблик. Символично.

— Ровно полтинник.

— Скока-скока?

— Ну, понимаешь, это что-то новое, такого раньше не было.

Я помолчал, соображая, смогу ли выложить сейчас пятьдесят баксов.

— А оно точно, какое надо? Чтоб не сильное, а то меня предупреждали, что когда в первый раз пробуешь сильное, то лучше, чтоб кто-то находился рядом. В окошко можно сигануть... Но и чтоб торкнуло все-таки.

— Какое надо, — заверил он. — Было бы сильное, стоило б еще дороже.

— Ну ладно...

Передал ему мятую зеленую бумажку, придвинул ближе пепельницу и закурил. Вовик налил, взболтал мизинцем, выпил и тоже закурил. Говорить нам не о чем. Я уже давно неплохо зарабатываю, а Вовик не у дел. Хотя это было раньше, а теперь он наркотой приторговывает.

— Слушай, не пойму, чего тебя вдруг потянуло? — спросил Вовик. — Эта гадость, как его...

— Диэтиламид лизергиновой кислоты.

— Ну да. Хотя нет, это ж что-то новое. Потому и дороже.

Я забеспокоился. Слишком уж он безответственный пацан.

— Вовик, а ты меня не отравишь? Ты смотри...

— Не, что ты. Оно слабое. Это какие-то химики сделали. Мой продавец говорит, они сами пробовали, все нормально.

— А сколько времени оно действует?

Он пожал плечами. Глаза у него уже помутнели — спирт с самого утра, а как же...

— Вот не знаю. Т-ты сейчас домой?

— Мне на работу надо.

— Ну да. Т-ты ведь его не сейчас проо... пробовать будешь, перед работой, в-вечером только... Ну и ноо... нормально, за ночь пройдет. — Он всегда по пьяни начинал заикаться. — Слушай, ты ж раньше боо... боялся этого. Я помню, т-ты рассказывал, что даже уколов боишься и анализа крови из паа... пальца.

— Это же облизывать надо или под язык, — перебил я. — При чем тут уколы?

— Но все равно наа... наркота. Это дело, если привыкнуть...

— Именно это не вызывает привыкания, я читал. Хочу попробовать. Тем более, если оно слабое.

Я поднялся, пряча коробок в карман.

— А, ладно... — пробормотал он и тоже встал. — Я тут «Человека-Паука» поо... посмотрел, Круто. Чувак из окон прыгает и летает между крышами. Я тебя вчера из маршрутки в-видел, ты с кассетой какой-то шел. Новый фильм? Дашь поо... посмотреть?

— Это «Священная Гора», Вовик. Оно тебе надо? Гляди себе ток-шоу в телевизоре.

Он вроде как обиделся и, подумав, предостерег:

— Смотри, не стань наа... наркошей...

— Кто б говорил.

Когда я уже был в прихожей, до Вовика дошло.

— Чего ты? Я не наркоман, никогда это гоо... говно не пробовал.

— Нет? — Я обернулся и показал на подоконник. — Это что там, по-твоему, стоит, Вовчик?

Он перевел удивленный взгляд с бутылки на меня.

— Спиртяка. Ну, бухаю иногда, но это в-ведь...

— Та же наркота, только разрешенная. Иногда, да? Ты не понимаешь, что ли? Ты такой же наркоша, как... — я умолк. Нет, не понимает. Кто сидит на стакане, тот не сидит на игле.

Вовик хмуро прошел на кухню и оперся о подоконник, повернувшись спиной ко мне.

— Смотри, не начни летать между крыш, — произнес я насмешливо и захлопнул за собой дверь.

* * *

Теперь вот стою и жму кнопку вызова лифта. Жду, переминаясь с ноги на ногу, — лифт не едет. Делать нечего, спускаюсь пешком с седьмого этажа. Снизу эхо доносит приглушенные голоса, слышно, как разъезжаются и съезжаются створки кабины, тарахтит мотор. Лифт проползает мимо. Наверху шаги, хлопает дверь... теперь и я могу его вызвать, но уже незачем. Последний пролет, первый этаж.

Снаружи мокро и серо. У меня на лбу выступает испарина, я вытираю ее ладонью и трясу рукой. Закуриваю, прищурившись, гляжу на небо. Оно блеклое, жидкое какое-то. Рядом детский садик, воспитательница уже вывела детей на утреннюю прогулку: слышен деловитый лепет, плач, мальчики скатываются с горки, девочки копаются в грязном песке. С сигаретой во рту направляюсь к остановке, но не успеваю сделать и трех шагов, как сверху доносится звон разбитого стекла.

Оборачиваюсь — и чуть не проглатываю сигарету. Он падает, расставив руки и ноги, в своем халате, полы которого развернулись, словно крылья. Искаженное лицо, согнутые в коленях тощие ноги, под распахнутым халатом волосатая грудь и белое пятно трусов. Влипает в асфальт. Со стороны сада доносится визг. Воспитательница стоит посреди площадки с разинутым ртом, к сетке ограждения прижались детские лица.

Смотрю вдоль дома: пустые бежевые «жигули», дальше женщина с коляской, алкаш с сумкой, занятый утренним сбором бутылок, еще какие-то люди, мент стоит на углу...

А у меня «кораблик» в кармане.

А я только что из подъезда вышел, это мог кто-нибудь видеть.

А в кармане полосатого халата, что накрывает мертвого Вовика до сих пор, наверное, лежат пятьдесят баксов с отпечатками моих пальцев.

Слышен шум лифта, дверь подъезда начинает открываться.

Разворачиваюсь и бегу. Мимо дома, мимо пункта приема стеклотары, вдоль скверика — и попадаю к автобусной остановке.

В автобусе народу немного, рядом со мной три мужика, один сидит, двое стоят над ним. Я хватаюсь за поручень, делаю несколько глубоких вдохов. Вроде бы отпускает помаленьку, сердце бьется уже не так часто. Смотрю в открытое окно, как раз начинается дождь.

— Летающих тарелок не бывает, — говорит один из стоящих. Гляжу на него, вслушиваюсь в слова, чтобы как-то отвлечься от произошедшего. Коротышка в куцем костюмчике, лысенький. Двое других внимают ему с недоумением.

— Допустим, у вас жена — стерва. И вот она с утра не в духе, все у нее валится из рук. Дети ее раздражают, вы нервируете, да еще лучшей подруге муж купил новое пальто, которое вашей жене светит не скоро. — Он говорит с абсолютно непроницаемым, серьезным выражением лица. — И вот на кухне она начинает швыряться в вас посудой. Вам в голову летят ложки, ножи, блюдца и... Вот тогда-то... — коротышка значительно поднимает указательный палец. Двое молча и растерянно смотрят на этот палец. — И вот тогда, говорю, и появляется то, что мы можем с полным на то основанием назвать «летающими тарелками». Но «летающих тарелок» в таком виде... — он тычет пальцем в серое небо за окном... — Не-бы-ва-ет!

Бред какой.

Появляется контролерша, тощая и вредная. Почти каждое утро я ее вижу. Смотрит на меня и заводит свое обычное:

— Билетики покупаем... Проездные показываем, предъявляем...

Мужички покупают билетики, а я сую ей под нос проездной.

Контролерша эта — религиозная маньячка, по лицу видно. Каждый раз она мне что-нибудь всучить пытается, как ее до сих пор не уволили? Она дает мужичкам листки бумаги, а потом и меня одаривает. Киваю как можно равнодушнее, чтобы не пробудить в ней надежду и не выслушивать потом пятиминутную проповедь. Когда она отходит в конец автобуса, разворачиваю листок и украдкой читаю:

так уж устроены наши чувства, что страдания бесконечны
а радость всегда конечна и ограничена — почему?
ОТВЕТЫ НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ
ЦЕРКОВЬ
КОСМИЧЕСКОГО НЕСОЗНАНИЯ
(ДК «Хлебокомбинат», ул. Луначарского, 1/2
пятница, суббота с 9.00 до 12.00)

Ага, знаю я эту церковь, она давно здесь. Дом Культуры неподалеку от работы, каждый день, кроме выходных, по два раза мимо него курсирую.

Удар, скрежет, автобус наклоняется, мужики рядом со мной орут, сзади визжит контролерша. Я вцепляюсь в поручень, автобус кренится все сильнее. Пассажиры катятся по полу, я повисаю на поручне. За окном проворачиваются крыши домов, а потом остается только небо. Содрогается мироздание, небо подпрыгивает, дрожит и покачивается... нет, это я покачиваюсь на поручне. Подо мной в куче осколков шевелятся мужики.

Автобус лежит на боку. Над головой — открытое окно. Я подтягиваюсь, сначала одной, затем второй рукой хватаюсь за край проема. Болтаю ногами, морщусь от напряжения — и вылезаю наружу.

Внизу улица, прохожие глазеют со всех сторон. Виден багажник здоровенного джипа. Наверное, на мокром асфальте его водитель не справился с управлением и протаранил автобус. На заднице отползаю подальше от окна. По тротуару в нашу сторону бежит милиционер. Автобус выехал на газон, смял кусты у высокой ограды ДК «Хлебокомбинат». Помедлив, я спрыгиваю в кусты, встаю и быстрым шагом ухожу, не обращая внимания на крики и гудки.

* * *

Мокро, свежо, над головой — сизая пелена облаков. Редкие капли дождя стекают по лбу и щекам. Вытираю лицо и, запахнув куртку, ускоряю шаг. Проверяю — коробок лежит в кармане. Может, выбросить его к чертовой матери? Отпечатки дождь смоет... а пятьдесят баксов-то жалко!

Моя контора через квартал, к ней можно идти по улице, а можно дворами, что гораздо быстрее. Тропинка между кустами и двухметровой кованой оградой. Кстати, я пару раз видел здесь вечером Вовика, когда с работы возвращался. И не одного, а с какими-то хмырями, наверное, с нарко-дилерами, или как они теперь называются. За оградой — приземистое, уродливое здание ДК, рядом толпятся люди. Останавливаюсь, вытягиваю перед собой руку с растопыренными пальцами — они уже не дрожат. Что-то не так. Может, я уже попробовал эту гадость от Вовика? Я помню, как перед лифтом достал коробок, открыл и заглянул внутрь, но я не клал ничего под язык, не глотал и не облизывал! Я даже не могу вспомнить, как выглядело то, что лежало в коробке. Интересно, как я мог это забыть? Надо проверить.

Нащупываю коробок в кармане. Тихо шелестят кусты под дождем, за оградой люди входят в ДК. Шелест превращается в громкий хруст. Оборачиваюсь.

Из кустов выдвигается грязный передок машины. Успеваю заметить два лица за лобовым стеклом, прижимаюсь спиной к ограде, потом дергаюсь влево. Ноги скользят по влажной земле, разъезжаются. В последний момент я все же выдираюсь из узкого — а через мгновение и вовсе исчезнувшего — пространства между машиной и оградой.

Передок бежевых «жигулей» вминается в ограду. Падаю. Распахиваются боковые дверцы. Толстяк, что-то орущий в мобильный телефон, выбирается наружу, с другой стороны появляется водитель. Я поднимаюсь, отступаю назад. Водитель перелезает через смятый капот. Оба идут на меня. Они похожи друг на друга, дядьки среднего возраста в одинаковых костюмах василькового цвета, правда, один из них — более упитанный... Толстый что-то говорит в трубку. Разворачиваюсь и бегу вдоль ограды, сзади кричат:

— Влево, влево давайте!

Бегу, цепляясь курткой за кусты. Двор вокруг ДК квадратный, до угла ограды недалеко, а дальше — тротуар, улица, пешеходы и машины... Впереди появляются четверо; двое бегут мне навстречу, двое наискось. И парочка из машины приближается.

Хватаюсь за скользкие, холодные прутья ограды, просовываю между ними ступню. Она влезает до половины и застревает. Уже совсем близко громкое дыхание и треск ветвей. Я, наконец, дотягиваюсь до верхнего горизонтального прута. Меня хватают за ногу, я вырываюсь и переваливаюсь через ограду, оставив туфлю в руках толстяка. Куртка с треском рвется, падаю — хорошо, там земля, не асфальт — вскакиваю, бегу, прихрамывая... звук выстрела слышу уже после того, как кончик раскаленной спицы вонзается в мой бок.

* * *

Задний двор Церкви Космического Несознания: асфальтовая площадка между подъездной дорогой, ограждением и стеной здания. Тут же пандус, к которому приткнулся фургон. Дверца машины распахнута, шофер сидит на подножке, грузчики вытаскивают из фургона какие-то свертки и заносят в двери склада.

Дождь прекратился, но асфальт еще темный, мокрый. Я иду, припадая на левую ногу и держусь обеими руками за бок. Чувствую там влажное тепло, хотя крови не очень много — под курткой толстый свитер. Слабости нет, только боль. При каждом шаге в боку словно длинный шуруп проворачивается. Оборачиваюсь и вижу, как четверо в васильковых комбинезонах спрыгивают с ограды. Они еще далеко, но я ускоряю шаг, пытаюсь перейти на бег, но нет, слишком больно.

Теперь отчетливо вижу васильковые комбинезоны и на грузчиках. Шофер на подножке приподнимается, глядя то на меня, то — на бегущих. Он машет рукой, грузчики спрыгивают с пандуса, и они все вместе быстро идут мне навстречу.

Я уже заприметил ржавый прямоугольник двери между собой и фургоном. Делаю еще несколько шагов и открываю ее. Вваливаюсь внутрь и сразу же закрываю дверь. Небольшое помещение с низким потолком завалено рухлядью. Ведра, куски шлангов, мотки проволоки, лопаты со сломанными черенками, обломки старой мебели. Кучка собачьего дерьма в углу. Изнутри на двери — сломанный, ни на что не годный, засов. Второго выхода нет, но зато есть шкаф. Обхожу его, упираюсь плечом, пробую подтолкнуть к двери, но шкаф не двигается. Я напрягаюсь, нажимаю сильнее... нет, не получается. Неразборчивые голоса совсем рядом. Дверь резко толкают снаружи, она приоткрывается, в щель просовываются пальцы. Я, сжав зубы так, что хрустит за ушами, жму снова.

Шкаф переворачивается, со скрипом и хрустом падает. Верхней частью бьет по открывающейся двери, вминает ее обратно в проем. Я вижу прилипшие к стенке три пальца с размозженными суставами, от которых осталась лишь белесая кашица. Она-то и удерживает пальцы на бетоне.

Да, я вижу это, но я не слышу воплей, проклятий, ругани! Доносятся только приглушенные голоса. В дверь чем-то бьют, но шкаф прижал ее крепко и пока держит.

За упавшим шкафом открылся узкий проход — квадратное отверстие в стене, которое начинается у моих колен, а заканчивается на высоте плеч. В дверь бьют снова, шкаф рывком отъезжает.

Я в подвале ДК, в коридоре с решеткой вместо потолка. Темно, но я еще могу разглядеть свою руку, если поднесу ее близко к глазам. Иду, прижавшись плечом к стене, звуки ударов позади все глуше и глуше. Идти в одной туфле неудобно, я хромаю.

Плечо проваливается в пустоту, едва не падаю. Ответвление, еще один коридор. Сворачиваю в него, снова поворот, и становится совсем темно. Замираю. Кто-то, шагая легко и уверенно, двигается навстречу. В темноте колышется вытянутое пятно мрака, почти материального в своей плотности. Замираю возле стены, прижимая ладони к ране, опасаясь, что тот, кто идет вдоль другой стены коридора, услышит в подвальной тишине толчки крови в ране, стук моего сердца, хрип моих легких.

Он проходит мимо, сопровождающие его передвижение звуки затихают. Жду еще пару минут, чувствуя, как слабость усиливается, и холод ползет по ребрам и бедру. Тихо, совсем тихо. Глубоко вдыхаю затхлый воздух и иду дальше.

Впереди появляется свет, он все ярче и ярче. Свет уже слепит, я останавливаюсь, чтобы глаза привыкли. Здесь тупик — стена с проемом, закрытым металлической конструкцией. Когда подхожу ближе, выясняется, что это край стеллажа, заставленного кастрюлями. Видно, что стеллаж очень тяжелый и его не сдвинуть. Между ним и стеной пустое пространство, в которое безуспешно пытаюсь протиснуться.

Снимаю куртку и отбрасываю ее назад, в темноту. Надо бы еще и свитер снять, но мне и так холодно, к тому же из потревоженной раны кровь потечет с прежней силой. Я протискиваюсь, и в боку снова включилось сверло — закрутилось, наматывая на себя перемолотые кости, сухожилия и вены. Выбравшись на другую сторону, опускаюсь на колени. «ГРУМ! ГРУМ!» — отрывисто бьется сердце. В такт его ударам боль размахивает свинцовым молоточком и бьет точно по ране.

Здесь кухня, ярко освещенная лампами дневного света. На низкой тележке — большой чан, он подрагивает. Из-под тележки доносится гул, кажется, там работает мотор. Заглядываю в чан — густая, покрытая пеной масса, в ней видны фрагменты капустных листьев, куски картофеля, моркови, редиски, покрошенный щавель, укроп, чеснок, лук, перемолотые баклажаны, огурцы, томат... овощная Марианская впадина кружится, и от жуткого духа я чуть не сблевываю прямо в чан.

Отшатываюсь, плечом задеваю аптечку на стене.

Кажется, пуля прошла вскользь, лишь вспоров кожу. Задрав свитер до подмышек, кладу на рану облитый перекисью водорода клок ваты и, корчась от боли, туго перематываю себя бинтом. Тошнит, кружится голова. Присев на корточки, упираясь ладонью в пол, жду, пока пройдет слабость, с опаской поглядывая на дрожащий, будто живой чан.

Из другого, не видного мне конца кухни, слышен приглушенный стук. Осторожно заглядываю туда: пара столов, спиной ко мне стоят четыре женщины в васильковых халатиках. Они что-то молча и очень быстро режут, их согнутые в локтях руки поднимаются и опускаются одновременно и резко, будто поршни. Слева дверь. Убедившись, что женщины не собираются поворачиваться, быстро выхожу через нее.

Центральный вход в здание. Просторный холл, пол из мраморных плит, широкая лестница с ковром, закрытые стеклянные двери... васильковые мужчины возле них.

Четверо, в полувоенной форме, с кобурами. Пока не видят меня, но незаметно проскользнуть мимо них невозможно. Что делать? Стою, чувствуя, как холод проникает сквозь тонкий носок. Снимаю вторую туфлю и начинаю осторожно подниматься по лестнице. Ковер скрадывает звук моих шагов. Два охранника — спинами ко мне, два — вполоборота. Со следующего этажа вижу верхний пролет. Здесь широкий коридор и приоткрытая дверь, из-за которой доносится рокот барабанов. Прислоняюсь к лестнице, глядя вниз. Из глубины холла появляется Толстяк с мобильным телефоном в руке. Он что-то говорит охранникам, но я уже не смотрю на них, потому что сверху на лестницу выходят еще двое.

Отхожу от перил вглубь коридора, чтобы не было видно ни снизу, ни сверху. Здесь тупик, коридор заканчивается широким окном, забранным решеткой. Мимо приоткрытой двери бегу к нему, хватаюсь за решетку. Видны кроны деревьев и улица, по ней идут прохожие, дальше — машины, светофор, газетный киоск. Улица совсем рядом, но решетка — непреодолимое препятствие. Слышу шум шагов на лестнице и, уже не думая, что будет дальше, ныряю в дверь, навстречу рокоту барабанов.

Светлый зал с белыми стенами и большими окнами, заполненный сидящими людьми. Напротив меня — сцена, на ней кто-то стоит перед микрофоном. Над сценой висит крест, покрытый позолоченной бумагой, на нем нарисован широко раскрытый глаз. Слышно дыхание, шелест, поскрипывание, но над всем этим довлеет рокот барабанов.

Медленно иду вперед, оглядывая ряды. Оратор склоняется к магнитофону на табуретке и не замечает меня. Я сажусь на свободное место как раз в тот момент, когда он опять поворачивается к залу.

— Брат, плохо опаздывать, когда Ростик говорит, — укоризненно бормочет женщина слева.

Улыбаюсь, киваю ей и гляжу на сцену, якобы заинтересованный тем, что говорит Ростик.

Это пожилой мужчина с мясистым добродушным лицом, вертикальной складкой между бровями, двойным подбородком и седыми, тщательно причесанными волосами.

— Предшествующее родам внутриматочное переживание и три клинических этапа родов... — говорит он низким, певучим голосом. — Включают различные мифологические сцены трансперсонального... Задумайтесь, братия и сестры: ведь каждый этап связан с особыми символическими образами и переживаниями. Безмятежное эмбриональное существование соотносится с образами огромных просторов, отождествляется с галактиками, межзвездным пространством. Хорошая Матка... — Ростик поднимает над головой руки, и вокруг все стихают, люди замирают от восторга. — Хорошая Матка, говорю вам, — это Матъ-Природа — видения безопасные, красивые, — всегда дающая пропитание. Мы можем видеть пышные фруктовые сады, поля, на которых зреет урожай!

Он смолкает, люди тоже молчат, а моя соседка прикладывает к глазам платочек. Рокот барабанов нарастает.

— Плохая Матка! — восклицает Ростик, и женщины вокруг тихо охают. — Плохая Матка, говорю вам, это ощущение мрачной, зловещей угрозы, ощущение того, что нас отравляют! У нас могут возникнуть образы загрязненных вод и токсичных свалок. Переживания токсичного лона сопровождаются видениями устрашающих демонических персонажей. Переживания более сильных помех — опасности выкидыша или попытки аборта, сопровождаются ощущениями вселенской угрозы или кровавыми апокалиптическими видениями конца света!

Голос Ростика сливается с гулом барабанов, мне кажется, что ему в такт подрагивает весь зал, поскрипывают стулья, тревожно постанывают люди. Похоже на мрачный коллективный оргазм. Все склоняют головы, склоняю и я, а сам потихоньку продолжаю разглядывать сцену: темно-красные занавесы по бокам, тренога с микрофоном, плотная фигура проповедника и закрытая дверь позади него. Рокот барабанов, в такт которому уже мерцает и дневной свет за решетками широких окон, превращается в беспорядочный грохот и внезапно обрывается — словно поток ледяной воды обрушился на зал. Наступает тишина, но рокот все еще звучит, теперь в моей голове — и, наверное, в головах всех присутствующих — эхом гуляя меж черепными сводами.

— Хорошая Матка! — восклицает Ростик. Я вижу, что из первых рядов встает и поднимается на сцену женщина в косынке и дешевеньком зеленом платье. Женщина поворачивается боком к залу, видно, что она беременна.

В зале слышны тихие голоса, перешептывания. Восторженная соседка, вцепившаяся в мое запястье во время проповеди, наконец, отпускает мою руку и что-то бормочет, глядя на сцену. А там Ростик подводит беременную к микрофону и не то спрашивает, не то утверждает:

— Елена! Елена Семеновна, остались ли у тебя близкие люди на этом свете?

— Нет, нет... — шепчет женщина в микрофон. — Кроме вас...

— Твой муж бросил тебя и уехал в другую страну? — спрашивает Ростик.

— Да...

— Твой ребенок погиб?

— Да, сынок... утонул...

— Есть кто-нибудь еще, кто помнит о тебе, кто знает тебя в этом городе?

— Кроме вас... — шепчет женщина. — Кроме вас никого...

Ростик склоняется к ней, берет за плечи и произносит:

— Они забыли, они умерли, они исчезли. Ты одна, сможешь ли ты стать Хорошей Маткой для дитя?

Женщина замирает, отшатывается от Ростика и визгливо кричит:

— Я — плохая!.. Плохая Матка! Я хотела... хотела аборт... — Она рыдает, громко, истерично. Ростик обнимает ее, прижимая голову в косынке к своей груди, тихо и грустно говорит в микрофон:

— Да, Елена, ты — Плохая Матка...

Соседка опять цепляется за мою руку, я сбрасываю ее пальцы, мне неприятны ее прикосновения. Ростик продолжает:

— Но ты еще можешь стать хорошей, можешь измениться! — Голос становится громче, наливается весельем. — Да, тебе надо пройти в лоно Космического Несознания, это трудный, но нужный шаг, и тогда кровавые демоны отступят, и бессмертный дух Несознания будет носиться над водами твоими!

— Пока они не отойдут... — бормочу я, не удержавшись. Соседка непонимающе косится на меня.

Как только Ростик произносит последние слова, дверь в глубине сцены открывается. Некоторое время в проеме темно, а потом зажигается свет. Нет, не зажигается... Не знаю, как они добились такого эффекта, но возникает впечатление, что свет и раньше был там, но только теперь стал виден, словно, наконец, проник сюда из какого-то сакрального измерения. Вместе с ним звучит нежный звон, будто вибрируют маленькие серебряные колокольчики. А свет белый и резкий. Очень яркий, он льется в зал сквозь дверь, не позволяя разглядеть то, что находится за нею.

— Вступи в Лоно Несознания и стань Хорошей Маткой! — громовым голосом приказывает Ростик.

Женщина медленно идет к дверям, колокольчики звенят громче, а меня отвлекает приглушенный шум сзади. Чуть поворачиваю голову. Три охранника стоят возле двери. Толстяк с мобильным телефоном идет по проходу к сцене, оглядываясь. Свободная рука обмотана грязной тряпкой. Наклоняюсь и сутулюсь, пытаясь стать меньше и незаметнее. Толстяк скользит по мне взглядом, проходит дальше. В зале звучит громкий стон восторга. Бросаю взгляд на сцену, но замечаю лишь окончание действа: мгновенное мелькание тени, женский силуэт на фоне белого света. Он будто проглатывает, затягивает в себя женщину, которая растворяется в нем. Дверь закрывается, звон серебряных колокольчиков стихает. «Она будет Хорошей Маткой!» — восклицает Ростик, и зал разражается криками.

Толстяк с мобильником останавливается у сцены и что-то говорит оратору. Глядя на него сверху вниз, проповедник делает короткий жест рукой — позже, мол — и произносит в микрофон:

— Пасынки Плохих Маток...

Я не слушаю, меня опять тошнит, болит бок, кружится голова. А на сцене уже стоят дети в грязной одежде, которых привел высокий васильковый мужик. Среди детей несколько знакомых мне лиц — это беспризорники, ночующие под мостом метрополитена, клянчащие мелочь у прохожих и целлофановые пакетики у продавщиц с рынка. В пакетики беспризорники наливают клей, купленный на выпрошенные деньги. Они испуганно и в то же время вызывающе переглядываются, приведший их мужчина по-отечески держит двоих за плечи. Ростик что-то говорит, в раскрытой двери горит белый свет, тени детей удлиняются, когда они идут к ней, подталкиваемые мужчиной.

Серебряные колокольчики смолкают, белый свет гаснет, поглотив беспризорников. Дверь закрывается. Ростик говорит что-то о молитве, все склоняют головы, вперив взгляды в пол, а я кошусь исподлобья на сцену. Толстяк с мобильным поднимается и перешептывается с Ростиком. Тот слушает внимательно, отталкивает толстя-

ка, ненадолго закрывает глаза, потом широко раскрывает их и обводит внимательным взглядом зал. Нет сомнения, что для него я — лишь одна из множества склоненных голов, но он вдруг поднимает руку и показывает пальцем в мою сторону.

Стараясь двигаться тихо, васильковые с двух сторон быстро идут ко мне. Вскакиваю, перелезаю через стулья и головы тех, кто сидит впереди. Кто-то вскрикивает, кто-то падает вместе со стулом. Добираюсь до прохода между рядами чуть раньше охранников, взбегаю по ступеням навстречу Ростику, который пятится, ухватившись обеими руками за треногу микрофона. Невесть откуда взявшийся толстяк швыряет мне в голову свой телефон. Мобильник впивается штырьком антенны мне в висок, мои ноги в мокрых носках скользят по дощатому полу... Позади крики, грохот стульев. Падая, переворачиваю табуретку с магнитофоном и, уже почти лежа на полу, из последних сил отталкиваюсь от него ногами и бью головой в закрытую дверь. Дверь открывается, я качусь куда-то вниз в полной темноте, которая сменяется ослепительным белым светом, который сменяется полной темнотой, которая сменяется белым светом, который сменяется темнотой.

* * *

Хорошо, что я удачно упал, да еще и на что-то мягкое. Оно медленно движется вперед, тихо поскрипывая.

Я лежу на животе, вытянув перед собой руки, а на сетчатке глаз еще живет картинка: наклонный коридор со стенами из скользкого белого пластика и множеством мощных ламп. Наверняка где-то спрятано реле, которое после открытия двери с секундной задержкой включает и выключает их.

Приподнимаюсь на локтях и скорее ощущаю, чем вижу, что нахожусь в узком туннеле, моя макушка почти касается его свода. Осторожно провожу рукою по мягкой поверхности подо мной... Это конвейер, шершавая резиновая лента на валиках. Нащупываю какие-то мокрые продолговатые предметы с закругленными концами и что-то похожее на влажные кусочки меха...

Замычав сквозь зубы, рывком приподнимаюсь, стукаюсь затылком о свод, падаю, судорожно дергая руками и ногами, отползаю назад, хоть немного назад, подальше от того, что лежит здесь. Подступает тошнота, я резко переворачиваюсь на спину, запрокидываю голову и сглатываю.

Лежу так довольно долго, постепенно приходя в себя. Конвейер не совсем обычный — теперь я чувствую, что он изгибается вправо, словно это круг очень большого диаметра.

Сквозь непрерывный шелест валов доносится новый звук. Переворачиваюсь на живот и прислушиваюсь. Источник звука где-то впереди, я вместе с конвейером приближаюсь к нему. Размытые фрактальные узоры, все это время плавающие в темноте перед глазами, уступают место тусклым отблескам. По левую сторону совсем близко — каменная стена. Осторожно вытягиваю руку вправо, пальцы скользят по стене, которая постепенно отодвигается — здесь что-то вроде просторной ниши или пещеры. Свет становятся ярче, стена из-под пальцев уходит окончательно. Ви-

жу тусклый газовый фонарь на крюкс под потолком, свет его, кажущийся мертвенным, озаряет тех, кто находится в нише.

Сипло вздыхаю. Локоть, которым я упираюсь в конвейер, съезжает. Я плюхаюсь лицом в теплое и осклизлое месиво, из которого торчат густые, мягкие волосы. Они щекочут ноздри, попадают в рот. Кричу, отхаркиваюсь и отползаю, стараясь очутиться подальше от того, что лежит на конвейере, но при этом случайно не скользнуть взглядом по пещере. Сдерживаться больше не могу и блюю на конвейер перед собой. «ГРУМ! ГРУМ!» — колотится сердце. От рвотного спазма ноют ребра.

Пещера уже позади, синюшные отблески газового фонаря больше не озаряют темноту. Во рту кисло и противно. Бок ноет, живот ноет, да еще и голова начала болеть. Конвейер ползет, шелестят валы. Отодвигаюсь подальше, ложусь и расставляю руки. Слева близкая стена, а справа ничего нет. Приподнимаюсь, вытягиваю руку — высота туннеля увеличилась. Конвейер продвигается рывками, скрипит. Резиновая лента дергается, идет волнами, их амплитуда увеличивается. Я цепляюсь за края ленты. Там, впереди, что-то происходит, лента вздымается, подбрасывая меня. В отблесках света видно движение — не разобрать, то ли челюсти, то ли экскаваторные ковши. С громким клацаньем они смыкаются, расходятся, опять смыкаются. Мне в лицо летят теплые брызги. Руки соскальзывают, я пытаюсь уцепиться за что-нибудь, но не успеваю.

Когда я встаю с каменного пола, в груди горячо, притихшая боль в ране вспыхивает от удара с прежней силой. Подгибаются ноги, чтобы не упасть, двигаюсь боком, в сторону от конвейера. В конце концов, упираюсь плечом в стенку и по инерции делаю еще несколько шагов вдоль нее. Становится светлее, но мне от этого не легче, ведь теперь, кроме тонкого, подпирающего потолок столба, железной перегородки и двери, вижу большую собачью конуру и ту, что сидит на цепи рядом с ней. Дверь открывается, входит высокий васильковый мужчина, которого я видел на сцене с беспризорниками. В одной руке у него большая миска, в другой дробовик. Васильковый настороженно оглядывается, но я стою в тени, привалившись к стене, и заметить меня он не может.

— Ото... ото... Мальвина! — говорит васильковый, и старуха в порванной ночной сорочке что-то неразборчиво тявкает, приподнимаясь на коленях.

— Мальвина! — Васильковый наклоняется, ставит миску перед ней. — Уууу!.. Жрать, жрать хочешь, а? — Он треплет старуху за ухом, она кладет руки ему на грудь и пытается не то лизнуть, не то поцеловать в губы, одновременно довольно бормоча: «Зерков...»

— Ото! Ото! — смеется васильковый. — Уф, бесстыдница. Папочка пришел, любишь папочку, да?

Старуха виляет задом, крутится на полу, запутывается ногами в цепи и падает. «Жикру!!!» — воет она. Руки и ноги у Мальвины такие тощие, что кажется — из сорочки торчат покрытые бледно-желтым лаком палки. Васильковый смеется, хватает старуху за икру и, приподняв, освобождает от цепи.

— Жикру!

— Ото... пшла, дура старая!

Старуха зубами хватает миску и убегает в конуру. Васильковый заглядывает туда. Из конуры доносится чавканье. Васильковый улыбается, фальшиво запевает: «Но знай, что до сих пор... ото-ото, Пьеро... на тоненьких ногах шатается по све-ету-уу» — и с песней исчезает в дверях.

Мальвина не показывается, и через минуту я выхожу на освещенный участок. Здесь тяжелый, муторный запах, смесь дерьма и пота. Толкаю дверь, она, поскрипывая, открывается. Слышу сзади звяканье миски, поворачиваюсь. Взволнованно урча, Мальвина выпрыгивает из конуры, проносится мимо меня и задирает у столба ногу. При этом косится в мою сторону и ворчит, оскалившись. Побыстрее протискиваюсь в дверь.

* * *

Десяток низких хатенок с соломенными крышами, кривая улочка между ними. Деревенька будто игрушечная, напоминает сцену кукольного театра. Все освещено двумя прожекторами, горящими где-то наверху в разных концах пещеры. Никого не видно, в отдалении приглушенно играет музыка. Откуда-то из темноты доносится тихий шелест конвейера. Иду вдоль стены пещеры, двойная тень тянется от меня вперед и назад. Заглядываю внутрь одной из хат, там пусто, лишь голые стены. Когда дверь, через которую я проник сюда, исчезает из вида, слышу тявканье и крики впереди.

Ускоряю шаг, до меня доносится тихий плеск. Среди теней возникает движение, голоса и лай становятся громче. Вижу серые фигуры тех, кто преследует меня. Бегу дальше и падаю в воду, текущую по неглубокой канаве в каменном полу. Слева канава исчезает под широкими, закрытыми на два замка дверями, а справа — извивается между хатами.

Бегу к постройкам, просто потому что больше бежать некуда. Вода не достигает колен, по запаху становится ясно, что это — канализационные стоки. Стараюсь не шуметь, но эхо подхватывает плеск воды, разносит во все стороны. Канава резко поворачивает, становится глубже. Небольшое существо скатывается по обрыву прямо мне под ноги.

Оно рычит. Зацепившись за него, падаю. Чувствую, как меня хватают за колено, отталкиваюсь ладонями от дна и выпрямляюсь во весь рост. Над водой появляется голова со слипшимися волосами.

— Жикру!

Мальчишка, но не из тех, кого я видел сегодня на сцене. Обнаженный, на шее веревочная петля. Обхватив мою ногу всеми четырьмя тощими конечностями, мальчишка отфыркивается, разевает рот и впивается зубами в мою ляжку. «ТЬХУ! ТЬХУ!» — он выплевывает джинсовый лоскут и с ворчанием кусает снова. Я ору, молотя его по голове, но он не отпускает мою ногу. Звуки погони становятся громче. Я хватаю щенка за уши, резко дергаю вверх. Его ворчание превращается в стон боли, зубы разжимаются. Приподнимаю его так, что над водой оказывается почти все тело.

— Жикру!!!

Перехватываю одной рукой за подбородок, а второй за затылок и отбрасываю от себя. Щенок совсем легкий, под кожей рельефно проступают ребра, лопатки и позвонки. Слышен хруст, он падает в воду. Оттолкнувшись ногами от дна, показывается над водой: голова сворочена набок и почти прижата ухом к ключице. «Жикраа...» — жалобный стон обрывается. Щенок медленно опрокидывается на спину, течение уносит тело.

Иду дальше, припадая на прокушенную ногу. В тявканье и крики вплетается звук охотничьих рожков. Берега сужаются, течение становится сильнее. Поворот и крутой наклон. Вода, бурля, стремится вперед, стекая по склону каменного амфитеатра. Он не очень велик и погружен во тьму, только наверху свет озаряет домики, а далеко внизу горит белый огонек.

Поворачиваюсь и вижу над собой двоих. Один стоит с поднятой головой и охотничьим рогом у рта, второй с ним рядом — на четвереньках: иссиня-черные тени на фоне белых перекрещенных лучей прожекторов. Громкий звук рога разносится под сводами пещеры, отзывается эхом, медленно, будто планируя, опускается в черноту амфитеатра и там вязнет, затихает. Рогу вторит хор воющих голосов. Я пячусь, падаю на спину, и темно-коричневый вонючий поток подхватывает меня.

* * *

Темные воды вокруг. Плеск и мерное покачивание, неторопливое движение в бесконечности. Свечение струй органики в черной толще, дымные силуэты, скрип дерева, весла в уключинах и спущенные паруса. Пена за кормой уплывающего корабля, чужие архипелаги, тихие заводи среди меняющих форму островов слизи. Дрожащие заросли папоротников, лишайники и мох, смена широт, черная радуга, слепые глаза. Течение, медленное движение по кругу, воронка, впадина. Долгий спуск по склонам, во мраке, полном жизни. Шелест, шаги и плач. Механический шум, скрип тросов и стрекотание лебедки. Бредущие на фоне тусклого света сгорбленные тени, неразборчивый шепот, запах гниения, испарина и дрожь. Свет затухает.

Ярко горит огонек внизу. Он уже стал пятном света с четкими очертаниями — это окошко.

Здесь нет амфитеатра, нет каменных сводов. Свет прожекторов исчез, не осталось вообще ничего. Пустота. И посреди чернильной тьмы стоит круглый домик с гостеприимно открытой дверью. Кто-то привалился плечом к дверному косяку. Я попадаю в свет, и чей-то голос кричит:

— Ото!

* * *

— Вроде, ты мне скажи, почему так. Ты сидишь, и я сижу. На чем сидим, чего ждем? Жикру, вроде, надо чунить, а тут...

— Ото... ото... на чем вы хотите, чтоб я сидел?

— Ни на чем я не хочу! Ото, ты, вроде, не перебивай. Щас в лицо получишь.

— Ото... ото... тогда уйду отсюда. Ото... не буду больше с вами разговаривать.

— Вроде, обиделся? Ладно, подожди. Я не про то. Смотри, эта жикра непорченая, да? По самое нехочу непорченая. Тут же морщин не должно быть. Но, лицо... Вроде, у меня еще мало. А ты старше, у тебя все лицо в морщинах. Почему так? Мне, вроде, непонятно. Мы вообще не должны стареть, Ото, но у тебя все равно...

— Ото... ото... опять обзываетесь?

— Не обзываюсь я! Я понять хочу. Вроде, почему, хоть мы жикра контролируем, но все равно стареем. И наоборот. Зерковы, вроде, ни при чем здесь, чунить их нельзя, хотя и по кайфу. А почему, а?

— Ото... ото... Хуцик, вы что говорите? Хотите, чтоб и из меня зерков вылез? Ото... пойди проспись!

— Фу, дебила кусок. Причем тут, вроде, ты? Тю, запутал меня! Дурак нечуненый! Обидчивый! Мудак на букву «чу»! Я не про тебя, я вроде про всех нас!

— Ото... ото...

Эти двое — Толстяк и Высокий. Третий стоит в глубине помещения к нам спиной, нарядом ему служит только фартук с узкими тесемками на плечах. Под фартуком ничего нет.

— Утихомирьтесь, — произносит Ростик, поворачиваясь. Толстяк Хуцик и высокий Ото замолкают, обиженно глядя друг на друга. Хуцик посасывает обрубки трех пальцев. Я сижу в углу комнаты, несвязанный, в одних трусах. Джинсы и свитер лежат на полу.

— Вы хорошо посмотрели?

— Ото... ото... всего обсмотрели.

— Тока в жопу, вроде, не заглядывали.

Ростик качает головой и приближается ко мне. На его фартуке — темные пятна, в руке тесак с узкой деревянной рукояткой и очень широким, в зазубринах, лезвием. Я отодвигаюсь насколько могу, прижимаясь спиной к стене. Помещение подобной формы называется, кажется, ротондой. Кроме двери, через которую меня втащили, в ротонде есть другая, с массивным засовом — с противоположной стороны. Вторая дверь обита бледно-желтой кожей, засов не задвинут. Около нее к стене прислонен дробовик. Стены, оклеенные веселенькими обоями, увешаны черно-белыми фотографиями в простых деревянных рамках. Снимки скучные, так сказать, «семейные». На одном — усаженный липами сквер, по которому прогуливаются молодые мамаши с колясками. По дизайну колясок понятно, что мамаши эти — нынче бабушки. Одна из женщин, похоже, это ее и фотографировали, стоит ближе остальных и смущенно улыбается. На другом снимке — крыльцо сельского дома, на ступеньках примостился конопатый мальчик в шортах и галстуке. Наверное, галстук красный. На третьем — молодые люди: парни и девушки в костюмах и белых платьях такого фасона, который теперь никто не носит, — выпускной вечер, что ли?

— Где жикра? — спрашивает Ростик, нависая надо мной.

Молчу, глядя то на него, то на остальных.

— Хуцик!

— Ась?

— Вылазь! Так, говоришь, в задницу ему не заглядывали?

— Не-а. Тока, вроде, одежду посмотрели.

— Ну так, может, он там спрятал?

— Ото... ото... это вы дело говорите, — подает голос Ото.

— Так надо проверить, — говорит Ростик.

Обитая кожей дверь приоткрывается, и в комнату вкатывается тележка: широкая доска на четырех подшипниках. Молодая женщина отталкивается от пола рукой, в которой зажата деревянная колодка. В другой руке женщина держит железный поднос. У нее запавшие щеки, под глазами круги, на скуле свежая ссадина. Когда дверь открывается, меня обдает потоком чего-то невидимого и колючего, будто снегом на холодном ветру. Стены в помещении необычные, с барельефами... Перевожу взгляд на женщину и понимаю, что минуту назад видел это лицо на фотографии. Правда, на снимке женщина улыбалась.

— Зайчик, кыш отседова! — шипит Хуцик.

Женщина ставит поднос на низкую тумбочку, косится на Ростика и едет к двери. Оказывается, дверь отворяется в обе стороны — женщина просто толкает ее. Снова поток невидимых снежинок, мне кажется, что они проникают сквозь череп и впиваются в мозг. Хочу заглянуть во второе помещение, но Ростик загораживает проход.

— Значит, надо проверить, — повторяет он.

Хуцик и Ото хватают меня за плечи и кладут лицом вниз. Ростик сдирает с меня трусы. Я ору «Не надо!», сучу ногами и верещу, чувствуя, как зазубренный металл касается ягодиц. Ростик нажимает, лезвие рассекает кожу. Я ору:

— Она в куртке! В куртке оставил!

— Хуцик, подожди. Что еще за «она»?

Меня переворачивают на спину.

— Повторите, пожалуйста, — просит Ото.

— Про что вы? — хриплю я сквозь слезы. — Я купил у Вовика коробок, не заглядывал. У него было два, один он продал мне, может, перепутал?

— Вовик? — повторяет Ото и вопросительно глядит на Хуцика.

— Дурак дураком. Мы ему, вроде, наносили вытяжку жикры на марки. Слабенький раствор, он же не наш продавец, левый...

— Хуцик, то вытяжка, а то — целый жикра, — перебивает Ото. — Вы целый жикра отдали левому распространителю...

Ростик смотрит на толстяка исподлобья, покачивая рукой с тесаком. Хуцик делает шаг назад и кричит:

— Вроде, ошибка вышла!

Некоторое время они молча глядят друг на друга. Дальняя дверь приоткрывается, из нее высовывается голова Зайчика. Летят невидимые снежинки, лучи их остры, как иглы, — прокалывают мозг. Женщина застывшим взглядом смотрит в спину Ростику.

— Ладно... — произносит тот наконец, и Хуцик громко выдыхает. — Жикра в куртке, ладно. Где куртка?

— Ото... ото... не было на мальчике куртки, — произносит Ото и переводит взгляд с Хуцика на меня. — Где куртка?

— Я ее бросил в подвале.

Ростик резко поворачивается и швыряет тесак, который вонзается в стену рядом с головой Зайчика. Пронзительно скрипят подшипники, женщина шарахается назад, дверь закрывается.

— Где именно в подвале? — спрашивает Ростик и идет за тесаком.

— Возле кухни. Там стеллаж и узкий проход. Я не мог пролезть, снял куртку.

— В коридоре возле кухни! — шипит Хуцик. — Там же... туда нельзя...

Ростик выдергивает тесак, зажимает его под мышкой. Ото тем временем помогает мне подняться. Я покачиваюсь, упираюсь руками в стену. По моим ногам текут струйки крови. Ростик берет что-то с подноса и, осторожно держа двумя пальцами, ест.

— Ото... ото... хотите что-то спросить? — обращается ко мне Ото.

Из этих троих он кажется самым миролюбивым, и я шепчу:

— Что такое жикра?

— Ага, так-так... — говорит Ото. — Ростик, вы разрешите рассказать мальчику про жикра?

— Делайте что хотите. Мы с Хуциком идем на кухню, проверим.

— На кухню! — Толстяк всплескивает руками. — Вроде, Ото худее меня. Я же не пролезу, там... да там же, знаете, кто в том коридоре живет? Это же он врет, вроде, как бы он там прошел, по коридору! Его бы зачунили, он бы оттуда, как Мересьев... он был не вышел, выполз бы оттуда!..

— Идем, — повторяет Ростик и направляется к дверям, через которые меня сюда затащили.

— Да хоть ружье, вроде, возьму!

— И зачем? Против зерков ружье-то?

— Ну, вроде, как скажете. Только вы первым идите, я сзади держаться буду.

Они выходят, слышен затихающий голос Хуцика:

— Узко, вроде, а я же...

— У вас попить есть? — шепчу я. Голос сел, не могу говорить громко.

— Ото... ото... тут, к сожалению, нет. Потерпите, вам скоро пить совсем расхочется.

Присаживаюсь на корточки, но мне становится больно, и я ложусь на бок.

— Видели жикра? — спрашивает Ото.

— Что такое жикра?

— Ото... сложно ответить.

— Я видел коробок! На нем кораблик. Больше ничего не видел.

— Ото... ото... полюбопытствуйте...

Он присаживается рядом, достает из внутреннего кармана василькового пиджака бархатную коробочку вроде тех, в которых продают золотые колечки и сережки. Открывает ее, я вглядываюсь... на бордовом бархате лежит розовый детский язычок.

Я тупо пялюсь на него, не понимая.

— Ото... ото... что видите?

— Детский язык, — шепчу.

Почему-то Ото крайне этому рад. Он весело щурится.

— Язычок! Ото... ото... что же вы тогда увидите, если заглянете в плотскую камеру? Как интересно! Вы уверены, что эта... ото, штучка, является детским языком, или вы думаете, что видите что-то, что напоминает вам детский язык?

Я еще только силюсь понять смысл его слов, а вещь в коробочке, хоть и осталась такой же, но уже другая. С чего я взял, что это... как я его назвал? Никакой это не... не то, как я его назвал, просто мясистый листок бледно-розового, с прозеленью, цвета.

Поднимаю взгляд на Ото, который, улыбаясь, смотрит на меня.

— Ото... ото... что видите?

— Древесный листок?

— Ото... уверены?

Я смотрю в коробочку, смотрю на Ото, шепчу:

— Что я сказал только что?

— Древесный листок.

— А... а перед этим?

— Ото... детский язык.

Я не помню ни того, ни другого, не понимаю, с чего оно напомнило мне... что именно? Ведь он только что назвал его...

— Лапка белки... — шепчу я. Смотрю на Ото. Смотрю в коробочку.

— Комок слизи.

Смотрю на Ото. Смотрю в коробочку.

— Скомканное птичье перо.

Смотрю в коробочку.

— Улитка без раковины.

Смотрю в коробочку.

— Клочок ваты, пропитанный высохшей менструальной кровью.

— Ото! — радуется Ото. — А откуда знаете, что это за кровь?

Смотрю в коробочку.

Кровь? Какая кровь?

Не смотрю в коробочку.

Не смотрю туда.

Не смотрю туда.

Не смотрю туда.

Смотрю туда.

— Жикра не существует во времени, понимаете? — говорит он ласково. — Ото... восприятие его сиюсекундно, даже сиюмгновенно. Жикра есть, только когда на него смотришь. Вы видите его и пытаетесь дать ему название. Даже если не произносите вслух, все равно, в голове вы его называете. Но жикра — это не то, не то! Слова тут не годятся. Любое название слишком мало для него. Название работает только пока вы видите жикра, а потом теряется, а в следующий раз вы называете жикра по-другому, но и это название меркнет.

Не смотри в коробочку.

Не смотри в коробочку.

Не смотри в коробочку.

Опять смотрю туда, Ото захлопывает крышку.

— Видели тех, кто живет наверху? Их очень много... всяких. Это те, кому мы долго показывали жикра или те, кто случайно увидел... — он неопределенно поводит рукой в сторону закрытой двери. — Ото... ото... они зачунились, а возле норы самого зачуненного вы и оставили...

Ото выпрямляется, а мой взгляд следует за карманом, в котором он спрятал коробочку.

— Это наркотик? — хрипло шепчу я. — Жикра — наркотик?

— Нет. Да. Ото... может быть. Вытяжку из него мы наносим на марки. Принцип тот же, что и с ЛСД. Только мы это называем Л(С)Д, в конце концов, это ведь наше изобретение, наша марка. Ото... ото... знаете, что я вам скажу? Мы сами находимся внутри жикра.

Я сажусь, медленно, потому что у меня рана на боку, рана на ноге и рана в заднице. Может, они и находятся внутри жикра, а я сижу в трусах внутри круглого домика на дне каменного амфитеатра глубоко в подвалах под Домом Культуры «Хлебокомбинат». И у меня болит задница.

— Что вы говорите, Ото? Что за бред. Для всего есть название.

— Ото... ото... не название, имя. Оно так и именуется, жикра. Просто набор букв, который, ото, ни с чем не ассоциируется.

— Нет, а название? Что такое жикра?

— Вы очень хотите знать? — улыбается он.

— Да, Ото. Что такое жикра?

Его улыбка становится шире.

— Точно? Ото... ото... может, вы даже хотите заглянуть в плотскую камеру?

— И это тоже. Но сначала, что такое жикра?

— Срань Господня, — говорит он.

* * *

— Ото... ото... экстрасенс, очень мощный. Наверное, самый мощный за всю историю. Ну, их сейчас так называют, а раньше она была святой. Тогда она еще с ногами, это уж потом мы с Ростиком, чтоб она не убежала... Логос поймала она.

— Кого?

— Ото... ото... не поймала, скорее приманила. Я и Ростик, мы не сразу поняли, что Он такое. Ростик из тех, кого сейчас называют оккультистами, а я биохимик. Нам, ото, еще нужен был специалист, ну мы и нашли Хуцика, он вообще-то квантовый физик, он нам кое-что разъяснил насчет логоса, когда разобрался в ситуации. Зайчик Его приманила. У всех нас слабый мозговой ветер, не ветер, так — дуновение... Зайчик сильнее, от нее сквозит. Просветленная она, понимаете? Святая Мария, Жанна Д'Арк... Он заинтересовался этим сквозняком, приблизился, чтобы познако-

миться с ней, задержался здесь... Ну вот, а теперь она нам помогает. Долго находиться в камере нельзя, мозговой ветер слишком сильный. Сносит крышу, как ураганом. Только Зайчик может выдержать, она и кормит Его, и подбирает за Ним жикры. Конечно, на самом деле Он — не Он, а только Его, ото... манифестация. Материализованная метафора... ну, самый кончик вершины огромного айсберга, ото, торчащий над океаном. Он поначалу выделял жикры... слишком слабые, понимаете? Он же процеживал сквозь себя солнечный ветер, ото, космическую пыль, звездные течения... Ото... ото... жикры были добренькие такие, сопли со слюнями, кому они нужны? Но мы стали кормить Его, ото, всякими вещами, ну и тогда пошло-поехало. Скормим глазик, получаем жикра, скормим печень — получим бо-ольшого жикра, с него вытяжки на пару сотен марок хватает, и со всех марок трипы такие — обоссышься. А с ног Зайчика такая пара жикр получилась, загляденье. Его можно удержать в нашем жикре только... ото, определенным способом.

— Мы не в жикра! — кричу я, поднимаясь с пола. — Это не жикра!

— Ото.. ото... не вопите, мальчик. Хотите — называйте жикра трипом, что в имени?.. Или миром. Его создает логос, и мы в нем. В Его трипе.

— Убью! — говорит Ростик, входя и сразу же прикладывая меня рукоятью тесака по уху. — Убью, сука! — орет он, хватает с тумбочки поднос и швыряет его на пол.

— Ото... что такое? — спрашивает Ото у Хуцика, хмуро стоящего в дверях. — Что случилось?

— Зачуненный в том коридоре, вроде, схавал этого жикру, — ворчит толстяк. — Мы пришли, вроде, шастали-шастали, не нашли куртку. Зачуненный ее, наверное, до нас успел найти, ну и унес куда-то...

— Скажи, ты соврал? — орет на меня Ростик. — Жикра в куртке или ты соврал? Или куртка в другом месте? Или что?! — он хватает меня за плечи и трясет так, что мои зубы лязгают. Потом отпускает и заносит над моей головой тесак.

— Ото... можете успокоиться? — подает голос Ото. — Это ведь всего один жикра...

— Я с каждого жикра имею тыщ по сорок баксов! — орет Ростик. — Или, может, пятьдесят! Говори, мальчик, где жикра?!

Тесак начинает опускаться на мое плечо, но я уже вцепился обеими руками в поднос и вонзаю его ребро Ростику между ног. Ростик воет и выпускает тесак. Я, конечно, пытаюсь завладеть холодным оружием, но тут на меня с разбегу наскакивает Хуцик, и, ударившись о дверь, мы влетаем в камеру. Только теперь я понимаю, что дверь обита человеческой кожей.

* * *

Шторм внутри, мозговой ураган!

Кто Он, я не знаю и не могу назвать Его, и описать Его тоже не могу, потому что тогда придется влить Его суть в форму слов, но Его суть не может быть ограничена никакой формой, суть Его сути — отсутствие всякой формы.

Мозговой ураган вокруг Него. Он плывет над полом из человеческой кожи, над квадратами из кожи, натянутыми на ребра из костей, Он плывет между стен

из мяса, которое еще не начало гнить, но скоро начнет, и тогда его надо будет заменять новым мясом, Он плывет под потолком, подвесным потолком из черепов и грудин, и Он плывет бесконечно и вечно в потоке мозгового ветра, но остается на месте, потому что преграду мертвой плоти не могу преодолеть даже Я, помню черноту расширяющейся световой сферы, Мое путешествие в ней, мерное движение на фотонных волнах, пищу — пыль, кванты космоса, Я пропускал через Себя смену вселенских эпох, заворачивающиеся рукава галактик, бессчетные пылинки звезд, которые создал Я сам, которые были одним из моих бесчисленных трипов, по одному из которых плыл Я, потянулся к тесаку, а Ото наступил мне на руку, и тогда Я понял, как закончится этот трип, вспомнил то, что видел краем глаза, отводя взгляд от коробочки и опять глядя в коробочку: как безногая на тележке просунула руку в дверь и тихо, чтоб не услышал Ото, потянула к себе дробовик. А теперь она выстрелит, отдача толкнет тележку назад, та ударится в дверь, распахнет ее и перевернется, не позволяя двери закрыться. Заряд дроби зацепит всех троих: и Ростика, и Хуцика, и Ото, которые в тот момент покажутся мне жалкими отцом, сыном и святым духом этого трипа.

Основной заряд достанется Ото. Его отбросит назад, и Ото попадет в око урагана, бушующего вокруг Того, Кого не могу описать, Кто бесконечно плывет на гребне создаваемого Им же мозгового шторма. И не станет Ото.

Хуцик с развороченным дробью плечом сделает два неверных шага, я рывком поднимусь с пола, тесаком распорю ему живот от паха до груди, и не станет Хуцика. Не глядя на выпадающие из него дерьмо и кишки, мимо широко распахнутой двери шагну к Ростику. Ростик закричит мне: «Прекрати! Этот трип исчезнет, если ты освободишь Его!», но я не стану его слушать. Скорее чувствуя, чем видя, что урагана, который создает вокруг себя Он, уже нет в центре камеры, что, подчиняясь изменившемуся течению, Он начинает медленно дрейфовать, смещаться к распахнутой двери, я отсеку голову Ростику. Голова упадет, покатится и остановится в том месте, над которым раньше был Он, а теперь уже нет никого.

И не станет Ростика. Опустившись на колени, я положу тесак, оглянусь и не увижу Бога. Больше всего в тот момент я буду желать уйти следом — но мне не дано увидеть то, что еще предстоит увидеть Ему, я не уйду за Ним и останусь вечным узником в камере моей плоти. Он уплывет, скроется, исчезнет, Его больше нет, последний слабый порыв мозгового ветра коснется моего лба и стихнет. Теперь в камере моей плоти будет царить мертвый штиль, уже навсегда. Я лягу лицом вниз, чтобы не видеть того, что вокруг. Я закрою глаза, чтобы стало темно. И, может быть, тогда все закончится.

ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ

УШЕЛЕЦ

0

— НЕТ У ВАС ЧЕГО-НИБУДЬ ПОСЕРЬЕЗНЕЙ? ТЫСЯЧ НА ПЯТЬ-шесть...

Продавщица покачала головой, потом с усилием вытянула из середины высокой стопки одну из плоских коробок.

— Вот, только это. — И показала мне. На крышке коробки был изображен улыбающийся Леонардо Ди Каприо. — Три с половиной тысячи. Только вам это, наверное...

Она замолчала, скептически поджала губы и еще раз покачала головой.

— Да... — подтвердил я. — Мне бы лучше что-нибудь с природой. Море там, небо...

— Нет, — вздохнула она, укладывая коробку с Ди Каприо на вершину стопки. — Таких больших сейчас нет.

— Извините, — зачем-то сказал я и начал пятиться от прилавка.

— Вы попробуйте послезавтра подойти, — предложила она, провожая меня глазами. — У нас по понедельникам завоз. Может, на складе что-нибудь...

— Да, — пробормотал я. — Может быть...

Я поправил шарф под плащом и двинулся в сторону автобусной остановки, лавируя между энергично спешащими прохожими и стараясь не ступить в лужу или в месиво грязного подтаявшего снега. Я уже надел левую перчатку и начал натягивать правую, когда ко мне обратился этот странный человек.

Он вынырнул откуда-то сбоку, скорее всего, из узкого прохода между палаткой, торгующей видеокассетами, и лотком с неестественно яркими на фоне окружающей серости свежемороженными фруктами. Человек был небрит, непричесан, одет в какое-то рванье. Кажется, от него пахло. И еще он был как бы... словом, нерусским.

«Ну вот, — подумал я, когда он тронул меня за рукав. — Сейчас попросит три рубля на метро... — и сам себя поправил: — Четыре...»

Однако обратился он ко мне с совсем другими словами.

— Ну, что вы можете мне предложить?

Я даже остановился от неожиданности.

— Я? Вам?

— Нэээ... — он замялся. — Это вы спросить должны. Были... — и снова зачем-то потеребил рукав моего плаща.

Я промолчал.

Он беспомощно заглянул мне в глаза.

— Вы же... Я видел... — он махнул рукой куда-то мне за спину. — Вы интересовались!

Да, от него определенно пахло. Я сделал шаг в направлении остановки.

— Нэээ... — раздраженно произнес он и решительно загородил мне дорогу. — Погодите, сейчас... — На его немытом лице проступил свет озарения. Или это только отсвет далеких фар?.. — Вот!

И прежде чем я успел что-либо предпринять, он рванул с плеча неопрятного вида мешок и широко раскрыл его передо мной, как бы приглашая меня то ли ознакомиться с его содержимым, то ли запрыгнуть внутрь.

— Что там? — подозрительно спросил я.

— Как? — удивился он. — Вот же...

Он засунул руку в мешок по локоть и добыл оттуда огромную прямоугольную коробку. Примечательно, что после извлечения коробки он совершенно потерял интерес к самому мешку, явно не опустевшему. Странный человек просто поставил мешок в лужу, а коробку, старательно протерев рукавом, протянул мне.

— Что там? — повторил я свой вопрос, не собираясь притрагиваться к подозрительному предмету. «Мало ли...» — аргументировал я про себя.

— Игра! — радостно сказал человек. — Голова... Нэээ... ломка! Вы любите. Вы спрашивали...

— Игра? — переспросил я. — Вы имеете в виду, паззл?

— Да, — он несколько раз энергично кивнул головой. — Пааз... Паа... Нэээ... Вам нравится! Будет...

— Вы уверены? — не скрывая сомнения, произнес я, однако, не удержался и потянул коробку из его нечистых, с обкусанными ногтями, пальцев.

Коробка оказалась неожиданно тяжелой, мне пришлось придержать ее второй рукой, чтобы не уронить на землю. Она была абсолютно черной, не считая нескольких царапин и потертостей на углах. Крышка в одном месте была надорвана, она крепилась к коробке двумя обрезками черной изоленты. На крышке тоже ничего не было, только чернота.

— Черный квадрат Малевича? — сыронизировал я. — Всегда мечтал... Десять тысяч кусочков?

— Да, да! — обрадовался незнакомец и еще немного покивал. — Кусочки... Много кусочков... Это... — он постучал пальцем по крышке коробки. — Изнанка. Рубашка. Нэээ... Другая сторона! Оборот...

Я приподнял коробку над головой и взглянул на нее снизу. Там тоже не было никакого рисунка.

— Не так... — он вновь беспомощно подергал меня за рукав. — Рисунок потом... Картина... Сначала — собрать. Вот так... — он изобразил пальцами что-то невразумительное. — Собрать черное, оборотом вверх. Потом перевернуть. Потом смотреть. Нравиться...

— Собирать обратной стороной кверху? — догадался я. — И без чертежа?

Он закивал с выражением явного облегчения на лице.

— И что же там изображено? — я попытался поддеть крышку коробки в том месте, где уже был надрыв.

— Нет! — он испуганно схватил меня за руку. — Не смотреть! Надо... Кто-то другой. Перевернет, пусть. Потом собрать. Перевернуть. Потом смотреть. Можно...

Я несколько опешил, настолько правдоподобным казалось выражение испуга в его глазах.

— Ну ладно, — с сомнением протянул я. — И сколько вы хотите получить за это чудо?

— Мало, — с готовностью ответил он. — Сколько есть... Не жалко...

С трудом удерживая коробку одной рукой, я, не глядя, вытащил из кармана брюк какую-то купюру. Как оказалось, полтинник.

— Вот, — я протянул ее незнакомцу. — Хватит?

— Спасибо, — он резким движением схватил купюру и смял в кулаке.

Кажется, я по обыкновению сильно переплатил.

— До... Нэээ... Свидания.

Он развернулся и быстрым шагом направился прочь, нырнув в лабиринт торговых рядов, палаток и лотков. Уже через полминуты я потерял его из виду.

Серый бесформенный мешок по-прежнему валялся на асфальте, прямо посреди лужи, и редкие прохожие обходили его стороной.

Из задумчивости меня вывело появление автобуса. Он подкатил к остановке, обдав приливной волной из прибордюрной лужи тесную толпу ожидающих граждан. Толпа запоздало отшатнулась и, как только начали открываться двери в салон, устремилась вперед. Наступил отлив.

Стоять, держась за поручень одной рукой и зажимая под мышкой большую тяжелую коробку, было неудобно. Когда автобус подпрыгивал на кочках, становилось слышно, как внутри коробки что-то пересыпается с негромким, сухим стуком.

Чувствовал я себя — да и выглядел, наверное, — довольно нелепо.

по-прежнему 0

На звук открываемого замка из кухни принеслась Танюшка, закружилась, обвилась вокруг, отклонилась, подставляя щеку.

— Погоди, дай я хоть ботинки...

Послушно отступила. Заметила прислоненную к стене черную коробку.

— Ой, а это у тебя что? — я не успел ответить, я сосредоточенно пытался развязать мокрый шнурок. — А я тебе суп на завтра приготовила. Я молодец?

— Как суп? — Я замер, держа в руке первый отмотанный виток шарфа. Осталось еще два. — А сама?

— Ну, я же тебе уже говорила, — ее голос стал вкрадчивее. Танюшка опустила глаза, отобрала у меня конец шарфа, принялась помогать разматывать. — Я сегодня еду ночевать к Лене. Ей сейчас нельзя оставаться одной. Ты же знаешь, как она переживает свой разрыв с мужем...

— Ах, конечно! Прости, я немного... Знаешь... — я не знал, как избавиться от охватившей меня неловкости. — Могу я обратиться к тебе с одной необычной просьбой.

— А она будет очень необычная? — ее глаза озорно блеснули.

— Весьма, — уверенно пообещал я. — Спорим, ты удивишься.

— Ну, обратись...

Цель была достигнута. Танюшка заинтриговалась и так, заинтригованной, проходила все следующие двадцать минут, пока я осуществлял подготовку плацдарма.

увы, но снова 0

— Ну, открыла?

Танюшка не ответила.

— Я спрашиваю, открыла?

— Ой! Извини, я кивнула. Да, открыла.

— Ну! И что ты там видишь? — должно быть, мой голос звучал слишком возбужденно.

Интересно, что она ответит? Что там, внутри коробки? Стопка старых журналов? Четыре килограмма макарон? Тысяча обломанных зубочисток? Хм-м... Звучит, как ругательство...

Ну не молчи же!

— А сам ты точно не можешь посмотреть?

Я с трудом удержался от ненужных восклицаний и спокойно ответил:

— Точно. Ну!

— Тут кусочки головоломки. Обыкновенные кусочки, с одной стороны — радикально-черный цвет, а с другой... тут нарисовано...

— Не говори! — перебил я. — Я сам все увижу. Потом... Пока, пожалуйста, достань из коробки все кусочки и разложи их на столе. Видишь, я там расчистил... Только смотри, раскладывай обязательно черной стороной вверх.

— Все? — Танюшка неумело присвистнула. — Ты хоть знаешь, сколько тут этих кусочков?

— Приблизительно...

Пока Танюшка раскладывала кусочки пазла, я, не отрываясь, смотрел в окно. За окном была непроглядная темнота. «Как же она поедет?» — с тревогой подумал я. Вслух, однако, ничего не сказал. Не хотел отвлекать...

— И это вся твоя просьба? — спросила она, когда закончила.

— Да, спасибо, — поблагодарил я и отвернулся от окна.

Вся поверхность моего письменного стола была покрыта несколькими слоями маленьких картонных кусочков черного цвета. Кусочки казались неразличимыми, однако каждый из них имел собственную уникальную форму. Они напоминали опавшие листья таинственного черного дерева.

— Ладно, тогда я поехала, — сказала Танюшка. — На ночь не забудь убрать кастрюлю в холодильник.

Кажется, она выглядела немного разочарованной. Честно говоря, я не придал этому особого значения.

И только запоздало заметил, что отвечаю на ее «Пока» уже после того, как щелкнул язычок дверного замка.

Зато я почти сразу нашел угловой элемент! Совершенно непонятно, какой именно — левый верхний или, наоборот, правый нижний, но это уже не важно. Важно, что теперь мне есть, с чего начинать...

вы не поверите, 0!

Самое забавное — то, что я нечаянно угадал. Ткнул пальцем в небо и открыл новую планету. Кусочков действительно оказалось ровно десять тысяч!

Чтобы понять это, мне понадобилось приблизительно два часа.

Только не думайте, что я просто сидел и тупо пересчитывал элементы паззла! Это было бы бессмысленной тратой времени.

Я их сортировал!

Конечно, будь они цветными, от сортировки было бы больше проку. Я мог бы разложить их на несколько групп по цветам: отдельно море, отдельно небо, отдельно скала и уж совсем отдельно — средневековый замок на скале. Каюсь, замок я бы собрал сразу. Это так легко, что просто невозможно удержаться! Куда сложнее обстоят дела с монотоном — попробуйте отличить один уголочек неба от другого. Иногда, правда, получается, по тональности, по едва различимым оттенкам голубого, но чаще всего — обычным перебором.

Сейчас мне предстояло решить задачку посложнее. Ведь у черного цвета нет оттенков.

Однако некоторую минимальную сортировку, чтобы облегчить дальнейшую работу, я провел. А именно — отобрал все кусочки, у которых хотя бы одна сторона была абсолютно ровной, без рельефных выпуклостей и вогнутостей. Я назвал их «сторонними». «Сторонних» оказалось четыреста, для их складирования я приспособил крышку от черной коробки.

Четыре штуки из них имели по две ровные стороны. Они были призваны стать краеугольными камнями в моем строительстве.

На стене в моей спальне вот уже третий год висит ковер. На нем изображен олененок, понуро бредущий сквозь осеннюю чащу, но это к делу не относится. Существенно, что ковер этот квадратный, почти без ворса и имеет размер два с половиной на два с половиной метра. Именно такую площадь, по моим подсчетам, должна покрывать головоломка в собранном виде.

Я снял ковер со стены и постелил на пол. Так было удобнее. Он как бы задавал границы будущего шедевра.

Я выбрал один из «угловых» элементов и положил его на уголок ковра. Начало было положено.

1, наконец-то!

Через сорок минут к первому кусочку присоединился второй, один из «сторонних». Еще через двадцать — третий. Давно не востребованные навыки постепенно возвращались.

Потом зазвонил телефон. Скрепя сердце, я оторвался от ковра и бросил взгляд на часы. Час ночи. «Кому понадобилось звонить в такое время?» — с неудовольствием подумал я.

Понадобилось, как оказалось, Танюшке.

Она спросила:

— Мужа, это не ты, случайно, несколько минут назад звонил по Лениному телефону?

— Н-несколько минут? — я медленно постигал суть вопроса.

— Ну да. Или чуть раньше...

Я наконец-то понял, о чем меня спрашивают, усмехнулся своей заторможенности и ответил:

— Нет, не я. Если не ошибаюсь, я никогда в глаза не видел ее номера.

— Вот и не звони, — заявила Танюшка и пояснила: — Понимаешь, тут такое дело... Какие-то неполадки на линии. Сама Лена может нормально звонить кому угодно по любому номеру, а вот когда кто-нибудь пытается дозвониться к ней, звонки почему-то все время идут в соседнюю квартиру. Соседи уже приходили один раз. Ругались — слышал бы ты как!

— Не волнуйся. Я не собираюсь беспокоить Лениных соседей, — пообещал я и не удержался от сарказма: — Особенно в такое время!

Она спросила, как я.

Я ответил: спасибо, нормально и посоветовал ей беречь себя.

Прежде чем раздались короткие гудки, я услышал, как по ту сторону телефонной трубки громко играет ритмичная музыка. Я усмехнулся. Непохоже, что девочки дружно скорбят по ушедшему Лениному мужу. Это правильно, пусть немного развеются, повеселятся. В конце концов, для чего мы приходим в этот мир, если не для маленьких радостей?

А уже через пятнадцать минут я держал в руках еще два состыкованных кусочка головоломки. Удача определенно сопутствовала мне!

93

Спустя некоторое время надрывно задребезжал будильник. Я швырнул в него тапком.

Адская машинка, я постоянно забываю отключать его, несмотря на то, что завтра... пардон, сегодня — воскресенье.

Многие любят повторять банальность о том, что все болезни — от нервов. Мало кто догадывается, что все проблемы с нервами — от звонков. Звонки телефонные, дверные, звонки будильника, трель пейджера, зуммер микроволновой печи, сигналы точного времени по радио — все они острой иглой вонзаются в наш мозг, грубо вырывают нас из сна или задумчивости, заставляют вздрагивать, отрывают от любимого дела.

Ну вот, а сейчас еще раздастся звонок в прихожей и появится Таня! В тех редких случаях, когда не ночует дома, она любит возвращаться на первом поезде метро. И что мне ответить, когда она спросит, почему я до сих пор не ложился? Как объяснить?..

Однако Таня появилась еще очень не скоро. Это было хорошо. Я уже заканчивал нижний ряд.

А оперировать тремястами кусочками, что ни говори, значительно легче!

347

Я зачерпывал кусочки обеими руками, внимательно разглядывал и, аккуратно потряхивая, чтобы, не дай бог, ни один из них не перевернулся черным вниз, просеивал сквозь пальцы.

Как песчинки, сказал бы прозаик.

Как неуловимые секунды, парировал бы поэт.

Не спорю, все это несколько... да что там! — просто глупо — так послушно следовать рекомендациям странного продавца, но мне отчего-то нравилась эта глупость. Она вносила в мою работу элемент необычности, превращала однообразный, рутинный, по сути, труд в увлекательное занятие, похожее на загадочный магический ритуал.

Телефон снова зазвонил.

Я посмотрел на часы, но они были слишком далеко, и я не смог ничего разглядеть. Тогда я встал и, прихрамывая на левую, отсиженную ногу, подошел к стене, на которой они висели. Впрочем, сейчас они скорее стояли.

Странно, я ведь их заводил утром. Или это было вчера?..

И снова меня беспокоила Таня.

Она сказала, что с Леной вчера случилась чуть ли не истерика, ее с таким трудом удалось успокоить, одной валерьянки ушло... Вот, а теперь она перестала, наконец, рыдать, зато впала в глубокую депрессию... В общем, если это необходимо, то Таня, разумеется, немедленно приедет, но лучше бы ей и сегодня остаться у Лены. И прямо от нее пойти завтра на работу... Ох, если б я только мог видеть...

Я сказал, ничего страшного, оставайся.

Она спросила, уверен ли я, что смогу без нее обойтись.

Я пошутил, что да, обходился же как-то первые тридцать лет жизни.

Она сказала, что я чукча и поцеловала меня в носик.

Я сказал ей: «Конец связи», подразумевая под этим исключительно окончание телефонного разговора. И не заметил, как оказался в спальне.

Спустя буквально... чуть-чуть времени, я закончил укладку всех четырехсот «сторонних» кусочков. Периметр был готов. Олененок, загнанный в пределы узорчатой черной рамки, подмигнул мне. Я подумал, что ему не долго уже осталось подмигивать.

Первый этап работы остался позади. Правда, он был самым легким, но это меня не смущало.

На радостях я решил позволить себе бокал шампанского. Если память мне не изменяла, в баре должно было остаться почти полбутылки полусладкого, еще с Таниного дня рождения. Мы с ней так мало пьем...

Я достал из-за стекла высокий фужер, прошел в гостиную, но шампанского так и не отыскал. Если честно, мне не удалось обнаружить и сам бар, вместо него я постоянно натыкался на какие-то отделения с зимней одеждой, фарфоровой посудой и постельным бельем.

Видимо, я немного переутомился.

Я отправился в спальню, по пути успев признаться себе, что это даже хорошо, что нет шампанского, алкоголь — лекарство для слабых, ведь мне завтра — если оно еще не наступило — понадобится ясная голова.

Спать почему-то не хотелось. Хотелось просто лечь на спину и полежать с закрытыми глазами хотя бы полчасика. Хотя бы...

Я упал на ковер, в центр будущего черного квадрата, опустил голову на вздрогнувшее плечо олененка и отогнал прочь неуместную ассоциацию с черной траурной рамкой, окаймляющей фотографии умерших.

400

Работа спорилась!

Мои ладони проносились над ковром, словно тучи, гонимые стремительным холодным ветром, — над осенним полем. И так же, как тучи, оставляли за собой стелющийся шлейф из снежинок. Мои снежинки тоже были, в большинстве своем, шестиконечными, только черными, и ложились они на удивление ровным слоем.

Стоило мне взять в руки очередной кусочек головоломки и посмотреть на него — как мгновенно невесть откуда на меня снисходило понимание: он должен лежать здесь! Это было странно. Как будто на каждом кусочке был нарисован элемент некоего рисунка, а я определял местоположение этого кусочка, согласуясь с его уменьшенной копией. Но ведь не было на самом деле ни рисунка, ни его элементов! Только чернота, успевшая на данный момент покрыть едва ли не треть осеннего желто-коричневого пейзажа.

Только чернота и мои пальцы, быстрые, не знающие сомнений.

А потом я понял, что так не бывает.

И проснулся.

И, как ни странно, не испытал даже тени разочарования.

Легкие победы, бесспорно, доставляют удовольствие, вот только приносят ли они удовлетворение?

Я преисполнился решимости и открыл глаза. В глазах моментально потемнело. Реальность больше не была серой, она окрасилась в другой цвет. Более радикальный...

Им не хватило поверхности стола, они лежали повсюду: на подоконнике, на прикроватных тумбочках, просто на полу. В реальности они мало напоминали снежинки, скорее походили на уродливых черных амеб, о шести ложноножках каждая. Точнее, почти каждая, поскольку иногда попадались и более отвратительные экземпляры.

Как известно, амебы размножаются делением. Наверное, именно по этой причине они так упорно не желали спариваться.

У меня затекла шея, прежде чем первый из девяноста шести сотен «внутренних» кусочков уверенно встал на свое место.

414

Черное сливается с черным, амебы переплетаются ложноножками, кусочек цепляется за кусочек. Но не как утопающий за соломинку, а нехотя, будто делая кому-то одолжение...

Можно включить настенные светильники, чтобы работалось легче. Можно поставить какую-нибудь фоновую музыку, чтобы работалось лучше. Но и на то, и на другое жалко тратить время. Все равно за окном уже светлеет, и необходимость в дополнительном освещении скоро отпадет, а любая музыка, даже любимая, рано или поздно надоест. Поэтому не стоит отвлекаться на мелочи... вроде телефонных звонков.

Телефон прозвонил пятнадцать раз и замолчал. Я укладывал как раз пятнадцатый «внутренний» кусочек и потому решил, что такое совпадение достойно быть отмеченным. Если он зазвонит еще раз, я сниму трубку. Настойчивость заслуживает поощрения.

Телефон зазвонил, как мне показалось, почти сразу же, но, видимо, действительно показалось, так как к этому моменту кусочков в ряду стало уже двадцать два. Тем не менее, я снял трубку.

В трубке раздался приятный, приправленный легким украинским акцентом голос нашей фирменной секретарши. Наташа спросила, почему я не на работе. Я в свою очередь поинтересовался, нет ли у нее каких-либо собственных версий ответа на этот вопрос. Слегка растерявшись, Наташа выдвинула предположение, что я, ну, заболел, наверное. Я ответствовал, что весьма вероятно и, даже, скорее всего. Она сдержанно хихикнула в трубку, я дал отбой.

Черное к черному, амеба к амебе, кусочек к кусочку...

Немного рябит в глазах. Они кажутся непривычно сухими, если не сказать — пересохшими, как будто я слишком долго смотрел в лицо ветру. Все чаще приходится моргать, чтобы сфокусировать взгляд. Ощутимо дрожат кончики пальцев. Пока еще слабо, не сильнее, чем, если бы я, например, несколько часов кряду тасовал колоду скользких, потрепанных карт. Я прикидываю, когда на моих пальцах появятся первые мозоли, улыбаюсь этой мысли и именно в этот момент начинаю осознавать, как давно и нестерпимо болит голова. Но я терплю. И даже знаю, ради чего.

Все эти неприятные ощущения на самом деле вполне приемлемая цена за то чувство восторга, которое поднимается со дна души всякий раз, когда я подбираю с пола очередной кусочек и, еще не успев повернуть его должным образом и приложить к уже собранной части головоломки, понимаю, что он вовсе не очередной. Он — «тот самый»!

Кусочек укладывается в ряд послушно и четко, словно патрон в обойму, и это сравнение кажется настолько верным, что я невольно напрягаю слух, надеясь услышать характерный щелчок в момент, когда он становится на свое место. Но черный картон безмолвствует, и тогда, измученный тщетным ожиданием, я сам негромко произношу триумфальное «Щ-щ-щелк!»

Щелк! Щелк! Щелк!

Черное, амеба, кусочек... Черное, амеба, кусочек...

А когда раздается последний щелчок, я беру следующую обойму.

522

Откуда-то появилась Татьяна. Я даже не заметил, когда она пришла. Татьяна спросила, почему я ей так долго не открывал. Ведь она только бог знает чего не успела подумать, пока искала ключи в сумочке...

Я подумал, что «долго не открывал» — неудачная смысловая конструкция. Нельзя говорить об отсутствии действия, как о чем-то, протяженном во времени. Особенно, если действие осталось несовершенным. А потом вспомнил, что не так давно кто-то действительно настойчиво звонил в дверь, но это было настолько не вовремя, что я был почти уверен — звонят не мне.

Я не успел ответить, Татьяна куда-то исчезла. Потом вернулась, встала рядом, не говоря ни слова. Но тень от ее головы падала прямо на мои кусочки, и это сильно раздражало, и тогда я спросил, что ее беспокоит. Только честно, я же вижу...

Татьяна спросила кротким голоском, как мне понравился приготовленный ею суп.

Я не почувствовал подвоха и ответил, что суп был великолепен и вообще мне всегда нравилась... нравилось то, как она... эээ...

— Ты даже не притронулся к нему! — возмущенно воскликнула она.

Я ответил, что в ее словах, безусловно, есть доля истины, и я вполне допускаю, что эта доля весьма велика, но... когда ее нет рядом, мне просто кусок не идет в горло, ты же знаешь. Зато теперь... я обязательно попробую ее замечательный суп, прямо сейчас, вот только...

Вымороженным голосом Татьяна заявила, что как раз теперь — вряд ли...

Я осмелился возразить, ну, зачем же так категори... зировать!

Она ответила: а затем, что я только что вылила всю кастрюлю.

И ее завершающее «В унитаз!» прозвучало веско и хлестко, как последний довод обвинителя, не оставляющий мне ни единого шанса на оправдание.

— Извини, — зачем-то сказал я.

Потом она опустилась передо мной на колени, едва не смешав в кучу ту часть кусочков, которые я уже проверил на совместимость с той, которую пока не успел, заставила меня посмотреть ей в глаза и спросила:

— Мужа, с тобой все в порядке?

Дальнейшее я припоминаю смутно. То ли я ответил ей что-то не то, то ли не ответил вовсе, только Татьяна вдруг заплакала и снова куда-то исчезла, а мне удалось почти сразу найти еще четыре кусочка.

Четыре подряд идущих кусочка лежали вместе — это вовсе не так удивительно, как могло бы показаться. Скорее всего, этот пазл кто-то уже собирал раньше, до меня. А после — разобрал, но не очень старательно перемешал кусочки.

Это предположение объясняло многое.

1000

Магия творения. Магия ритуала. Магия круглых чисел. Когда эти магии переплетаются, безумно хочется курить...

Я взобрался на табуретку. Слегка покачивало, как после недолгой, перенесенной на ногах болезни. На всякий случай я ухватился рукой за раскрытую дверцу антресоли.

Здесь скопилось все самое старое, пыльное и бесполезное, что было в квартире, в основном — вещи, оставшиеся после мамы. Как ни обманывай себя, обещая отдать все это богатство в армию спасения или вывезти на дачу — ну... будет же у меня когда-нибудь дача!.. — хлам все равно останется хламом, его никак нельзя будет использовать, он никогда не пригодится. Но выбросить почему-то жалко.

Это, как старые письма, которые ты никогда не перечтешь, но рука не поднимается спустить их в мусоропровод. И вот они копятся в пыльных ящиках секретеров, собираются в стопки, перевязываются тесемочками... А потом сжигаются. Такая смерть кажется тебе более... милосердной.

Впрочем, чего это я? Не так уж много тут этого хлама. По крайней мере, когда я открыл дверцу, мне ничего не свалилось на голову, как это неоднократно случалось раньше.

Я запустил руку в пыльный сугроб из замши, фетра и фланели и, покопавшись в нем, нащупал распечатанную пачку сигарет. «Жетан», черная этикеточка. Сейчас таких уже не выпускают.

По слухам, запах крепкого табака отпугивает моль. За моль ответить не могу, но... меня он сейчас притягивал.

Подумалось: «Интересно, не выдохся ли газ в зажигалке за те почти два года, что я не курил?» Как выяснилось, нет. Не до конца.

Я сделал затяжку и закашлялся. Затем повторил, но на этот раз заставил себя пропустить дым в легкие.

Нас с детства учили, что курить вредно. Нас пугали онкологией и показывали легкие препарированного курильщика. Не знаю, может быть, это действительно жутко вредно для здоровья — черные легкие... Зато как красиво!

Табачный дым с непривычки немного драл горло, но я не остановился, пока не докурил сигарету до фильтра. Потому что я заслужил это сладкое, расставив по своим местам первую тысячу.

Десять процентов, много ли это? Как посмотреть... Кто знает, начиная с какого момента наступает диалектика?

Нагнувшись за табуреткой, я сначала подумал, что у меня просто потемнело в глазах. Так бывает иногда, когда сделаешь резкое движение. Однако, заставив непослушные, слезящиеся глаза сфокусироваться, я обнаружил, что небольшой прямоугольный кусок линолеума прямо под табуреткой действительно выделяется своим цветом. Он выглядел значительно темнее, если не сказать — чернее, чем вся остальная поверхность пола. И лишь тогда я обратил внимание, что громоздкий и необычайно тяжелый дубовый комод, который всегда стоял на этом месте и из-за которого и без того труднодоступная антресоль становилась недосягаемой, отсутствует.

Татьяна. Ее проделки...

По пути в спальню я ненадолго притормозил у входной двери. Всего на пару секунд. Я лишь повернул до упора оба замка и надежно прикрутил задвижку.

Поймите, мне не жалко комода, черт бы с ним! Без него стало только лучше, уменьшился риск заработать синяк на бедре, когда ночью, не включая свет, сомнамбулируешь в сторону ванной комнаты. Просто... я не люблю, когда мой дом превращается в проходной двор. Не люблю, когда мешают.

1823

И снова звонок, который я совсем уж было решил проигнорировать, но в последний момент передумал. Я подумал, что это — Татьяна, перед которой мне срочно следовало извиниться. Хотя я и не помнил, за что. Может быть, я ее чем-то обидел или просто расстроил. Может быть, наоборот, она обидела меня. Даже скорее всего — она меня, но это, если разобраться, одно и то же. Просто в последнем случае мне придется просить прощения гораздо дольше. Что ж...

Но еще до того, как поднес трубку к виску, я узнал голос секретарши. На сей раз она заранее выбрала тон разговора, казалось, каждое ее слово буквально сочится сочувствием.

— Ну, а как вы себя теперь чувствуете? — первым делом пролепетала она.

Позвонить дважды за одно утро, чтобы осведомиться о моем самочувствии, согласитесь, это слишком! Даже принимая во внимание ее обычную рассеянность.

Я начал выкрикивать в трубку что-то злое про умственные способности секретарши, про ту неуемную заботливость, которая обуревает одиноких женщин ее возраста, и, закончив тираду унизительно-безличным «понаехало вас», спросил, как часто она собирается отвлекать меня своими звонками?

— Часто?! — изумленно произнесла она на вдохе. И возмущенно выдохнула:

— Да я последний раз вам звонила еще...

Я бросил трубку.

Ненавижу хамство! И очень болезненно переживаю любой конфликт, даже самый незначительный. Крошечный инцидентик в общественном транспорте, в магазине, в кабинете шефа — и все, до конца дня мне обеспечено отвратительное настроение. Все валится из рук, мозг утрачивает способность свободно мыслить и раз за разом восстанавливает в памяти ненужное, рассматривает его с разных сторон, *перебирает*... Такие дни лучше вообще перелистывать, вычёркивать из жизни, все равно ничего хорошего...

Вот, смотрите, что я говорил! Чуть не пропустил нужный кусочек!

И так всегда. Стоит только услышать последовательность слов: «да», «кто», «ты», «вообще», «тут», «такой», «чтобы», как сразу же... Сразу... Же... Ага, вот так, перевернем... А теперь... Нет, не получается, даже если слегка надавить. Так о чем я только что говорил?..

Я лег животом на пол, так удобнее. Все под рукой и голова почти не кружится.

3138

Иногда мне кажется, что его глаза смотрят на меня с укором. За что?..

Это похоже на замедленную обратную перемотку видеокассеты, если такая бывает. Я не отгадываю головоломку, я загадываю ее. Я беру готовую картину и скрупу-

лезно покрываю ее черными кусочками. Их тысячи, сказал бы прагматик. Их тьмы, откликнулся бы лирик. У монголов за «тьмой» следовала только «тьма тем», потом наступало «много».

Ты уже не заметишь этого «много», тебе просто станет темно. Но это будет еще не скоро, увы...

Я не помню, когда впервые заговорил с ним. Это вышло как-то само собой. Он выглядел таким слабеньким и беззащитным, он так смешно поежился, когда верхний ряд черных кирпичиков коснулся его копытца... Как будто ему стало холодно там, за этим черным. Холодно или страшно... Я не удержался и принялся что-то тихонько нашептывать в его ушко, что-то успокаивающее, лишенное всякого смысла, бессвязное. Однако, как мне показалось, в его взгляде вспыхнул на миг огонек благодарности.

С тех пор мы часто разговаривали с ним и даже немного подружились.

Но этот непроницаемый забор, разделяющий нас, — он рос непрерывно, хотя и незаметно для глаз, и все больше и больше мешал нашей дружбе.

Мне было обидно до слез, но олешка не понимал меня. В его красивую маленькую головку не укладывалось то упорство, с каким я собственноручно возводил между нами эту черную преграду. Сначала она покрыла его копытца, напрочь заглушив шелест осенней листвы, затем достигла колен, полностью обездвижив, теперь упрятала олененка почти по грудь. А он смотрел на меня, не моргая, смотрел так, словно этот несчастный заборчик — единственное, что не позволяет ему сделать последний шаг в мою сторону, совершить решительный прыжок из плоскости изображения сюда, в мой мир.

Глупенький, ну какой же ты глупенький!

Неужели ты думаешь, что здесь лучше? Здесь хуже, стократ хуже, настолько, что сам я, не медля ни секунды, ушел бы отсюда куда-нибудь-угодно, если б только знал, если б только было, куда... Пойми, маленький, во всем этом мире, во всех этих мирах, если собрать их в кучу, а затем отбросить все лишнее, ненужное, останемся только мы с тобой. Только ты и я.

Ты уж поверь мне, пожалуйста, загляни мне в душу, если не веришь так, видишь, я стою перед тобой на коленях, неужели я могу соврать даже сейчас?

Меня ведь тоже когда-то звали «олешкой»...

5000, счет продолжается!

Откуда взялось это самоуверенное «счет продолжается»? Может быть, так говорил какой-то спортивный комментатор в те времена, когда я еще смотрел телевизор? Я так и не смог вспомнить.

Но это нисколько не омрачало охватившей меня радости.

Поздравьте меня, я преодолел ровно половину пути! Говорят, что половина не может быть большей или меньшей, она бывает только первой или второй, но в любом случае равной. Врут. Половина, оставшаяся позади, была самой сложной. Дальше будет... Дальше...

Капля медленно стекла по запястью. Что это, дождь?

Я осторожно перекатился на спину и подложил руки под голову. Глаза закрылись сами, словно под воздействием силы тяжести, но и на внутреннюю поверхность век кто-то настойчиво продолжил проецировать научно-популярный фильм из жизни простейших. Черные амебы алчно спаривались, перетекали друг в друга. Они отрастили себе жгутики и могли теперь разговаривать на своем странном односложном языке.

— Там? — спрашивали одинокие одноклеточные, подплывая к рою.

— Тут, — хором отвечали организованные.

— Вай? — кокетливо интересовались первые и трепетали от любопытства.

— Так... — неопределенно разводили жгутиками вторые, и вдруг налетали, наваливались всем роем: — Ап!

— Эй! — возмущенно вскрикивало пойманное одноклеточное, но тут же замолкало, пристыженное, замечая, что уже перестало быть одноклеточным. А потом повторяло тысячью распахнутых ротовых отверстий, дружно, призывно:

— Эй! Эй! Эй!

Я надавил на глаза пальцами, стало темно...

Пятьдесят процентов. Пятьдесят на пятьдесят. Пока ничья. Но дайте мне хотя бы несколько минут — и я поведу в счете!

Как только неприятное клокотание в горле прекратилось, я вытер кровь с лица наволочкой и снова перевернулся на живот.

Счет продолжается!

5766

Я разбил будильник. Он с грохотом врезался в стену, обдал обои россыпью стеклянных брызг и, искореженный, безжизненно рухнул на пол, вывалив наружу все свои хромированные внутренности. Но отвратительный скулеж не прекратился.

Тогда я подобрался к телефону и сдернул его с тумбочки за тонкий черный шнур. При этом телефонная трубка отделилась от аппарата, подкатилась прямо к моей руке и в последний раз негромко всхлипнула, будто просясь в ладонь. Я поднял ее. Я так давно ни с кем не разговаривал...

Из крошечного динамика вырвался голос шефа, привычно громкий и грубый, ударил болью в затылок, заполнил собой всю комнату.

Шеф — его имя-отчество куда-то улетучились из памяти — в обычной своей манере поинтересовался, что я там вообще себе думаю.

Тщательно подбирая слова, я прошелестел пересохшими губами, что в данный момент я думаю исключительно о том, как много все-таки уродов сконцентрировано в моей эпсилон-окрестности и как, к сожалению, мало значение этого эпсилон.

— Тебя не слышно! — прогудела трубка. — Что ты говоришь? Тебя совсем не слышно!

Я напряг связки и повторил свое высказывание почти дословно, добавив в конце только сакраментальное: «всегда мечтал это сказать», внезапно перешедшее в кашель.

Шеф притихшим от удивления голосом признался, что не понял.

Я ответил, что и не надеялся, с силой опустил трубку мимо телефона и самодовольно подмигнул олененку.

И тут же пожалел об этом.

Олешка не мог подмигнуть в ответ. У него уже не было глаз.

6947

Как только проходил озноб, и эхо от дробного постукивания моих зубов затихало в отдалении, так сразу же, почти без перерыва, приходил жар. Обильная влага выступала на всем теле, горячий пот слепил, заливал глаза, руки делались липкими...

Температура подпрыгивала или, наоборот, припадала на все четыре ноги, но при этом оставалась в допустимых пределах. Слава богу, у меня пока не было серьезных оснований беспокоиться о своем здоровье. Просто надоело после каждого такого скачка менять промокшую от пота майку на новую.

Но, в конце концов, я нашел выход. Может быть, помогла интуиция... Я достал из платяного шкафа свою нелюбимую черную рубашку с длинным рукавом, надел ее и застегнул на все пуговицы. Пуговицы черного цвета числом двенадцать штук, пришитые черными же нитками. Хотя, возможно, их количество и не играло никакой роли.

Я не взялся бы объяснить этот феномен, но, стоило мне застегнуть последнюю черную пуговицу под подбородком, как температура нормализовалась.

И за что, спрашивается, я раньше так недолюбливал эту рубашку? Пусть не модная, пусть цвет не мой, да и рукава... Но, в целом, хорошая же рубашка, удобная. Подчеркивает фигуру, не колется, и карманы вон какие вместительные... Нет, определенно очень хорошая рубашка! Тогда почему?..

Всю жизнь, с самого детства, сколько себя помню, меня окружали хорошие, удобные вещи. Это было настолько привычно, что казалось естественным. Хорошие игрушки — не самые красивые и дорогие, но удобные. Хорошая одежда. Хорошие родители... Впрочем, это я несколько... Хотя почему? Да, хорошие родители! Удобные. И хорошие друзья. Они не лезли в душу глубже, чем следовало, и никогда не приходили в гости без предварительного звонка. И работа в хорошей фирме. Не самой лучшей в плане зарплаты и рабочего графика, зато рядом с домом, семь минут пешком. Удобно? А как же! А потом была хорошая девочка Таня, которая со временем стала хорошей женой. Не лучшей *вообще* — были же красивее, были умнее, были даже те, кто прошел бы по битым стеклам более грациозно, чем она, были... — но лучшей *для меня*. То есть, в некотором смысле — идеальной. Самой удобной.

Жить в окружении хороших вещей, что и говорить, приятно. Из такого окружения не хочется выходить. Из него просто невозможно выйти, там же, снаружи, так плохо, так неуютно... Брррр!

Но есть у хороших вещей и одно отрицательное качество. Обычно оно не бросается в глаза, но иногда... Бесконечным ноябрьским вечером, когда ты стоишь в теплой, освещенной комнате и смотришь в окно, за которым, по идее, должна быть промокшая и промерзшая улица, но видится почему-то только отражение все той же

комнаты вместе с тобой и с множеством окружающих тебя хороших, уютных, теплых вещей — отражение, подвешенное в черной пустоте на высоте четырнадцатого этажа... Иногда это отрицательное качество становится особенно заметным.

Все хорошие вещи требуют ухода.

Знать бы только, куда...

7626 — конец?..

И никого нет рядом, некому пожаловаться, некому пожалеть. Еще вчера оставались хотя бы ушки, в них можно было шептать что угодно, не ожидая ответа, но и не опасаясь, что он тебе не понравится. Сегодня не видно даже рогов...

Почему это случилось не раньше, не в самом начале, а именно сейчас? Ведь все казалось таким надежным, таким налаженным... Ни одного лишнего движения, ни одной бездарно потраченной секунды, все выверено и отработано. Впереди уже маячила финишная ленточка, нетерпеливые губы порывались начать обратный отсчет... И вдруг — такая несправедливость!

Я, кажется, заплакал — последнее время это получалось у меня необычайно легко, как в детстве, — и потащился в туалет...

Я заканчивал семьдесят четвертый ряд, не хватало всего одного кусочка, последнего. Казалось бы, что проще? Перебирай все оставшиеся невостребованными кусочки по одному и прикладывай к вакантному месту. Учитывая специфику задачи, более продвинутого алгоритма ее решения придумать просто невозможно. Я так и поступил, тупо перебрал, один за другим, все кусочки. И ни один из них не подошел. «Ничего удивительного, сказал я себе, ты просто занимаешься этим делом уже... довольно долго, ты немного устал, может быть, даже заскучал слегка и — как следствие — стал невнимательным. Рассеянным. Ты пропустил его...» Это случилось впервые за время моей работы, но когда-нибудь это должно было случиться. Посмеиваясь про себя и над собой, я перебрал эти две с чем-то тысячи кусочков во второй раз. Нужного, по-прежнему, не было. «Все проще! — осенило меня. — Посмотри по сторонам! Загляни под кровать, за тумбочки... Уверен, необходимый тебе кусочек залетел именно туда». К тому времени перед моим взором постоянно мелькали какие-то белесые пятна, так что я, не особенно доверяя глазам, предпочел проверить все руками. Ни под кроватью, ни за тумбочками, ни вообще где бы то ни было в пределах спальни никаких кусочков, кроме тех, что и так были на виду, я не обнаружил. Тогда я перебрал их в третий раз, и заодно пересчитал. Получилось 2374. Дебит сходился с кредитом, и это было ужасно! Нет, хуже, это было катастрофой! Настала пора признаться себе, что эта идиотская головоломка, от которой я с самого начала ожидал какого-нибудь подвоха, не собирается в принципе. Чтобы поверить в это окончательно, мне понадобилось еще три перебора. Я пытался уговаривать непослушные кусочки, я умолял их, гладил, я *плакал*, а когда это оказывалось бесполезным — пытался воздействовать на них грубой силой. Иногда мне казалось, что стоит еще чуть-чуть надавить вот на этот краешек... Но это только казалось.

По темному коридору я дотащился до туалета. Долго, наверное, несколько минут, гладил стену рядом с туалетной дверью в поисках выключателя. Так и не нашел. Я распахнул дверь и отшатнулся. Темнота внутри этой тесной, маленькой комнатки испугала меня. В коридоре тоже не было света, но в туалете было значительно темнее. Чернее, если хотите... «Чернее...» — пробормотал я и резко захлопнул дверь. Мне больше не хотелось в туалет. Спустя мизерный квант времени, равный одному морганию, я обнаружил себя на пороге спальни. Сердце бешено стучало, мое дыхание... Впрочем, черт с ним! Я упал на колени рядом с недостроенным черным квадратом и погрузил трепещущие ладони в россыпь маленьких черненьких кусочков. Я, должно быть, был похож в этот момент на молящегося, и я, черт возьми, действительно молился! И уже в первой сотне нашел то, что искал. Один кусочек — он слегка отличался от других. По цвету. Он был чуточку — самую малость — светлее. Тоже черный, просто немнооожечко светлее! Понимаете? Я рыдал и хохотал одновременно. Какая нелепая случайность! Все разрешилось так просто. На самом деле в Картине... В той Картине, которую я, буквально, вслепую воссоздавал сейчас, был один... по крайней мере, один полностью черный элемент. И он оказался перевернутым! Ну не забавно ли?

Я перевернул кусочек. Просто перевернул. С другой стороны он тоже был черным. Таким же, как и 9999 его собратьев. Я приложил его к пустующему месту и кусочек занял его, уверенно и спокойно, всем своим видом подчеркивая, что находится здесь по праву.

Щ-щ-щелк! Когда сердцебиение поутихло, а руки перестали дрожать, я снова погрузился в работу. И только спустя какое-то время меня посетило запоздалое откровение. То, что произошло недавно, вовсе не являлось нелепой случайностью, как мне показалось сначала. Напротив, это была коварная, продуманная до мелочей, виртуозно исполненная провокация! Кем исполненная?.. Да Танькой, кем же еще! Это ведь она по моей просьбе переворачивала кусочки черным кверху. Она заметила, что один из них — почти одноцветный, и сознательно положила его неправильной стороной вверх. Сделать это случайно она не могла — с ее-то стопроцентным зрением, которым она так гордилась! Да, да, именно так все и было!.. А напоследок она внушила мне эту идиотскую мысль, что у черного цвета, якобы, нет оттенков. Никогда не слышал ничего глупее...

Она всегда ненавидела меня!

8903

Снова приходила эта женщина... моя жена. Кто еще стал бы так громко и занудливо колотить в дверь ногами? Она приобрела эту отвратительную привычку после того, как я оборвал провод у звонка.

Сегодня она испытывала мое терпение особенно долго. Бесполезно, я научился не реагировать на мелкие раздражители.

Потом она принялась ковырять в замке своими ключами, и я еще раз порадовался собственной предусмотрительности. Замки на предохранителях, задвижку я намертво прикрутил пассатижами.

А потом она стала кричать. Это было необычно и, именно поэтому, особенно нервировало. Укрыться от ее пронзительных криков не помогала даже двойная дверь.

Я встал и, придерживаясь руками за стены, направился в сторону прихожей, чтобы сказать этой женщине, что хватит, не надо больше кричать. Стены помогали плохо, по пути я два раза не смог удержать равновесие и, как следствие, больно расшиб левое колено.

Я открыл внутреннюю дверь, приник к дверному глазку и увидел ее. В том, что она кричала, я не смог разобрать ни слова, да, честно говоря, и не хотел. Достаточно было, что я видел ее лицо, покрасневшее, залитое слезами, искаженное криком и выпуклой линзой глазка...

Интересно, что я в ней нашел?

— Эй! Что я в тебе нашел? — крикнул я в глазок. И сам не услышал своего голоса, таким он был высохшим, выцветшим... Тогда я, надрывая горло, прокаркал в три приема невнятное:

— У!.. Хо!.. Ди!..

Я все равно не открыл бы ей.

У меня хороший дверной глазок, он дает 200 градусов кругового обзора. По обещанию монтажников из фирмы, в которой я заказывал дверь, глядя в этот глазок, я легко могу рассмотреть даже собственные тапочки. Тапочек я, конечно, не видел, зато заметил чью-то руку. Кто-то стоял справа от женщины, вжавшись в стену между дверью и пожарным шкафом. Кто-то ненужный. Я видел только его руку: ладонь и кусочек белого рукава. А еще дальше, из-за угла лифтовой шахты показалось на миг чье-то плечо, тоже белое. Плечо возникло внезапно и тут же бесследно исчезло, но этого оказалось достаточно. Кто лучше меня умеет восстанавливать целую картину по ее отдельным фрагментам?..

Мне было наплевать, кто они, одетые в белые одежды и откуда они пришли.

С некоторых пор я стал очень болезненно реагировать на белый цвет.

Я тщательно запер внутреннюю дверь, чтобы стало хоть немного тише, и поплелся в гостиную. Необходимо было проверить, хорошо ли закрыта дверь на лоджию, чтобы даже через соседскую квартиру они не смогли бы... Впрочем, окончание этой мысли так и осталось не сформулированным. За ненадобностью.

В гостиной не было никакой двери на лоджию.

Я не нашел там даже окна.

9214

Черные стены. Кругом только черные стены. В какую сторону ни пойдешь, на третьем шаге обязательно упрешься в одну из них.

Черные стены вырастают из черного пола и возносятся вверх. Может быть, где-то наверху они сходятся воедино, образуя что-то вроде сводчатого потолка, не знаю... Так высоко мой взгляд не простирается.

Черное, все кругом черное. И я в круге.

Черные стены непонимания, неприязни, взаимного недоверия — они приближаются, заставляют меня отступать, пятиться к центру круга, мешают дышать...

Но я не боюсь черного круга. Ни капельки.

Я знаю, черный круг исчезнет, не продержится ни одной лишней секунды, как только я закончу вписывать в него мой черный квадрат.

И я обязательно закончу, дайте мне еще хотя бы несколько минут... Всего несколько минут, пожалуйста!..

Я вывалился из обморока обратно, в реальность.

Ничего не изменилось. Так же тускло, как будто из последних сил, светила с потолка одинокая лампочка. Из-за высокого забора черных кирпичиков одиноко выглядывала верхушка самой высокой сосны — единственное напоминание о существовавшем когда-то осеннем пейзаже кисти неизвестного мастера. По-прежнему лежал на моей ладони одинокий кусочек черного картона, который я успел взять из кучки перед тем, как остановилось... нет, перед тем, как мне показалось, будто останавливается мое сердце. Слава богу, только показалось...

Нет, я жив, и я нахожусь внутри своего собственного, знакомого с детства, тела, которое находится внутри моей собственной, такой привычной, комнаты, и я готов продолжать...

Вот только стены... Эти черные стены. Зачем они здесь? Откуда?

Неужели перенеслись вслед за мной из глубокого заобморочного небытия в мое — такое привычное, такое родное — бытие?..

Я пребывал в замешательстве недолго, всего несколько секунд. Затем потратил еще одну драгоценную секунду на бессмысленное проявление эмоции — я усмехнулся. Потому что догадался.

Меня нисколько не интересовало, каким образом они, мои враги, проникли в квартиру. Но чем — скажите на милость! — чем им не угодили мои обои?!

Думать об этом было совершенно некогда. Кто знает, когда меня настигнет очередной обморок. Или даже не очередной, а... «тот самый».

Я вернулся к работе.

10000, почти

Щ-щ-щелк!

Первым моим желанием было закрыть глаза и упасть на пол, лицом вниз, в центр монолитного черного квадрата. Упасть — и никогда больше не подниматься.

Но уже в следующее мгновение я осознал себя ползущим к выходу из спальни...

Я не испытывал ни радости, ни облегчения. Лишь ощущение неясной тревоги и уверенность в том, что еще далеко не вся работа доведена до конца, а времени на ее завершение у меня уже почти не осталось.

Несколько судорожных рывков — и я на пороге комнаты. Двигаться дальше я не мог: пространство спальни, заканчивающееся порогом, неожиданно обрывалось в никуда. Коридора не было. Вообще ничего не было, только пустота. Она была бесцветной — какой еще может быть пустота? — но все бесцветное нам отчего-то кажется черным.

Я погрузил в пустоту руку, ожидая, что рука, оказавшись в ней, исчезнет, или почувствует неземной холод, словом, испытает какое-то непривычное ощущение. Ничего подобного! Пустота оказалась совершенно неосязаемой.

Я поводил рукой из стороны в сторону и почти сразу же наткнулся на какой-то предмет. Вполне ощутимый. Когда мои пальцы надежно обхватили его, он стал видимым. Но еще мгновением раньше я догадался, что сжимаю в левой руке большие ножницы. Я положил их на пол спальни, рядом с порогом, и снова запустил руку в пустоту. На этот раз я искал значительно дольше. Мне пришлось погрузить в пустоту руку по самое плечо и несколько мгновений опасно балансировать на границе реальности, упираясь в нее коленями, прежде чем я, наконец, нащупал второй предмет. Им оказалась широкая катушка скотча. Прозрачного, но, думаю, его цвет в данном случае не играл никакой роли.

Больше в пустоте ничего не было.

Все верно. Прежде всего, Картину следовало перевернуть. Потом — смотреть. «Нравиться»...

Я взял ножницы и скотч и послушно отправился в обратный путь. Я боялся обернуться. Мне почему-то казалось, что пустота ползет следом за мной, лижет мои ноги, пробует меня на вкус.

И эти странные звуки с той стороны, где раньше была прихожая, — они тоже пугали, заставляли ползти быстрее. Там что-то очень громко стучало, а иногда слышалось противное металлическое жужжание, которое, по моему представлению, способна издать только бензопила.

Впрочем, откуда мне знать, как жужжит бензопила?

10000, конец

Близился к завершению последний этап работы.

Я отматывал от катушки полосы скотча длиной в два с половиной метра, отрезал их ножницами и аккуратно наклеивал на черный квадрат. Я старался покрывать его ровным слоем скотча, полоса к полосе. Это давалось мне нелегко, но я ведь уже делился с вами своими соображениями по поводу легких побед...

По мере того, как грохот и жужжание со стороны прихожей усиливались, росло и мое беспокойство. Я старался работать как можно быстрее, а получалось все хуже и хуже. Полосы ложились неровно, наползали друг на друга, собирались в складки. Последняя из них буквально связала меня по рукам, когда я в спешке попытался приклеить ее не той стороной.

Как бы то ни было, я успел закончить работу за несколько мгновений до того, как в прихожей раздался страшный грохот и гулкую пустоту коридора наполнил топот нескольких пар ног.

Время вышло!

Собрав все силы, какие еще оставались в моем изможденном теле, для последнего, прощального рывка и умоляя бога сохранить мне сознание хотя бы на ближайшие несколько секунд, я поднялся на ноги, удерживая за углы огромный

черный квадрат, и поднял его вместе с собой, перед собой, над собой — на вытянутых руках.

Вы будете смеяться, но во время этой операции я старательно зажмуривал глаза. Не хотел портить впечатления.

И открыл их только тогда, когда вновь уложил квадрат на пол, перевернув его черной стороной вниз. Уже не квадрат — Картину!..

Открыл и увидел...

Да, передо мной был явно не Малевич! Далеко не...

0

На картине шагал Марк.

На фоне розовеющего на востоке неба спешно дотлевали угольки замешкавшихся звездочек. Придорожные сосны, те, что за ночь от страха успели ощетиниться, выпустив наружу грозные иглы, теперь успокоились, втянули их назад, уменьшив до приличествующих размеров. Холодный ветер, спустившийся под утро с предгорий, задул, зазмеился вдоль тропинки, догнал Марка, спрятался в складках его плаща, разметал в стороны непослушные седые космы. А старик шагал, не замечая заигрываний ветра и невинной прелести зарождающегося нового дня, не глядя по сторонам, не оглядываясь назад, и, кажется, вовсе не интересуясь тем, что ждет его впереди.

Я подался вперед и коснулся полы его плаща в том месте, где красовалась наспех заштопанная прореха, появившаяся после вчерашней стычки. Не оборачиваясь, Марк нервным движением оттолкнул меня.

Я не удивился. И не обиделся. И не сказал ни слова. У него была масса оснований вести себя именно так.

Я просто выждал, когда Марк отмерит десять шагов по тропинке, а подошвы его сандалий вдохнут жизнь в двадцать пригоршней дорожной пыли, и побрел следом за ним, стараясь сохранять дистанцию неизменной.

Тропинка причудливо изгибалась, петляя между невысокими холмами, и я послушно петлял вместе с ней, отбивая неслышную медленную дробь, а на душе было спокойно и легко. Я не сомневался, что когда-нибудь — и, скорее всего, очень скоро — Марк перестанет дуться на меня, сначала остановится, а потом обернется и, скривив толстые губы в усмешке, пробурчит с нарочитой строгостью в голосе: «Ну, чего встал, криворогий? Догоняй! Шевели ушами!.. — И засмеется беззлобно. — Уш-шелец, тоже мне!..»

И все станет, как прежде.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ХЕРЛОКА ШОЛМСА

СЯКИЙ В УПРАВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЙ ЗНАЛ: ЕСЛИ УЖ Рампл, деловито стуча когтями и привычно принюхиваясь, шествует по коридору третьего этажа в главном здании, стало быть, дело серьезное. Где-то случился прокол. По пустякам начальство беспокоило кого угодно, только не сыщика-киноида.

Кто и почему обозвал кобеля исковерканным именем престарелой мисс Марпл из серии древних романов, давно забылось. По традиции все специальные детективы, будь то андроиды, киноиды или даже инсектоиды, получали слегка «подправленные» имена сыскных знаменитостей прошлого, реальных или литературных. В одном подразделении с Рамплом служили, например, толстый пыхтящий тюлень Кюль Руапо, детектив-варан Реппи Сэймон, слон Гремэ и питон Пюден. Можно предположить, что на долю Рампла просто-напросто не досталось подходящего мужского персонажа. Конечно, каждый специальный детектив — изделие штучное, уникальное, дорогущее, их очень немного, но знаменитых сыщиков, оставшихся в памяти человечества, и того меньше.

Рампл ничуть не обижался на свое имя. Комплексовать он не умел. Зато перечень того, что он умел, занимал в личном деле семь страниц петитом.

Темпераментом он напоминал терьера, чутьем — добермана. Длинные стройные ноги заставляли вспомнить о борзых. Лобастая голова могла бы принадлежать сенбернару, но челюсти-капкан, казалось, были позаимствованы у питбуля. Прибавьте к этому силу кавказской овчарки, неприхотливость дворняжки, бесстрашие бультерьера, выносливость лайки, и вам вряд ли захочется оказаться в роли подозреваемого.

Тем более — в шкуре лица, опрометчиво сопротивляющегося аресту. Кое-кто из завсегдатаев исправительных учреждений имел возможность убедиться на личном опыте: Рампл играючи прокусывает любую шкуру.

Хвоста — никакого, даже обрубка. Хвост — индикатор эмоций и злейший враг сыщика. Пролистав однажды спецификации первых моделей детективов-киноидов, Рампл узнал об экспериментах с мускулистым хвостом-кистенем, незаменимым при обезвреживании группы вооруженных преступников, нападающих как спереди, так и сзади. Некий лейтенант Кертонпинк уложил таким образом четверых отпетых рецидивистов. Все же в идее оказалось больше минусов, чем плюсов.

Рампл держался того же мнения. Оружие детектива — интеллект, а хвост с шипастым набалдашником более подошел бы оперативнику или конвойному. Но кому придет в голову применять методы тончайших биотехнологий для выращивания специальных конвойных, когда для этой грубой работы вполне подходят люди? Несколько спецов во внутренней охране Управления — и довольно.

Рампл был кобелем, в противном случае моментально оброс бы свитой четвероногих ухажеров, мешающих следствию. Его сексуальные инстинкты были подавлены — иначе ему пришлось бы разрываться между чувством долга и запахом какой-нибудь блудливой болонки. Его чистый аналитический ум превосходил остротой ум подавляющего большинства людей. Перестроенные голосовые связки позволяли общаться вербально. К сожалению, в голосе Рампла то и дело слышались взлаивающие нотки, отчего его разговоры с людьми, как правило, не отличались особой сердечностью.

А руководитель Департамента дальнего внеземелья генерал-полковник Мориарти был как раз человеком и унаследовал свою фамилию от родителей-итальянцев. Рампл не завидовал ему, хотя знал, что никогда не станет генерал-полковником. И просто полковником не станет. Майор — вот предел для специальных детективов, даже если они андроиды.

О киноидах и говорить нечего, несмотря на извечную симпатию людей к собакам. Симпатия — да, но равные шансы — нет и нет. Рампл носил чин капитана, что подтверждалось одиноким погоном на ошейнике, и не рассчитывал на большее. Разве что удастся с блеском распутать какое-нибудь головоломное и, главное, громкое дело...

Как обычно, Мориарти не пригласил Рампла сесть в кресло — берег обивку. Дождавшись благосклонного кивка, Рампл опустил бесхвостый зад на ковровую дорожку, начинающуюся от двери в кабинет и теряющуюся под столом начальника. Замер, приготовившись внимать. Лишь позволил себе допустимую для киноида вольность: вывалил длинный язык и часто-часто задышал — в кабинете было жарковато.

— У нас ЧП, — сразу взял быка за рога начальник департамента, — Херлок Шолмс пропал.

Рампл перестал дышать и насторожил левое ухо. Правое после распутанного им «дела фугасных мух» слышало хуже.

Он знал Херлока Шолмса. Знаменитый сыщик-андроид служил в другом подразделении того же департамента и достиг практического потолка — майорского чина. Его послужной список был раза в два длиннее, чем у Рампла, и количество неудач измерялось смехотворно малой величиной. Собственно говоря, крупных провалов у Шолмса не было вовсе.

— Прервалась связь с колонией на Уникуме, — брюзгливо информировал Мориарти. — Компания «Новая родина» направила туда своего штатного специалиста по решению проблем. Перебросившись на Уникум, тот обнаружил всех людей мертвыми, после чего запаниковал, немедленно покинул планету и поднял тревогу. Поскольку дело серьезное, от Управления туда был послан Херлок Шолмс. Я сам его послал! — Мориарти весь кипел. — И что же? Шолмс сообщил, что прибыл на место и приступает к расследованию, обязался выходить на связь строго в оговоренное время, но больше никаких сообщений от него не поступало. Уже сорок пять часов он молчит, хотя связь исправна. Меня это, мягко говоря, беспокоит. Надеюсь, вас тоже?

— Так точно, — лающе отчеканил Рампл.

— Планета Уникум признана одной из самых благоприятных для колонизации. А Шолмс — наш лучший специальный сыщик. Что могло с ним произойти?

— Он достиг карьерного предела.

Мориарти побагровел:

— Не думаете ли вы, что Шолмс мог оказаться дезертиром или предателем?

«Это вы так думаете», — точно определил Рампл, но вслух сказал другое:

— Ни в коем случае. Смысл жизни специального детектива — служение закону. Страсть жизни — расследование необычных преступлений, разгадка головоломок. Мы все такие — служим не за чины и награды, хотя от них не отказываемся. Мне ничего не известно об отклонениях Херлока Шолмса от спецификации.

— Тогда с чем же связаны ваши слова?

— Я всего лишь указал на общеизвестный факт. — Слово «факт» Рампл буквально тявкнул. — Отношение к нам, специальным, все мы считаем несправедливым. Но мы честно служим. По-другому мы просто не умеем.

— Еще бы вам уметь по-другому, — пробормотал Мориарти, и Рампл понял: его слова несколько успокоили начальника. — Значит, вас беспокоит судьба расследования и вашего коллеги?

— Так точно, беспокоит.

— Тогда немедленно приступайте к изучению имеющихся у нас материалов. Компания «Новая родина» предоставила нам полное досье по Уникуму. После чего перебрасывайтесь на место и действуйте. Вопросы?

— Где я могу найти этого специалиста по решению проблем?

— В карантине, где же еще. Обычная процедура. К тому же не исключено, что все колонисты, а с ними и Шолмс, погибли в результате неизвестной смертельной инфекции. Еще вопросы? Нет? Идите.

Специалистом по решению колониальных проблем компании «Новая родина» оказался матерый человечище с внешностью призера конкурса вышибал. Наблюдая за ним сквозь непроницаемую для живых организмов мембрану карантинного изолятора, Рампл не заметил никаких следов былой паники. То ли Иван Буряк — так звали «вышибалу» — давно уже успел взять себя в руки, то ли Мориарти преувеличил.

Проще говоря, Буряк мирно валялся на прогибающейся под ним тахте и пролистывал какие-то распечатки, временами делая в них пометки карандашом. Рампл подумал, насколько внешность бывает обманчива. Этого хомо природа щедро одарила бычьей силой и совсем не бычьим интеллектом. Колониальные проблемы законники, и решать их посылают не дураков. Если же надо весомо стукнуть кулаком по столу или, реже, по чьей-нибудь вздорной голове, тут у Буряка, похоже, не было конкурентов.

Рампл ткнул лапой в сенсор, заставив мембрану пропускать звуки. Затем деликатно гавкнул, привлекая внимание. Кашлять он не умел.

Буряк взглянул на него поверх распечаток:

— Ну?

Рампл представился. И сейчас же понял, что спец по проблемам уже обо всем догадался. Впрочем, невелика и премудрость отличить слепленное из разных собачьих пород тело киноида от естественных собачьих гибридов.

— Спрашивайте, — кратко предложил Буряк и сел на жалобно застонавшей тахте.

— Как ваше самочувствие?

— Представьте, прекрасно! — От рокочущего баса задребезжала изолирующая мембрана. — Но у меня еще все впереди.

— Что вы имеете в виду?

— Эпидемию, конечно. Отчего же еще умерли шестнадцать человек на Уникуме? Перебили друг друга? Не похоже. Уверен, это не полицейское дело. Если вы читали мой отчет, то прочли и предварительный диагноз проблемы. Это эпидемия неизвестной болезни, вот что это такое. Мне неясна только продолжительность инкубационного периода. Знаю только, что не более шести месяцев. Пока, как вы видите, я жив, но совершенно справедливо нахожусь в изоляторе.

— Третьи сутки, — заметил Рампл.

— Вот именно! Либо мое пребывание в карантине затянется на шесть месяцев — а именно столько времени пробыли на Уникуме те шестнадцать первопоселенцев, — либо отыщется метод лечения. Либо, наконец, я умру раньше. Сказать вам, что мне более всего по душе, или сами догадаетесь?

— Через полчаса я отбываю на Уникум, — сказал Рампл.

— В самом деле? — Буряк даже привстал. — Ну-ну. Надеюсь, существуют скафандры для киноидов? Я пользовался только маской. Не исключено, что эта зараза проникает через кожу. Никто не доказал, что она убивает только людей. И еще: обязательно прочтите мой отчет.

— Я читал.

— Тем лучше. Постарайтесь вернуться живым. Это не только в ваших, но и в моих интересах.

В течение нескольких секунд Рампл размышлял, стоит ли поделиться с Буряком толикой служебной информации, и решил, что вреда не будет. Разумеется, он нарушал порядок и мог получить взыскание, но Буряк был ему симпатичен. Вот такие-то здоровяки как раз и мрут от мнительности. Полгода — более чем достаточный срок.

— Расслабьтесь, — сказал он. — Думаю, вам ничего не грозит. Если бы вы заразились, то уже были бы мертвы.

— Почему?

— Один наш сотрудник, андроид, прибыл на Уникум вскоре после вас и не вернулся. — На всякий случай Рампл решил не упоминать фамилию знаменитого сыщика. — Думаю, он мертв, как и те шестнадцать. Если речь идет об эпидемии неизвестной болезни, то ее инкубационный период исчисляется часами. Вам повезло.

Неспешно удаляясь, он уловил чутким ухом не несущую полезной информации реплику «ну ни хрена себе!» и сейчас же вернулся к мембране. Работа со свидетелем — тонкое искусство, и Рампл владел им в совершенстве. Одно дело человек, думающий тяжкую думу, и совсем другое — ошалевший от радости. Последний сотрудничает искренне и с удовольствием.

— Еще один вопрос... Не заметили ли вы чего-нибудь такого, что не посчитали нужным изложить в отчете? Я имею в виду субъективные впечатления.

— Да какие там субъективные... — прогудел Буряк. — Одно только скажу: испугался я. Мне враг не страшен, если я его вижу, а так... — Он развел громадными ручищами. — Словом, не на шутку испугался. Обошел бочком-бочком помещения — и пулей назад, в гиперкабину. Еле-еле обратные координаты набрал. Дрожь била. Все это, понятно, не для протокола...

— Понимаю, — кивнул Рампл. — Вам еще не приходилось видеть шестнадцать покойников...

— Да при чем тут покойники! — завопил Буряк. — Видел я покойников будьте здоровы! Может, побольше вашего видел! Работа такая. Новые планеты — это вам не фунт изюма. А вот чего я никогда не видел, так это блаженства на лицах мертвых! Такого блаженства, что меня жуть взяла! Они умирали с наслаждением, вы понимаете?!

Рампл не врал, говоря, что прочитал отчет Буряка, а лишь не договаривал. На самом деле он ознакомился экспресс-гипнотическим методом с полным досье на планету и согласился с теми, кто окрестил ее Уникумом. Во-первых, планета была чуть легче Земли, с более чем комфортной силой тяжести для тучных людей, сердечников, астматиков и подагриков. Со временем ее предполагалось развивать как планету-курорт. Во-вторых, продолжительность суток, года, спектр излучения светила, состав и плотность атмосферы не слишком отличались от соответствующих земных показателей. В-третьих, на планете не имелось ни пустынь, ни чересчур высоких гор, ни активных вулканов, а жизнь в ласковых морях не поднялась выше планктонного уровня организации. В-четвертых, на суше имелась макроскопическая жизнь, зато жизнь микроскопическая, по-видимому, отсутствовала. Даже люди не принесли ее на Уникум — земные бактерии и вирусы, не говоря уже об одноклеточных водорослях и грибковой плесени, не приживались в тамошних условиях. Ну чем не рай?

Как обычно, экипаж корабля-«сеятеля» компании «Новая родина», проведя первичное исследование планеты, оставил в уютном местечке на поверхности одного из материков гиперкабину и пару жилых куполов. Несколько суток спустя гиперкабина выбросила на почву Уникума шестнадцать добровольцев-квартирьеров — восемь мужчин и столько же женщин. Им предстояло прожить на Уникуме год, изучая местность, возделывая поля, выявляя местные источники пищи, расширяя первичный поселок для приема следующей партии колонистов, а главное, проверяя на себе саму возможность жить на новом месте. Если все сошло бы благополучно, через год к квартирьерам должна была бы прибыть следующая партия уже из ста-двухсот человек, затем еще и еще, и так вплоть до непрерывного потока колонистов. Стандартная, хорошо отработанная практика.

Не раз и не десять случались осечки. Иногда квартирьерам приходилось эвакуироваться с новой планеты столь спешно, что обтекаемое выражение «срочная эвакуация» на деле означало паническое бегство. Иногда они с трудом выдерживали год, после чего компания признавала планету бесперспективной и списывала убытки. Гибель людей не была чем-то из ряда вон выходящим, человечество платило жизнями за звездную экспансию, но случаи гибели всей партии колонистов отмечались

сравнительно редко. Иногда виной тому была недостаточная психологическая совместимость в коллективе первопоселенцев, чаще — какой-либо неучтенный фактор, свойственный новой планете.

Не все ведь обнаруживается во время первичного исследования, на то оно и первичное. Например, полной неожиданностью для квартирьеров стало открытие, сделанное меньше месяца назад: сухопутная жизнь Уникума представлена одним-единственным видом живых существ! Все три царства живой материи — растения, животные и грибы — на поверку оказались либо стадиями онтогенеза, либо экологическими формами одного и того же вида, но никак не царствами. Вот тогда-то за планетой и закрепилось окончательное название. Где еще возможны такие чудеса?

Обнаружилось чудо обыкновенно: в результате будничных наблюдений. Вокруг куполов первичного поселка росли деревья с весьма раскидистыми кронами и крупными, с хороший кокосовый орех плодами. Недозрелые плоды оказались съедобны, отравлений не было. Небольшие существа, напоминающие кроликов способом передвижения и пристрастием к рытью нор, с удовольствием объедали зеленые проростки у стволов деревьев. Наконец, там и сям среди редколесья попадались высоченные шляпочные грибы; их, похоже, никто не ел. В смысле, никто до людей, поскольку и грибы, и «кролики», как уверенно показали анализы, годились человеку в пищу.

Чего же еще желать? Колонисты приободрились, тем более что редколесье с «орехами», «кроликами» и грибами тянулось на весь материк. Решить так просто проблему пищи — да это же рай неземной! Пусть пища эта не особенно вкусна, зато содержит почти все, что надо человеку. И какое изобилие!

Конечно, биологов удивляло полное отсутствие местных аналогов насекомых, почвенных червей и микроорганизмов. Удивляло их и отсутствие хищников. Но настоящее удивление ждало впереди.

Кончилось жаркое местное лето, наступила благодатная осень, суля прохладную, отнюдь не морозную зиму. И вот тут-то прямо перед тамбуром жилого купола с ветки упал перезрелый орех.

Упав, он раскололся, но вместо полусгнившей мякоти внутри оказался новорожденный «кролик». Полежав несколько минут с видом не жильца на этом свете, он внезапно вскочил, отряхнулся и бодро запрыгал к ближайшему древесному стволу, окруженному питательной порослью, каковую и начал немедленно ощипывать. Наблюдавший все это биолог, почувствовав головокружение, присел на складной стул и, подозревая галлюцинацию, продолжил наблюдение одновременно со съемкой на камеру.

За полчаса упало еще пять «орехов». Четыре из них раскололись при падении, выпустив на свет молоденьких «кроликов», а пятый биолог расколол сам. Новорожденный кролик внутри оказался вялым, «недоношенным», но и он мало-помалу оклемался и поскакал к зелени. А вокруг падали все новые и новые созревшие плоды, и скоро вся поросль вокруг древесных стволов была съедена под корень. Впрочем, назавтра все равно выросла новая. Похоже, от голода «кролики» не страдали.

Но и это не стало концом сюрпризов. Несколько «кроликов», старых и молодых, жили у биологов в вольере с бетонированным полом, чтобы им не взбрела в голову

фантазия прокопаться на свободу. В один прекрасный день самый старый «кролик» ни с того ни с сего упал на бок, задергался, конвульсивно вытянулся, затем свернулся в комок и перестал подавать признаки жизни. Его уже собирались отдать на вскрытие, но как назло дежурный микробиолог Сандра Марш в тот день страдала расстройством желудка на почве местных продуктов и слабой квалификации повара, так что трупику пришлось полежать в вольере не то час, не то два.

За это время он оделся плесенью, в которой микробиолог быстро распознала гифы тех самых грибов, что в изобилии произрастали вокруг поселка. Остальных «кроликов» удалили, вольер заполнили тщательно стерилизованным грунтом и стали ждать. Уже через неделю разросшаяся на трупике грибница выбросила плодовое тело, и этот шляпочный гриб на полуметровой ножке ничуть не отличался от прочих.

А еще две недели спустя было доказано: из грибных спор вырастают отнюдь не грибы. Из них вырастают деревья!

Круг замкнулся. Если дереву удавалось вырасти среди шныряющих вокруг прожорливых «кроликов» (впрочем, жесткая листва основного ростка не слишком привлекала травоядных), то сколько-то лет спустя на нем распускались опыляемые ветром цветы, вызревали «орехи», из которых, как рептилии из яиц, вылуплялись бесполые «кролики», питающиеся нежными боковыми проростками материнских деревьев, и каждый зверек был обречен со смертью стать первичным питательным субстратом для грибницы, чей зародыш он носил в себе с самого рождения.

Все были при деле. Рыхля и унавоживая землю, «кролики» заранее готовили почву для грибов. Грибы охотно перерабатывали мертвую органику, в том числе упавшие от старости деревья. Деревья же обеспечивали энергией фотосинтеза всю экосистему — экосистему, состоящую из одного биологического вида!

Похоже, она умела себя защитить и земным микроорганизмам оказалась явно «не по зубам». А что до земной растительности, то ни черта не боящиеся «кролики» не оставили от посевов на опытном поле ни одного зеленого ростка, несмотря на колючую ограду с сигнализацией. Не так-то просто уберечь посевы от существ, много и с удовольствием роющих! То есть можно, конечно, но урожай влетит в копеечку.

Рампл знал по отчетам, что квартирьеров это не смутило. Основу их стола составляли те же «кролики», грибы и мякоть недозрелых «орехов». Остальное обеспечивал полевой синтезатор, а на складе имелся запас сублимированных продуктов. Жить было можно.

И все же что-то убило поселенцев и, вероятнее всего, Шолмса.

Что?

Скафандр биологической защиты для киноидов действительно существовал. Рампл тщательно подогнал его по росту, скрупулезно проверил работу всех систем, начав с внешних обонятельных рецепторов. Зарядил оружие, опробовал в тире прицел. Над продолговатым, сконструированным под собачью морду шлемом устрашающе торчал ствол бластера. Рампл шевельнул нижней челюстью, нажимая на спуск, и разнес мишень в дымящиеся клочья. Снаряжение было в порядке.

После чего он воспользовался гиперкабиной Управления. Как воспользовался ею чуть ранее Херлок Шолмс.

Куполов было два — большой жилой и рабочий, поменьше. Они были соединены гофрированной кишкой и оборудованы тамбурами — распахнутыми настежь и вроде бы ненужными, поскольку болезнетворных микроорганизмов на планете не нашлось.

Не нашлось или правда не было? Рампл пока не знал ответа на этот вопрос. Смотря как искали...

Грибные гифы еще не успели заползти внутрь куполов. Тела погибших лежали там, где застала их смерть. А застала она их по преимуществу на кухне и в столовой. Чуть заметно тянуло тлением. Осторожно ступая, Рампл обошел все помещения. Все люди были здесь. Вглядываясь в их лица, Рампл понял причину паники специалиста по колониальным проблемам. Да, не каждому дано бесстрастно взирать на эти жуткие оскалы, свидетельствующие одновременно о мучительной боли и невыразимом наслаждении! Иван Буряк не солгал: люди умирали в пароксизмах удовольствия.

Остатки пищи в тарелках, мисках, кастрюлях, стоящих или валяющихся рядом с погибшими, и вздутые животы мертвецов указывали на причину смерти: вульгарный пережор, вызвавший тот или иной вид кишечной непроходимости. Рампл понюхал засохшую пищу. Пахло начавшим портиться мясом и еще чем-то, но тренированный нюх киноида не учуял известных ему алкалоидов или иных ядов. Впрочем, это еще ни о чем не говорило.

Тело знаменитого сыщика-андроида нашлось в одной из лабораторий меньшего купола. Отдавая честь покойному, Рампл замер по команде «стоять» и горестно подвыл. Затем приступил к осмотру.

То же самое. Почти пустая кастрюля с остатками неопознанной еды. Гримаса наслаждения на лице. Перемазанный пищей рот, перемазанные пальцы. Похоже, великий детектив ел из кастрюли прямо руками. Чудовищно раздутый яйцеобразный живот при вошедшей в поговорку худобе Шолмса выглядел дико.

И еще — масса мелких бумажных клочков, разбросанных там и сям. Часть клочков измазана той же пищей. Значит, Шолмс алчно пожирал неведомую снедь, чавкал и давился, изнывая от наслаждения, его тонкие длинные пальцы сновали от кастрюли ко рту, как ковши экскаваторов, и все пихали, пихали в рот еду... а в малых промежутках между этим занятием, когда рот был набит до отказа, Шолмс рвал в клочки некий документ... И это было, наверное, единственным осмысленным действием, на которое великий детектив был еще способен.

Детектив — и рвал документ? Более чем странно...

Лапам киноида вовек бы не справиться со сбором бумажных клочков. Зато манипуляторы скафандра, подчиняясь мысленным приказам, могли нокаутировать медведя и починить тончайшие часы. Злые языки в Управлении говорили, что скафандр для киноидов имеет также внутренние манипуляторы, предназначенные исключительно для ловли блох. Конечно, это было враньем и инсинуацией. А жаль: при расследовании хищений со склада компании, занимавшейся терраформированием планет в системе Фомальгаута, главный подозреваемый — коммерческий директор компании — умудрился запустить в скафандр Рампла пригоршню собачьих блох (и где только их взял?). Рампл стоически вынес пытку и вывел-таки жулика на чистую

воду, не получив в результате даже благодарности от начальства, не говоря уже о повышении в чине. Блох он, разумеется, вывел, но еще с полгода вынужден был подавлять в себе рефлекторное желание почесаться.

Собранные клочки Рампл поместил в контейнер на боку скафандра. Теперь можно было продолжить осмотр. Строго говоря, следуя букве инструкции, Рампл должен был сначала завершить первичный осмотр помещений и прилегающей территории, а уже потом собирать вещдоки, но вещдоки вещдокам рознь. Дунул сквозняк — и иди-свищи их.

Опасения оказались напрасными — вентиляция работала в режиме минимальной мощности, а естественных сквозняков тут не было и не могло быть. Рампл понял это, чуть только окончил осмотр куполов и вышел на воздух.

Редколесье, да... Если подойти формально, то лес с расстоянием между стволами в тридцать-сорок метров можно назвать редколесьем. А если посмотреть наверх — нет. Таких раскидистых древесных крон Рампл еще не видел. Дневной свет с трудом продирался сквозь редкие прорехи в буйной листве. Наверное, сверху весь материк должен казаться сплошным зеленым ковром. Какой уж тут сквозняк, какой ветер! Бледно-зеленые проростки возле огромных стволов мог бы заставить колыхнуться разве что ураган.

Что-то сильно ударило сверху по шлему. Рампл отскочил, крутнулся на месте волчком, ища источник опасности, поводил туда-сюда стволом бластера — и успокоился, поняв, что его ударил упавший с ветки «орех». Прозрачное забрало шлема ничуть не пострадало, а вот «орех» раскололся. На толстый слой опавшей листвы выпал розовый новорожденный «кролик».

Рампл сглотнул. А уж когда «дичь» прытко поскакала к молодым побегам, киноиду стоило труда не кинуться вдогон. Будь прокляты генные инженеры, оставившие специальным детективам часть животных инстинктов! Они полезны, когда надо догонять, хватать и валить преступника, а где он, спрашивается? И много ли времени занимают погони и задержания в работе детектива? Ничтожно мало!

Обойдя купола по кругу, Рампл заметил еще нескольких «кроликов». Похоже, они только и делали, что насыщались. Заметил он и несколько здоровенных грибов — их трудно было не заметить. Пока все соответствовало досье.

Покойники в куполах действовали на нервы. К счастью, в биохимической лаборатории их не оказалось, и Рампл потратил час на тщательный анализ остатков еды. Он справился бы куда быстрее, но первичный анализ обескуражил его. Пришлось проверять и перепроверять.

Пусто... Нулевой результат по всем известным психотропным веществам. Просто невероятно.

В течение следующего часа Рампл пополнял сведения о планете новыми данными. Первопоселенцы изучали Уникум вплоть до момента катастрофы и добросовестно фиксировали результаты наблюдений.

Оказалось, что в самые последние дни им удалось найти причину, по которой местная живая природа не была буквально съедена земными микроорганизмами. Лабораторные эксперименты подтвердили догадку: пыльца деревьев выполняла роль фагоцитов, немедленно уничтожая чужеродные микроорганизмы, да и споры

грибов были совсем не прочь слопать самую агрессивную земную спирохету. Пока стоял лес, чужая микроорганика не имела шансов.

Микроорганика — да. А люди?

Дневник, ежедневно заполняемый дежурным, обрывался на полуслове. Рампл пролистал все записи, особенно сосредоточившись на последнем месяце. Перед ним был нормальный дневник квартирьеров на удачной планете: работа, научные эксперименты, иногда бытовые подробности. Серьезных ссор за все время случилось только две, полуторамесячной и двухнедельной давности. Обе по поводу бездарной стряпни. И обе кончились миром.

Стало быть, пусто. Не просматривалось ни «любовных треугольников», ни старых счетов, ни опасной психической неуравновешенности кого-либо из квартирьеров. А за пережаренный бифштекс никакие мало-мальски разумные существа не станут убивать друг друга. Даже люди.

В голове детектива уже сформировалась рабочая версия — фантастическая, совершенно не криминальная, но очень привлекательная. Было только жаль беднягу Шолмса...

Все данные говорили о том, что можно снять скафандр. И все-таки Рампл пока предпочел остаться защищенным.

И еще один час он занимался тем, что про себя назвал пасьянсом и паззлом: раскладыванием и стыковкой множества рваных клочков бумаги на ровной поверхности стола. Помогал чуткий манипулятор, а еще больше аналитическое мышление. Двух кусочков не хватало, но Рампл без труда восстановил недостающее.

«Взять тушку пожилого «кролика» хорошей упитанности, 600 г. очищенных грибов, один незрелый «орех», пучок молодых листьев корневых побегов, соль и пряности по вкусу...»

Слова «соль и пряности по вкусу» были дважды перечеркнуты. Рампл решил, что повар вписал их автоматически, а потом вычеркнул, полагая, что и без них можно обойтись.

«Вымыть «орех», осторожно расколоть его пополам, мякоть разложить по половинкам. Добавить в нее половину мелко изрубленных листьев и половину грибов, хорошо перемешать и оставить в теплом месте на 1 час. Далее смесь выложить в казан или кастрюлю и томить 40 минут на самом малом огне, периодически снимая пену. «Кролика» выпотрошить, отделить мясо от костей, порезать на небольшие кусочки, слегка подвялить в духовке и положить в казан одновременно со второй половиной грибов. Тушить полтора часа на среднем огне. За 10 минут до готовности добавить вторую половину листьев, порезанных не слишком мелко. После снятия с огня выдержать 30 минут под крышкой и подавать на стол».

Гм, тушить... А на чем? На воде? Ничего не сказано... Рампл недоумевал до тех пор, пока не вспомнил, что в земных орехах полно всевозможных масел. Наверное, и здесь так же. Значит, тушение в масле. А почему кролик должен быть старым? Не потому ли, что в его тушке уже начала развиваться грибница?

А в общем, не очень-то и вычурно... Рампл видывал куда более сложные рецепты. Если разобраться, изготовить такое рагу мог и неискушенный кулинар.

Херлок Шолмс, кстати, был неискушенным...

Но он был более чем искушенным детективом и специальным андроидом на государственной службе, а значит, не мог поступить противно Уставу. Не мог, даже если его несгибаемая до сего случая воля была подавлена. Умирая, он попытался уничтожить рецепт.

И еще кто-то — может быть, повар — оказался человеком долга. Он первым порвал бумагу. А Херлок Шолмс подобрал обрывки, склеил их, приготовил по рецепту блюдо...

Оставалось лишь закрыть дело, написав в заключении «причинение смерти по неосторожности» или «несчастный случай». Рампл выбрал «несчастный случай». Он хотел, чтобы семья повара получила компенсацию. Вспомнились слова о недостаточной квалификации покойного. Кулинар-новатор был ни в чем не виноват. Он не умел как следует готовить традиционные блюда, потому-то и искал наудачу новые, используя местный материал.

Вот и нашел...

И еще оставалось удостовериться во всем самому. Разумеется, предварительно надиктовав на всякий случай свои соображения по делу. Покончив с этим, Рампл без труда высмотрел в кроне одного из деревьев крупный, но явно незрелый зеленый «орех» и перебил плодоножку точным выстрелом из бластера. Набрать грибов и нарвать листьев понежнее не было проблемой. А от мысли о предстоящей охоте на «кроликов» с языка Рампла закапала слюна. Детектив даже устыдился. Но ведь не ради удовольствия же, не для потакания низменным инстинктам, а по долгу службы, ради следственного эксперимента!..

Самый крупный, явно немолодой «кролик», взглянув на сыщика, неуверенно пустился наутек — все-таки люди худо-бедно начали приучать местную дичь к осторожности! Тем лучше!

Рампл рванул следом. На мгновение перебив охотничий азарт, мелькнула огорчительная мысль: хватать добычу придется не зубами, а манипуляторами. А, все равно! Главное — догнать.

Стоп! Если версия верна, то бояться инфекции нечего, и можно сбросить шлем прямо на бегу...

— Сначала я полагал, что необычная экосистема Уникума умеет бороться не только с чуждыми ей микроорганизмами, — докладывал Рампл генерал-полковнику Мориарти, — но и с организмами макроскопическими. Что произошло бы, если бы из тамошнего океана вдруг выполз местный аналог кистеперой рыбы, решивший обосноваться на суше? На этот случай единственный сухопутный вид жизни мог предложить разнообразные ответы — например, растительные или грибные яды. А то и периодическое появление «кроликов» с хищными наклонностями и соответствующими клыками. Для некоторых земных насекомых и даже земноводных это стандартная тактика. Не исключено, что экосистема Уникума придумала бы что-то свое, совершенно оригинальное. Короче говоря, я почти убедил себя в том, что она нашла необычный, просто-таки уникальный способ борьбы с таким пришельцем, каков человек...

— Наплевать, что вы там думали, — грубо оборвал его Мориарти. — Докладывайте выводы, а ход ваших мыслей оставьте при себе.

— Слушаюсь, — вытянулся Рампл. — В любом случае дело не по нашей части. Нет мотивов, нет подозреваемых, нет состава преступления. Просто несчастный случай. Повар экспедиции на беду оказался кулинаром-экспериментатором. На основе местных продуктов он сумел создать блюдо, оторваться от которого человек не в силах. Это наркотик, не содержащий алкалоидов, случайно найденная квинтэссенция кулинарного искусства. Тот, кто попробует это блюдо, обречен стать его рабом. Он будет готовить и есть, готовить и есть, пока не умрет. И никакое ощущение сытости, никакие боли в животе не заставят его прекратить это занятие, пока он не погибнет от заворота кишок, мучаясь и наслаждаясь. Но наслаждение будет преобладать до самой последней минуты.

Он сделал паузу, желая, чтобы его последние слова прозвучали как можно более веско:

— Все оказалось проще и грубее, чем я думал. Это не преступление и не ответ планеты на появление на ней человека. Защитная реакция Уникума, несомненно, была бы более надежной — ведь рецепт надо было еще изобрести или, вернее, найти случайно, а самое незначительное отклонение от него радикально меняет вкус и эффект. Я попробовал, и мне чуть пасть не свело... Дело, не в Уникуме, а в людях. В отличие от последних, Уникум совершенен. — Рампл потупился. — Разумеется, я не хотел никого обидеть...

— Ну, разумеется! Надеюсь, рецепт у вас?

— Рецепт мне пришлось сжечь, — твердо ответил Рампл. — Можете наказать меня за сознательное уничтожение материалов следствия, но я решил, что так будет лучше. Параграф первый Устава нелюдей: долг перед человечеством выше служебного долга. Я готов отвечать за содеянное.

— Хе-хе, — хмуро сказал Мориарти, сверля киноида взглядом исподлобья. — Так уж и готовы? Ну, допустим, вы убеждены в своей правоте. Ну, допустим, я вам верю. Только допустим. Но кто вам поверит в «Новой родине»? Кто из членов дисциплинарной комиссии, которую мне придется созвать, поверит вам без доказательств? Где доказательства?

— В моей памяти, — улыбнулся Рампл. — Рецепт я запомнил, но делиться им ни с кем не собираюсь. Блюдо это я готовил и лично пробовал. Все необходимые ингредиенты взял с собой. Если вы настаиваете, я готов повторить эксперимент, хотя и не завидую дегустаторам...

— Почему? У них ведь не будет возможности неограниченно насыщаться?

Рампл оскалился в собачьей улыбке. Кивнул лобастой головой:

— То-то и оно. Дегустаторы останутся глубоко несчастными на всю жизнь. А рецепт я не намерен сообщать ни им, ни кому-либо другому. Параграф первый Устава.

— Постойте! Вы пробовали это блюдо — и живы?

У нас, киноидов, иные вкусовые ощущения, — с достоинством ответил Рампл. — Для меня это рагу — заурядная еда, не очень даже вкусная. Иное дело люди... и андроиды. Я имею в виду беднягу Шолмса.

Генерал Мориарти нажал кнопку на столе. Через секунду в дверях появились сотрудники внутренней охраны — громадный неандерталоид, по виду, способный

без труда заломать Геркулеса, и угрюмый киноид с торсом мастифа, клыками махайрода и тяжелым шипастым набалдашником на кончике хвоста.

— Я вынужден взять вас под стражу. До выяснения.

Рампл обиженно тявкнул. Человеку никогда не понять, каких трудов стоило ему сохранить остатки достоинства, не заскулив и не взвыв.

— Что убедит вас в том, что я не лгу? — дрогнувшим голосом пролаял он.

— Что? — Мориарти побагровел. — Тарелка с этим самым вашим блюдом у меня на столе! С этой вашей липовой квинтэссенцией!

— Вы действительно хотите попробовать? Осмелюсь предложить провести опыт на приговоренных преступниках.

— Глупости. Я сам проведу опыт. На себе! И нисколько не сомневаюсь, что выведу вас на чистую воду!

— Но...

— Марш на кухню! Это приказ. Вы двое, проследите за ним!..

— Еще! — молил Мориарти тремя часами спустя, ползая за Рамплом на коленях. По его подбородку текла слюна, а по щекам слезы. Он протягивал вылизанную до блеска тарелку с видом нищего, погибающего голодной смертью. Он мог разжалобить камень. Он мог убить — и убил бы, если бы не знал, что вместе с бесчувственным подчиненным погибнет чудесный рецепт.

— Ну еще хоть немного... — ныл генерал. — Пожалуйста... Песик хороший, лапочка, детективчик вы мой наилучший, еще чуть-чуть...

«Песик? — подумал Рампл. — Ну-ну. Стало быть, я для тебя песик? Ну конечно, ты ведь человек, у тебя две ноги, а у меня четыре. И на этом основании ты генерал и мой начальник, а я, выходит, и гавкнуть на тебя не смей? Но ведь у тебя только одна голова, как и у меня, и не я ползаю за тобой, а ты за мной. Чем же ты лучше?»

Он чувствовал себя победителем. Рисковал — и выиграл. До самой последней минуты в его распоряжении имелась только следственная версия, очень похожая на истину, но все же не стопроцентно надежное доказательство. Поди докажи, когда у тебя и впрямь собачьи вкусовые пупырышки, а не человечьи! И только когда на его глазах свежеприготовленное блюдо продегустировал лично генерал-полковник Мориарти...

Рампл отскочил, увертываясь от генеральских рук. Сделал стойку, как на дичь:

— Кстати. Когда я буду произведен в майоры?

Помочь генералу не могло уже ничто. Но генерал еще мог помочь киноиду. А заодно и всем специальным детективам, от андроидов до инсектоидов, честно несущим службу и вечно зажимаемым бюрократами и ксенофобами из числа начальства. Главное — пробить брешь, создать прецедент...

Рампл не сомневался, что выйдет в полковники еще до вечера, никак не позднее третьей порции.

2004 г.

ВАСИЛИЙ МИДЯНИН

ИЗ КАНАЛИЗАЦИИ

С САМОГО НАЧАЛА ЭТО БЫЛА НАСКВОЗЬ ГНИЛАЯ МЫСЛЬ — вылить в канализацию полбочки имитатора боевого отравляющего вещества. Однако, видит Бог, идея принадлежала не мне. Если же разобраться как следует, то на самом деле виноват во всем наш ротный старшина, и как раз его-то и нужно брать за жабры по поводу всего произошедшего. Приходит сегодня этот самый старшина Педалин к солдатской курилке, где пацаны после обеда потихоньку в себя приходят, и отработанным жестом вытаскивает из толпы двух традиционных козлов отпущения — Добрицу и Мидянина. Отводит он, значит, нас в сторонку и начинает привычно на мозги капать. Вы, говорит. Гоблины, говорит, и жует свою поганую «Ватру». Бандерлоги. Вы мой дурной характер знаете, ага? Так точно, товарищ старший прапорщик, говорим мы с Добрицей. Очень знаем. Тогда, опять говорит Педаль, бедуины вы мои ненаглядные, в свете данного тезиса нарезаю очередную боевую задачу. Слушайте меня ушами. Мне срочно нужна емкость под сыпучие материалы, ага? Железная бочка — подойдет. Или что-нибудь около того. Где вы ее возьмете, суслики — это для меня малогребучий фактор, но если через полчаса емкость не будет передислоцирована в район кочегарки, я сурьезно рассерчаю. Ферштейн? Так точно, отвечаем, товарищ старший прапорщик. Ферштейн. Ага, говорит Педаль. И учтите, замечает он напоследок, бочка наверняка будет чистая и ни в коем случае не дырявая, а не то я, растудыть, обратно рассерчаю — и тогда вешайтесь, жулики. Я дурак, вы меня знаете: когда выведете меня из положения равновесия, с дерьмом вас всех съем, ага.

Знаем, твою мать, знаем! «Съем с дерьмом» — это воскресный пятнадцатикилометровый марш-бросок для всего взвода при полной боевой выкладке, с автоматами, подсумками, противогазами, саперными лопатками и вещмешками, набитыми сырым песком. Если кто не пробовал, рекомендую — через десять минут после старта жалеешь, что вообще на свет появился. А то еще устроит Педаль взводу по доброте душевной неделю строгой уставщины — вот это уже совсем будет полная, окончательная и бесповоротная трагедия. В любом случае, когда старшина серчает, не бывает ни хрена хорошего. Поэтому мы с Добрицей без долгих разговоров тушим свои беломорины и покидаем курилку, уныло рассуждая на ходу, где же нам взять вышеупомянутую емкость под сыпучие материалы, будь они трижды неладны. То, что мы ее где-нибудь возьмем в течение получаса, не подлежит ни малейшему сомнению, иначе после марш-броска мы покойники — Педаль не забудет проинформировать дембелей, кому они обязаны своим кровавым потом.

Однако разрази меня генерал-майор Грибанов, если я имею хотя бы одну подходящую идею на этот счет. Можно, конечно, отогнуть на заборе возле кочегарки ко-

лючую проволоку, вылезти на гражданку и пробраться в офицерский городок, где дом пятиэтажный строят, там много разных технических бидонов валяется и бочек из-под краски. Только вряд ли они подойдут — строители в них обычно гудрон растапливают для заливки перекрытий, и этот гудрон внутри застывает. Потом есть еще железная бочка на заднем дворе столовой, туда наряд по кухне всякую парашу сливает для свиней из подсобного хозяйства. Тоже не лучший вариант. Еще одна бочка с водой возле курилки по пояс в землю вкопана, вроде как пожарный водоем. Ну, здесь даже и говорить не о чем. Ее оттуда трактором не выдернешь. Пара бочек приспособлена на стадионе под летний душ, но туда соваться не стоит, там вечно бродят свирепые дембеля, физорги хреновы — либо Ара Бешеный, либо урод Слава с шестой роты, либо тот и другой вместе. Если застукают, душу вынут с гарантией, на всю оставшуюся жизнь. Вот, собственно, и все. У кого еще есть варианты?..

У Добрицы есть. Он терпеливо ждет, пока я выложу ему свои соображения, и выдвигает собственную версию:

— Как насчет химгородка?

Гм. Что касается химгородка, то он у нас расположен в самом глухом углу части, между казармой роты химической защиты и оружейными складами, куда даже столовский кот редко забирается, а нормальные люди вообще никогда не заглядывают. Второпях оборудованный на месте бывшей мусорки к приезду какой-то проверяющей комиссии из Москвы, показушный этот городок довольно успешно ветшает и разваливается второе лето подряд. Так вот, там, между фанерными щитами с покоробленной наглядной агитацией по защите от оружия массового поражения, установлена была однажды брезентовая туристическая палатка для проверки состояния солдатских противогазов. Выглядит эта процедура примерно так: надеваем мы раз в две недели всем личным составом свои противогазы и поочередно заходим в брезентовую душегубку, а прапорщик-химик затыкает все щели и начинает разливать по полу имитатор отравляющего вещества, хлорпикрин называется. Этот самый имитатор мгновенно испаряется и создает внутри такую атмосферу, что глаза на лоб вылезают. Одним словом, стоишь, дышишь. Если повезло, и в твоем резиновом хоботе нету трещин, и в очках оба стекла целые, минут пять живым протянешь. А химик, паскуда в новеньком противогазе, пакость свою нервно-паралитическую из бадьи знай себе расплескивает да еще прикалывается: то прыгать заставит, то отжиматься, то приседать на одной ноге. Протестовать никак нельзя — это называется «тренаж в условиях, приближенных к боевым», уставом положено. А то еще подаст, тварь, команду «большой разрыв шлем-маски». Это значит, нужно затаить дыхание, зажмурить глаза, коробку противогазную на ощупь открутить, шлем-маску снять и дышать ртом через дырочку в коробке. Способ еще тот, скажу я вам. Гарантирует стопроцентное попадание на небеса. В общем, кто сразу из адской палатки не выскакивает, как ошпаренный, тот делает это чуть позже — задыхаясь, кашляя, в соплях, со струящимися ручьем слезами, глазами навыкате и желтой пеной на губах. Химику только того и надо, гниде. Мы-то в течение нескольких минут отходим, конечно, летальных исходов пока не случалось, но все равно удовольствие каждый раз ниже среднего.

Ну так вот. Как я уже сказал, стояла обычно в палатке этакая пластиковая бадья, герметично закрывающаяся посудина из-под хлорпикрина, размерами чуть поуже и раза в полтора пониже стандартной железной бочки. Именно о ней Добрица и вспомнил. По инструкции стоять там эта посудина не имеет никакого права, но такая уж у нас развеселая страна. Частенько бывает: поручит прапорщик своему помощнику, ефрейтору Мише Тыквину, закупорить бочку с остатками ОВ-имитатора и отнести ее на склад, а тот пойдет в клуб смотреть кино или подастся в город к бабам, и про все на свете позабудет. В результате торчит злосчастный химикат в палатке неделю и больше, разлагается потихоньку на составляющие, дембеля его таскают консервными банками ради прикола — то в туалете разольют, полдня никто зайти не может, то в бане, то в столовой, с аналогичными результатами. Спохватится ефрейтор Миша Тыквин за пару дней до очередной проверки, сольет выдохшийся хлорпикрин в какую-нибудь канаву, землей притопчет, тару на складе тряпьем закидает, и все довольны. А прапорщику до лампочки, он уже списал в отчетности эту бочку, как полностью использованную по назначению, благо фонды не контролируются никем, кроме капитана химзащиты, с которым вышеупомянутый прапорщик выпивает каждую субботу три бутылки водки. Ловкость рук, понимаешь, и никакого мошенства. Стоит ли вообще удивляться, если у нас из опечатанных боксов танки бесследно исчезают, а годы спустя все в полных непонятках руками разводят: куда ж техника-то подевалась и куда наряд по парку смотрел?.. А вот туда и смотрел.

Итак, отправились мы с корешком моим покойным в химгородок. Вообще-то эта отравленная территория обнесена сеточным ограждением со спиралью Бруно поверху и ворота запираются на замок, но дырок в заборе видимо-невидимо: лазают всякие, кому невмоготу до туалета добежать... Отворачиваем у палатки полог — посудина на месте. Первая хорошая новость за сегодняшний день. Добрица откинул крышку, и мы отшатнулись, зажимая рты ладонями: в бочке оказалось на треть мутной гадости с едким хлорным запахом. Этакий дембельский привет от ефрейтора Миши Тыквина. По глазам резануло, словно бритвой, и я торопливо крышку захлопнул. Тут взяло меня сомнение: все-таки ядовитые вещества, мать их через колено. Отравится, не дай Бог, Педаль ненароком, туда ему и дорога, а ведь на нас спишут. Наплевать, говорит Добрица. Чего он в ней, капусту солить будет? Наверняка козлу под известь скрыня понадобилась или под цемент ворованный, до дому довезти, а там он ее и выкинет к чертовой бабушке. Выкинет, уныло соглашаюсь я. Я соглашаюсь, потому что ничего другого в ближайшие пятнадцать минут мы все равно не найдем, а получать по башке после пятнадцатикилометрового марш-броска мне совсем не хочется.

Получать по башке мне не хочется особенно потому, что нельзя мне этого. Я и так стукнутый. С мопеда фигакнулся аккурат за год до армии. Сотрясение и гематома мозга, многочисленные поражения мозговой ткани, то-се. Как фигакнулся, так весь год в ушах шум стоял непрекращающийся, в глазах жирные черные мухи плясали, везде запах тухлых яиц чудился. Комиссовать должны были вчистую. А я, когда залечили мне более или менее башку, поперся сдуру на медкомиссию в военкомат за

белым билетом, а там недобор массовый. Нормально, говорят, ограниченно годен. Постарайся только больше по башке не получать. И заломили руки за спину.

Значит, бочку мы с Добрицей все-таки решили забрать. Выливать из нее ничего не стали, потому что пригорок и потечет все на асфальт: сейчас химики пойдут с обеда, Миша Тыквин по запаху мигом сообразит, что его посудине приделали ноги, и тогда мы с Добрицей опять-таки зря на свет народились. Очень у него, у товарища ефрейтора, кулак убедительный. В итоге волочем мы тяжеленную емкость по вымершему в связи с выходным днем военному городку, из бочки через неплотно прикрытую крышку вонь просачивается страшная, глаза режет, руки напрочь отваливаются, пот по спине ручьем, а до кочегарки еще километров триста: миновать оружейные склады, завернуть за угол и потом еще много по прямой. Опять же солнышко тут, на юге, злое, особенно в обеденное время.

Добрица взмолился: Васек, говорит, не могу больше, давай отсюдова выльем все к чертовой бабушке! Я ему отвечаю: куда выльем-то? На тротуар прямо? А вон, говорит Добрица, и тычет пальцем в приоткрытый канализационный люк возле склада.

Блестящая идея, земляк. Пять баллов. Помнится, у нас на родине в позапрошлом годе таким же образом какая-то секретная воинская часть речку угробила: вылили в водосток цистерну жидких отходов, и вся рыба ниже порогов кверху брюхом всплыла. А впрочем, если пошевелить мозгами, здесь канализация должна выходить прямо в пустыню, потому что на двадцать километров в округе ручья паршивого не встретишь. Воду для столовой нам дежурная машина привозит. Местная пустынная пакость в наших канализационных трубах от солнца прячется, как в оазисе, — навозные жуки со жвалами, крупные пауки вроде тарантулов и черви дождевые, толстые и длинные, как в Австралии, я про таких в «Клубе путешественников» смотрел. Чуть послеполуденная жара спадет, выползают изо всех щелей: растянется червяк метра на полтора, тащится по асфальту, слизью бордюры пачкает... Мерзость проклятая, чистая аскарида. Чистый капитан Сутягин. Пауки в туалете до последнего времени прямо из очка вылазили, дневальные их каждый день гоняли вениками по всей казарме. Сидишь порой со спущенными штанами и молишь небеса, чтобы никто тебе в задницу не вцепился. Начальству, конечно, глубоко наплевать, оно в наш туалет редко заходит, у них свой при штабе — с унитазами и мягкой бумагой. Дневальные по-всякому пытались насекомых отвадить: и антифриз в очки лили, и масло машинное, и солярку, и дустом сыпали, но все без толку. Травануть подземный зоопарк боевыми отравляющими веществами пока никому в голову не приходило, и я вдруг подумал, что это остроумно и может принести пользу.

Пока я размышлял, Добрица ныл не переставая — выльем да выльем. Ну, говорю, хрен с тобой, золотая рыбка, давай выльем! Подождали мы, пока часовой за оружейные склады зайдет, подтащили бочку к люку и вывернули ее туда. Хорошо хлорпикрин по сухим трубам пошел, с нежным плеском. От неожиданности из люка пара жуков говенных выскочила, мы их сапогами по асфальту размазали.

Дальше легче пошло. Пустой бочонок мы мигом доставили в назначенное место, обтерли его изнутри старыми газетами. Вскоре и Педаль явился. Нам с Добрицей

пришлось оказать ему еще одну услугу: перетащить бадью через забор и погрузить в педальский «москвич». Емкость старшине не очень понравилась, он рассчитывал на большую железную бочку, поэтому, хотя буря в принципе прошла стороной, Педаль насупился. По-видимому, он уже успел где-то принять на грудь грамм триста, что привело его в тревожно-угрюмое состояние. Гоблины, сказал Педаль. Бандерло́ги. На сегодня отмазались, но в понедельник неукоснительно продолжим. Согласно действующим расценкам. И еще раз войду в туалет и с изумлением обнаружу, что вы там курите сигаретами, пеняйте сами на себя. Я дурак, вы мой азимут знаете. А где ж курить-то тогда, удивляемся мы с Добрицей. На улице, в специально отведенных и оборудованных для этого местах, терпеливо поясняет Педаль. Курить в туалете — нет такой буквы в этом слове, добавляет он. Это с пятого этажа-то не набегаешься, справедливо замечаю я. Тогда Педаль без дальнейшего разговора — дыдых мне леща по затылку! Я думал, у меня мозги через нос выпрыгнут. Еще вопросы, боец? Нет вопросов. Благодарю за службу.

Выпустив пар, прапорщик мгновенно утратил агрессивность, добродушно выяснил, до какой степени мы его уважаем, угостил нас своей поганой «ватрой», залез в «москвич», радостно бибикнул от полноты ощущений и уехал зигзагами. А мы с Добрицей перелезли обратно через забор — я об колючую проволоку каблук рассадил, — и пошли в казарму, потому как было воскресенье и скоро по телеку должен был дядюшка Скрудж начаться.

Кровь у тебя под носом, сказал Добрица. А, сказал я. Это... сейчас. Добрица перепугался: тебе что, плохо? Не, нормально, говорю, поднимаясь с земли. Голова только закружилась. А, говорит Добрица.

Вернулись мы в казарму. Умылся я в умывальнике, помаячил туда-сюда по подразделению, почитал «Эммануэль», выкурил в туалете прапорщицкую поганую «ватру», потом пошел в ленинскую комнату мультики смотреть. И вот как раз закончились «Утиные истории» и начался Чип с Дейло́м, когда мы услышали первые выстре́лы. Судя по направлению, откуда доносилась пальба, стрелял часовой возле оружейных складов. Сначала он бабахнул раз, после еще раз, а потом, видимо, справившись с предохранителем, засадил длинной очередью.

— Ого! — по забитой народом ленкомнате пробежал бодрый шумок. — Рэмбо опять дембеля поймал!

— Бьет на поражение! — авторитетно заявили из угла.

Два месяца назад у нас вышел дурацкий случай — дух из второй роты, впервые попавший в караул, с перепугу расстрелял весь магазин в перелезшего через забор сослуживца, который в гражданской одежде возвращался под утро из самоволки. Дембель был пьян в дугу и по этому поводу пер напролом. У часового руки ходуном ходили, из-за чего ни одна пуля не попала в цель, зато серьезно пострадали стекла случившейся рядом бани и кабина припаркованного возле нее автобатовского «ЗИ-Ла». Несмотря на причиненные разрушения, командование решило, что караульный действовал по уставу, дембеля-алкоголика сгноили на гауптвахте, а за несчастным духом, на следующую ночь крепко избитым приятелями обстрелянного, наме-

ртво закрепилась кличка «Рэмбо». С тех пор эта история стала у нас излюбленной темой насчет посмеяться...

На улице стихло, а потом снова раздалась очередь патронов в пять, и еще одна — короткая. И снова тишина.

Прошла минута, а потом по тротуару возле казармы загрохотали разношенные солдатские сапоги. Вся ленкомната прилипла к окнам, мы с Добрицей, ясное дело, тоже прилипли. Там, внизу, по направлению к оружейным складам бежали пятеро солдат во главе с дедушкой-сержантом — свободная смена суточного караула, которую выстрелы на четвертом посту выгнали из сторожевого помещения. У каждого на плече болтался семьдесят четвертый АКС с откинутым прикладом и пристегнутым магазином. Они свернули за угол, а секунд через пятнадцать их автоматы разразились кашляющим лаем. Мне показалось, что среди остервенелого тарахтенья автоматных очередей кто-то пронзительно вскрикнул: «Серега!..» Потом из-за угла вывалился один из караульных — автомата на нем не было, панамы тоже. Пригибаясь, зигзагами, словно вспугнутый заяц, караульный стремительно пересек строевой плац и нырнул в двери расположенного напротив штаба полка.

Стрельба продолжалась еще некоторое время, пока АКСы по одному не умолкли — я думаю, караул выпустил все патроны, которые у него были с собой. И после того, как внезапная тишина перестала звенеть у нас в ушах, со стороны оружейных складов донесся отвратительный влажный звук, которого можно добиться, размазывая ложкой теплое сливочное масло по хлебу. Правда, судя по силе звука, ложками там работало не меньше трех батальонов голодных солдат.

Ленкомната встала на уши. В те минуты никто из нас не догадывался о масштабах бедствия, разворачивающегося в части, и в общем взбудораженном гуле возникали самые дебильные версии, даже заключались крутые пари: если это террористы или местные моджахеды, ты мне отдаешь две следующие зарплаты, а если какие-то салабоны, доведенные до ручки свирепой дедовщиной, заперлись и отстреливаются, я тебе отдаю свой почти доделанный дембельский альбом.

Один только покойный Добрица сказал мне вполголоса:

— Чует мое сердце...

И у меня тоже, честное слово, в груди заныло. Ведь тот канализационный люк, куда мы свою отраву вылили, прямо у четвертого поста расположен, у самых складов. Выходит, задержись мы на четверть часа, попали бы в самый эпицентр перестрелки...

Потом на тумбочке дневального у входа слабо задребезжал телефон, и с этого паскудного момента дальнейшие события разворачивались со стремительностью тугой спиральной пружины, выпрыгнувшей из корпуса заводной игрушки. Дневальный поспешно схватил трубку, ему что-то сказали, он что-то ответил, ему еще что-то сказали, он испуганно пискнул «Есть!» и, с трудом прочистив свое петушиное горло, хрипло заблажил:

— Батальон, боевая тревога!

Мы еще несколько секунд сидели на местах, недоуменно озираясь, — стать жертвой идиотской шутки скучающих дембелей не хотелось никому. Однако в ленкомнату вихрем ворвался дежурный по батальону и бешено заорал:

— Придурки, команды не слышали?! Быстро строиться у оружейки!

Получив новый ориентир, народ бросился к выходу. Как обычно в таких случаях, возникла легкая паника и давка в дверях. Какой-то салабон больно ткнул меня локтем в бок, я лягнул гада ногой, но попал почему-то не по нему, а по Аре Бешеному. Мать твою двадцать! Ара меня размазал с полуразворота, по всем армейским правилам — ударом в солнечное сплетение. Несколько метров я пролетел по воздуху, собирая собой стулья, и вписался башкой аккурат в огромное настенное зеркало. У нас, знаете, в батальоне зеркала повсюду, на каждом шагу — это комбат, лысая дрянь, озаботился, чтобы бойцы постоянно могли следить за своим внешним видом. Но зеркало в ленкомнате было особенным: возле него комбат и его замы прихорашивались каждое утро перед разводом подразделений на работы. Поэтому еще с вечера дневальным приходилось натирать эту стекляшку фланелью до состояния абсолютного блестения. А зеркало было внушительным, полтора на два с половиной метра, намучаешься тут... И вот вся эта зеркальная масса дождем обрушивается мне под ноги, я тупо хватаюсь за стену, сквозь жуткую головную боль с трудом соображая, что следующих двадцати зарплат мне не видать, а оторопевший дежурный замирает в дверях и, не веря своим глазам, обозревает учиненный нами разгром, а потом пристально смотрит на меня, будто выбирая, в какое место вернее ударить, чтобы послать в нокаут с первого раза. Вот эти-то потерянные секунды, ребята, меня и спасли, потому что засипело внезапно в засоренных канализационных трубах на этаже, пошли по ним с грохотом шершавые пузыри воздуха, и еще потек снизу журчащий вибрирующий шум. Как выяснилось вскоре, это двигалась смерть.

Дежурный по батальону колебался еще пару секунд, однако чувство долга победило, и он, звеня ключами и матеря меня в голос, побежал отпирать оружейку. Проклиная все на свете, я выбрался вслед за ним из опустевшей ленкомнаты. Счастливые люди, которым не довелось разбить комбатское зеркало, уже образовали вдоль коридора длинную очередь, головой упиравшуюся в оружейную комнату, а хвостом — в ленинскую. Размазывая по лицу кровь из носа, я пристроился последним.

Канализационные трубы рычали не переставая, и вскоре из туалета послышался характерный плеск — судя по всему, жидкое дерьмо нашло дорогу наружу.

— Тумбочка! — страдальчески завопил несчастный дежурный: бросить открытую оружейку он никак не мог. — Ты что, не слышишь, что творится? Давай свободного дневального, олух!

— Дневальный свободной смены, на выход! — послушно гаркнул его помощник.

Искомый дневальный обнаружился в расположении первой роты. Шлепая сапогами, он добежал до туалета, рывком распахнул дверь и выдохнул: «Елки!». Потом он бросился внутрь, раздался грохот жестяного таза по кафельному полу, и больше дневального никто не видел.

Сколько времени прошло с этого момента до тех пор, пока из распахнутой настежь двери туалета не начало *вытекать*? Наверное, немного. По крайней мере, дежурный не успел еще справиться с замком последней ружейной пирамиды, когда в коридор с мерзким масляным шумом хлынул мутно-коричневый поток гигантских червей вперемешку с пауками и жуками говенными.

Нет, это только сейчас смешно, это сейчас я по-идиотски хихикаю, а тогда было совсем не до смеха. Я прямо примерз к полу, внутри у меня стало прохладно и противно, будто я разом выкурил целую пачку ментоловых сигарет. За мгновение до того, как из туалета *хлестнуло*, я механически сделал два шага назад и оказался в ленкомнате. В голове у меня было пусто, в пальцах покалывало, дыхание в груди перехватило, словно я провалился под лед. Я протянул руку и аккуратно прикрыл за собой дверь. Я точно знал, что сейчас произойдет.

В коридоре возникла немая сцена. Все длилось, наверное, не дольше нескольких мгновений, но для меня, затаившегося за дверью, они растянулись на тысячелетия. Кто-то в задних рядах успел пронзительно взвизгнуть, кто-то, стоявший у двери, вывалился на лестничную площадку, кого-то вырвало — и в этот момент склизкие твари атаковали. Этот поганый маслянистый шорох я бы не спутал ни с чем. Судя по звуку, передвигались канализационные насекомые очень быстро, от прежней их медлительности и неуклюжести не осталось и следа. И их было *слишком много*. Мужики, я чуть не рехнулся, когда понял, наконец, что происходит — а понял не сразу. Маленькие твари с разбегу впивались ребятам в ноги, рассекали одежду и кожу жуткими жвалами, карабкались выше. Они быстро расползались по коридору, словно мутное озеро серной кислоты.

Меня парализовало страхом и омерзением, прямо к полу пришпилило. За дверью паника поднялась, крик страшный, стряхивают ребята этих тварей, отрывают от себя, оставляя в теле жвалы, насекомые лопаются, из них какая-то мерзость хлещет... Паша Телепнев и Ромка Гецько сразу погибли, их повалили на пол и растерзали прямо перед туалетом. Я их по голосам опознал. Основная масса народа, придя в себя, ломанулась к выходу, а из тех, кто замешкался, не уцелел никто. Я слышал, как Ара орет в расположении первого взвода — видно, раненый, забрался на кровать второго яруса, чтобы не достали. Но его и там достали. Женю Камаева сожрали недалеко от ленкомнаты... И кровь, кровь как из пожарного шланга, в потолок бьет — слышно, как документацию на стенде дежурного по батальону кропит крест-накрест красным... Противный звук такой: кровью по бумаге... Сам дежурный трясущимися руками на ощупь набивал автоматный магазин патронами из цинкового ящика, потрясенно глядя на бойню, происходящую перед оружейкой — с другого конца коридора через неравные паузы доносились торопливые металлические щелчки. Когда патроны влезать перестали, он торопливо вщелкнул магазин в ближайший автомат и нажал на курок. Разорванные пулями насекомые брызнули во все стороны, с влажным чмоканьем впечатываясь в стены. Потом из туалета выплеснулась новая волна шуршащей, чавкающей, отвратительно воняющей погани, и в коридоре, похоже, стало по колено кровавой каши из дергающихся, извивающихся, бьющихся в бешеной злобе, копошащихся насекомых тварей... Все, не могу больше...

Ладно. Вроде отпустило немного. Короче, дальше было вот чего... Стою я, значит, перед закрытой дверью, и прислушиваюсь к тому, что в коридоре происходит. Знаете, бывает иногда такое жуткое заторможенное состояние, например, если махнешь разом пару стаканов водки или по башке получишь, словно дело во сне или не с тобой происходит: вроде и страшно, и подташнивает, но знаешь, что в любой момент можешь проснуться или переключиться на другой канал, где мультики показывают, и поэтому ничего не делаешь, а стоишь и смотришь с дурацкой недоверчивой улыбкой, как кретин... Или слушаешь... Ч-ч-черт... В общем, слышу — ползет с той стороны Добрица, корешок мой покойный. Впусти, хрипит! А я даже шевельнуться не могу — как, честное слово, сковало меня по рукам и ногам... Короче, не впустил я его. Все равно он почти сразу голову на пол со стуком уронил и больше не двигался, я бы ничего сделать не успел...

Судя по доносившемуся из коридора грохоту, дежурный по батальону заклинил палец на курке и бешено вращал стволом автомата, все увеличивая и увеличивая диаметр очерчиваемого круга. Судорожно отбивавшийся от насекомых возле моей двери Вова Пасечник, материвший все святое семейство на чем свет стоит, поймал пулю в живот, булькнул и с омерзительным плеском рухнул прямо в кучу копошащихся червей. На следующем круге в радиус поражения, наконец, попала и моя дверь. Брызнувшими щепками мне лицо посекло, до сих пор болит. Бросился я на пол и слышу за дверью, у самого лица, какую-то новую гадость — такое хитиновое поскрипывание, и словно кто зубами дерево двери точит. Воображение мигом нарисовало мне здоровенных зубастых мокриц с ладонь величиной. Я таких никогда раньше не видел. Наверное, они жили в самых глубоких канализационных трубах и не вылезали наружу, а наш с Добрицей покойным хлорпикрин их оттуда выкурил. Но главный фокус заключался в том, что отделявшая меня от насекомых дверь неудержимо разлеталась в клочья и осыпалась на пол, расколотая автоматными пулями, и вскоре между мной и мокрицами с человеческими зубами должно было остаться только сантиметров десять свободного пространства.

Вот тогда-то я и очнулся окончательно. Кое-как развернувшись на четвереньках, рванулся к окну, уже почти ощущая, как мне в ноги впиваются маленькие челюсти. Автомат дежурного захлебнулся — или у него кончились патроны, или насекомые просочились через отверстия в решетке оружейной комнаты. Вылез я в распахнутое по случаю послеполуденной жары окно, поймал ногой карнизик шириной в полкирпича, который всю казарму опоясывает, и пополз по нему, поковылял прочь от окна, вжался в стену, щекой задеваю кирпичи, вниз не смотрю, ногами еле перебираю... Пятый этаж, ети его мать!..

Добрался до соседнего окна, что в расположение второго батальона выходит, хотел туда залезть, но вовремя прислушался... Бог ты мой! У них тут свой фильм ужасов почище нашего, — куда там «Чужие»!.. Маслянистый шелест — черви, сухой шорох — пауки, скребущий треск — жуки, хитиновое поскрипывание — мокрицы и еще какое-то свистящее шипенье — наверняка бледные осклизлые твари с членистыми усами, которым я даже названия подобрать не могу. Копошатся слоем чуть не до потолка. Мерзость-то... Еле живой от страха и отвращения, пополз дальше. Аккуратно ступаю по карнизику размером в полкирпича, мышцы ног болят, руки о стену ободрал до мяса, башка кружится, тошнит страшно, вот-вот сорвусь. Кое-как миновал еще одно окно второго батальона. Туда я даже

и заглядывать не стал, зажмурился, но глухие негромкие удары слышал отчетливо — черви бросались изнутри на оконное стекло, пытаясь меня достать, и у каждого на конце рот-присоска, а внутри него — челюсти вроде сложенных вместе и двигающихся из стороны в сторону бритвенных лезвий. Добрался я до кирпичной ниши возле самого угла казармы, сел в эту нишу и ноги свесил. Мама, думаю, не перебраться мне через угол!

Внезапно напротив раздался звон разбитого стекла. Я вскинул голову. В одном из окон соседнего корпуса казармы возник солдат в разодранной афганке. По-моему, он это стекло прямо кулаками вышиб. Он подавал мне какие-то странные знаки; в руках у него почему-то были огромный китайский веер и чучело фазана. Прыгнул он в окно плечом вперед, видно, рассчитывая в прыжке выдавить оставшийся в раме огромный осколок и броситься вниз. Верхнюю-то часть осколка, растрескавшуюся от первого удара, он действительно выдавил, а вот нижняя, блестящая и зазубренная, на которую он, не рассчитав, рухнул по инерции, разорвала ему живот и выпустила кишки. Даже с такого расстояния я отчетливо увидел, как стеклянное лезвие вспороло его тело, словно консервную банку. Хотя если бы и не этот осколок, падение головой вниз с четвертого этажа вряд ли прибавило бы ему здоровья. Когда он судорожно задергался на своем осколке, до половины свесившись из окна, на его спине появились, отчаянно карабкаясь и отпихивая друг друга, до боли знакомые канализационные твари. И вот тут-то я окончательно понял: а ведь такая чертовщина по всей казарме происходит! Некуда мне бежать! Эти гады, наверное, изо всех унитазов повылазили, изо всех раковин и писсуаров!..

Только тогда я и обратил внимание на непрерывный странный шорох, текший снизу. Схватился я за водосточную трубу, вниз свесился... Паскудство! Прямо подо мной по горячему асфальту хлещут полчища тварей поганых. Целые коричневые сугробы тварей, которые извиваются, корчатся, шевелятся, кусают друг друга и расползаются, расползаются во все стороны. Шум от них стоит, словно кто разом тысячу бумажных листов комкает. И изо всех канализационных люков — они: лезут, карабкаются, шуршат. Но стошнило меня не из-за этого, а тогда, когда я разглядел между ними отдельные нестандартные экземпляры размерами с хорошую овчарку и червей толщиной с физкультурный канат. Наверное, эти чудовища были у них королями колоний и постоянно прятались в удаленных коллекторах или в каких-нибудь заброшенных канализационных отводах. Вот, значит, по кому караул палил... Видно, дело действительно серьезное, если даже такие монстры наружу повылазили. Я уже потом, в каптерке, представил себе ужас и потрясение часового, когда на его глазах из люка в асфальте выбрался гигантский паук, способный откусить ему руку. А в тот момент моя фантазия не работала, меня хватило только наклониться пониже и вывалить прямо на этих тварей то, что еще оставалось в моем желудке от обеда.

Тогда я увидел все это очень отчетливо. А вот теперь думаю: как такое могло быть, если я, как зажмурился после окна второго батальона, так и не открывал глаз, пока блевать не закончил?..

Где-то в районе штаба вякнула одинокая автоматная очередь, какая-то зигзагообразная и рваная, словно полоснул кто-то наугад, лишь бы куда. Да, точно, тогда-то я глаза и открыл. Вслед за этим бабахнуло возле столовой, и над крышами складов под-

нялись клубы белого дыма. Значит, наши еще не сдались, соображаю я. Кто-то пытается эту дрянь «черемухой» травануть. Соображаю я так в перерывах между рвотными спазмами, а сам прикидываю: если твари от выдохшегося хлорпикрина настолько осатанели, что же от «черемухи» будет? И становится мне, прямо скажем, нехорошо. Хотя уж куда хуже вроде бы.

Больше я ничего подумать не успел, потому что окно, мимо которого я проползал минуту назад, угрожающе затрещало и внезапно вывалилось наружу — они на него, наверное, всей массой изнутри навалились. От отчаяния я сделал единственное, что еще мог сделать: обхватил водосточную трубу руками и ногами и медленно поехал по ней вниз, обдирая локтями и коленями серебристую краску. Доехал я каким-то чудом до третьего этажа и тут почувствовал, что труба вот-вот лопнет. Эти водостоки вечно на соплях крепятся, на проволочках каких-то, на обойных гвоздиках... Впрочем, спускаться на землю мне с самого начала было ни к чему. Там меня ждали с распростертыми объятиями. Так что шагнул я прямо в закрытое окно третьего этажа, мимо которого как раз проезжал, и оказался в каптерке батальона связи. Вскочил на ноги, весь поцарапанный, в осколках, озираюсь вокруг, как ненормальный. Счастье мое, что в момент первой атаки насекомых каптерка оказалась запертой. Несмотря на непрерывный скребущий шорох в коридоре, в щель под дверью забралось не так уж много насекомых. Не дожидаясь, пока они вцепятся мне в ноги, я расплющил тварей каблуками раньше, чем они успели меня почуять. Двух жуков, сумевших забраться на стол, я сначала не заметил, и тут же был наказан: один из них впился мне в левую кисть, а другой — в предплечье. Рука моментально онемела, словно в нее с размаху ткнули тупой ржавой рогатиной. Вырвал я по очереди тварей из своего мяса, едва не оставив челюсти в ранах, и швырнул об шкаф. Разлетелись жуки по всей каптерке: головы отдельно, лапки отдельно, желудки отдельно. Обшарив все помещение, я никого больше не нашел, но предварительно щель под дверью сейфом металлическим закрыл, а саму дверь на всякий случай шкафами завалил и окно обратно шкафом задвинул — не хватало еще, чтобы червяки с пятого этажа сыпаться начали. Раздавленные остатки маленьких тварей сгреб щеткой в дальний угол и накрыл старыми парадными кителями. В шкафу под парадками обнаружилась непочатая бутылка «Столичной», я ее вскрыл и облил раны как следует, для дезинфекции, а перед этим еще спичками прижег. Потом провел также сеанс внутренней дезинфекции — прямо из горлышка...

Вот, собственно, и все. Уже очень поздно. Я не знаю, сколько, у меня нет часов. Стемнело давно. Из-под вороха парадок в углу идет нестерпимая вонь. За дверью по-прежнему комкают бумагу и размазывают масло. У меня поднялась температура и начался озноб. Ужасно болит поцарапанное лицо, похоже, будет нагноение. Башка, которой я треснулся об зеркало, просто раскалывается. Твари не собираются уходить обратно в канализацию, их дразнит запах крови. Впрочем, обоняние у них развито совсем не так хорошо, как мне показалось вначале, потому что за запертой дверью они оставили меня в покое. Оно и понятно — нельзя иметь хорошее обоняние и жить в канализации. Спасать меня, судя по всему, никто не собирается. Мне не хочется об этом думать, но, похоже, из всей нашей части только я один и выжил. Может быть, сидят где-нибудь еще несколько таких же бедолаг, забаррикадировавшись, тихо с ума сходят... Пока еще в офицерском городке

смекнут, что к чему, пока еще зачешутся, пока еще пришлют помощь... Впрочем, черт его знает — может, как раз сейчас лавина кровожадных насекомых выбирается из дренажных колодцев прямо посреди городка. В этом случае там будет не до нас...

Ну, вот я все и рассказал. Сейчас лежу в каптерке батальона связи на куче мятых матрасов и надиктовываю себе трибунал на старшинский магнитофон. Впрочем, если меня спасут, пленку я заберу с собой и сожгу. Ну, а если нет — может быть, потом, когда найдут эту кассету, она пригодится для выяснения обстоятельств... Если ее раньше черви не пожрут... Времени у меня много, жаль только, пленка заканчивается.

Знаете, дорого бы я дал, чтобы узнать, куда эти горе-строители нашу канализацию вывели, где такая флора и фауна водится. А может, за те годы, что наша воинская часть здесь стоит и отраву под землю спускает, местные насекомые мутировали, как в том фильме «Крысы», и одного маленького толчка, нашей с Добрицей покойным глупости, хватило для того, чтобы выгнать их на поверхность в поисках крови... Либо тот хлорпикрин, что мы бабахнули в канализационный колодец, обжег кого-то из насекомых королей, который отдыхал там в холодке, и обезумевший от боли король устроил нам карательную акцию... Не знаю, не знаю... Если бы не бутылка, в которой на настоящий момент уже ничего не осталось, я вряд ли сумел бы сохранить здравый рассудок посреди этой чертовщины.

Или я его и так не сохранил?..

Адски болит башка, которой Ара приложил меня об зеркало.

Не я ли два дня назад, стоя на вечерней поверке и ощущая нытье в почках, отбитых Железняком, страстно, до боли в стиснутых челюстях, желал, чтобы из канализации выбрались полчища насекомых и сожрали всех? И эти звуки — маслянистый шелест, сухой шорох, скребущий треск... разве не эти же самые звуки я слышал почти год после того, как фигакнулся с мопеда?..

Черт, да видел ли я на самом деле хоть одно атакующее насекомое? Что, если я сейчас приподниму парадки, а под ними ничего не окажется? Если я сейчас посмотрю на свою искусанную руку и увижу на ней следы собственных зубов?..

Что, если сейчас в каптерку войдет старшина связистов и крайне удивится, обнаружив на вверенной ему территории постороннего солдата — дрожащего, исцарапанного, с блуждающим безумным взглядом?

Честно говоря, я предпочел бы такой вариант.

Однако выходить наружу и проверять свои догадки я не собираюсь. Говорят, у психов никогда не возникает сомнений в собственном душевном здоровье. Так что если я выйду из каптерки, а кровожадные насекомые существуют на самом деле, получится очень смешно.

Все, мужики, нету больше пленки. Живите тысячу лет, только пожалуйста, будьте поосторожнее со всякими канализа...

27. 04. 1993

г. Новочеркасск

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

ДЕВЯТОЕ МАРТА

ЗРЫКИВАЯ РАСХЛЯБАННЫМ МОТОРОМ, АВТОБУС МЧАЛСЯ по заснеженному городу. Водитель торопился в парк и старался проскакивать пустующие остановки: все-таки сегодня праздник, хотелось попасть домой пораньше.

Ему не везло. Хоть район и считался спальным, все равно на каждой остановке кучковались группки веселых и пьяных людей: парни с бутылками, по одной в каждой руке, девчонки с охапками цветов... Они смеялись, от избытка молодых сил висли друг на друге. Восьмое марта сегодня: самое время веселиться.

В открывшиеся двери ввалилась теплая компания — человек десять. Расселись по креслам, благо автобус полупустой, не обошлось без возни: кто-то из парней пытался усадить к себе на колени сразу двух девчонок.

— Подожди! Ну, подожди же ты!

Девушки заняты. У одной в руках сотовый телефон, видимо, сегодняшний подарок. Аппарат сложный, кнопочек много, надо во всех разобраться.

Наконец, все устроились, и сразу же начался веселый, с подколками спор. Решалась сложная проблема: как в латинской транскрипции писать «я» — «ja», «уа», или «ia». Похоже, подружки добрались до SMS-функций и собирались теперь осчастливить кого-то эсэмеской.

— Надо через этот, как его, ну, «игрек», как русское «у», короче...

— Тогда получится «и-а», че ты ослик, что ли?

— «И» с хвостиком ставь, я видела, так немцы пишут!

Парни ржут.

— Без бутылки не разберешься!

Эх, ребята, мне бы ваши проблемы! Я прижался лбом к холодному стеклу, смотрел на чуть присыпанные снегом тротуары, необычно яркие, в ореоле цветных кругов, фонари, вечернюю иллюминацию витрин и немногочисленных в этом районе реклам.

Взрыв смеха за моей спиной — кто-то из парней рассказал разухабистый анекдот. Пошлый, на грани армейского юмора. По-хорошему — не для женских ушей, но сегодня можно — сегодня все веселы, чуть пьяны и раскованны.

Кроме меня. Я не улыбаюсь вместе с ними. Не с чего.

Завтра девятое марта, и я снова уйду. Пока еще не знаю, каким способом: судьба, если это, конечно, она, весьма изобретательна. В последний раз меня сбила невесть откуда взявшаяся на пустынном проселке «Волга». А до этого обошлось без постороннего вмешательства, просто потемнело в глазах, мир крутанулся пару раз и...

Инфаркт? Кровоизлияние в мозг?

А три или четыре раза назад, помнится, меня прикончили совсем уж экзотично: взорвался газовый коллектор под ногами.

Впрочем, я могу и ошибаться. Разглядеть собственную смерть в подробностях мне не удалось ни разу. Как и никому, наверное, в этом мире. По крайней мере, никому, кто смог бы потом об этом рассказать. Проявившись снова, я пытался отыскать в газетах и милицейских сводках сообщения о СВОЕМ происшествии. Не получилось. Выяснилась подробность, которую при иных обстоятельствах можно было бы назвать забавной. На второй раз у меня появились смутные подозрения, а на третий они превратились в уверенность.

Я же помню свою прежнюю жизнь.

В начале — ничего необычного, все как у других. Языковая школа, неудачная попытка поступить в институт, два года службы на Алтае, потом худучилище, полуголодная богемная жизнь, скитания по друзьям и женщинам-однодневкам, наконец, первые заказы, мастерская... В столице прижилась мода на антикварную мебель, и мои акции поползли вверх. Да, забыл сказать: я — реставратор, столяр-краснодеревщик, в последние лет пять эта профессия опять стала денежной.

Так все и шло до марта две тысячи второго. Странный год, год-перевертыш. Сейчас я, конечно, могу сказать, что чувствовал нечто странное, приближение каких-то событий... но это будет ложь. Ничего я не чувствовал, жил, как жилось... Пока не умер в первый раз. На следующий день после женского дня, после трех огромных букетов, уютного застолья с французским белым «Шато д'Ор»...

Парадоксально, но когда я ожил — в памяти сохранилось все до последней секунды. Я помнил, как тот чернявый с быстрыми глазами вытащил из-за пояса серебряно-матовый пистолет. Со всех сторон набегали крепкие парни в камуфляже и штатском, чернявый затравленно озирался, ствол дергано перемещался вместе с его взглядом. Не помню, кто выстрелил первым, но неожиданно по ушам вдарило звонкими хлопками, в воздухе кисло потянуло порохом. Что-то горячее стукнуло меня в грудь, и сразу же навалилась боль и темнота.

Я все это помнил. И долго еще бегал потом, искал ТО место, даже приходил на Петровку, пытался там что-то доказывать. Боюсь, меня сочли не совсем нормальным. На второй раз я уже почти не удивлялся. Но, ожив, первым делом спустился в штукатуреную сырость подземного перехода (место было незнакомым, лишь потом на вывеске ближайшего дома я прочел: «Нахимовский проспект») и купил в киоске Роспечати газету. Число меня поразило: четырнадцатое мая две тысячи первого. Я долго пытался это осмыслить. Самое забавное, что все мои друзья, контакты, знакомые остались прежними, ну, разве что, чуть-чуть, самую малость непохожими. А может, мне так казалось... Лето, осень и даже зима позднее развивались уже по другому сценарию, но девятое марта я снова не пережил.

В третий раз я очнулся посреди бульвара на Чистых Прудах. На меня никто не обращал внимания, из чего я заключил, что не появился из воздуха, а все вре-

мя был здесь. Шел человек по каким-то своим делам, остановился на секунду: голова закружилась или вспомнил что-то. Мало ли. Было теплее, чем в прошлый раз. Солнце ощутимо пекло, легкий ветерок гнал по улицам пушистый тополиный пух. Продавец газет у метро обмахивался своим товаром, на его лбу выступили крупные капли пота.

— Сегодняшняя газета есть?

— Завтрашний «МК» есть! Десять рублей. Хотите?

Я хмыкнул про себя — тоже мне, продавец будущего. Порылся в карманах — деньги были.

«Комсомолец» оказался от седьмого июня. Наверное, я сильно переменился в лице, продавец спросил с тревогой:

— Что с вами? Печатный брак? Да нет проблем, не волнуйтесь — я заменю!

Я не отвечал, и он продолжил:

— А-а! Вы первую страницу смотрите! Хреново, что наши проиграли, да?

Продавца я больше не видел, к Чистым прудам с тех пор меня ни разу не заносило.

Постепенно я привык. Девятое марта — край, конец пути. И назад, в две тысячи первый, май или июнь... Самое раннее — второе мая, самое позднее — девятнадцатое июня, когда я очнулся на каком-то пустыре в Алтуфьево. Я верчусь в бесконечном странном круговороте. Хоть бы какой-нибудь знак, самый туманный, пусть просто намек, — я пойму. К сожалению, ничего...

Помню, фильм был похожий, с Биллом Мюреем — «День Сурка», там герой попадает в похожую историю, но он вращается вокруг одного дня, не то, что я.

Да, я привык. Поначалу было страшно жить целый год как все, ничем не выделяться, и каждую секунду, каждый ничтожный миг ЗНАТЬ, что очень скоро ты неизбежно умрешь, и все закрутится по новой. Я даже ходил в церковь исповедаться, хотя никогда не был верующим. Священник выслушал меня молча, ничего не сказал, лишь осенил крестным знамением. А когда я чуть ли не на весь храм завопил:

— Скажите, батюшка, что мне делать!

Он ответил тихо-тихо, словно самому себе:

— Ищи, сыне, и да обрящешь...

Автобус тормознул на перекрестке. Водитель, скорее всего от скуки, включил запись. Вкрадчивый голос сквозь шипение и треск принялся увещевать:

...не забывайте оплачивать свой проезд и сохраняйте билет до конца... считается пассажир, не оплативший проезд до следующей... Абонементные талоны имеются в продаже у водителя в любом...

Попутчики встретили маленькую речь взрывом смеха и едких замечаний. Автобус тронулся. Динамики еще немного похрипели и умолкли.

Я вспомнил, как проявился в последний раз. Тогда я очнулся в салоне троллейбуса, не успел толком прийти в себя, а над головой вот также неожиданно зашипело:

— Следующая остановка — метро Щелковская, автовокзал. Конечная.

Троллейбус был набит людьми, меня вынесло наружу монолитом разгоряченных тел. Без какого-либо интереса, скорее по традиции, я привычно купил газету. Двадцать третье мая.

Механический голос вывел меня из задумчивости. Автобус мне надоел. Хватит. Я поднялся, прошел через весь салон к задней двери. Молодые люди тем временем разобрались с мобильником, разбились на пары и самозабвенно целовались. Я перешагивал через вытянутые ноги, неуклюже хватаясь за ременные петли. Автобус дернулся, и я все-таки не удержался, споткнулся.

— Эй, куда прешь?! — голос был тот самый, что рассказывал анекдот.

Я оглянулся. Молодое, по-детски курносое, но жестковатое лицо, небритый по последней моде подбородок. В маловыразительных темных глазах — недовольство.

— Извини, друг...

Несколько секунд он еще бычился, но веселье все же пересилило, да и подружка шептала на ухо что-то успокаивающее.

— А-а-а, ладно. Х...ня. Все нормально, мужик, вот выпей, если хочешь, — он протянул мне початую бутылку «Ярпива».

— Спасибо...

Автобус остановился, двери с треском распахнулись.

— Спасибо, друг. Я бы с удовольствием. Но... пора.

Извинительный жест, прощальный кивок и, прогрохотав по ступеням толстенными подошвами своих «гриндеров», я спрыгнул на снег, чуть не столкнувшись в дверях с квадратным типом в кожаном прикиде. Оглянулся, помахал парочке рукой на прощание. Автобус, приветливо обдав меня сизым бензиновым перегаром, неуклюже покатился дальше. На остановке было пусто, только одинокая фигурка пряталась в самой глубине. Наверное, бомж — отсюда не разглядишь.

И все же что-то привлекло моё внимание. Наверное, скорчившееся человеческое существо на скамейке. Сделав вид, что меня заинтересовало объявление, неаккуратно прилепленное к фонарному столбу, я подобрался поближе.

Бог мой! Да это девушка! Голова опущена, длинные волосы закрывают лицо, не по сезону тоненькая дубленка... Она обхватила руками плечи, которые то и дело вздрагивали. Может, от холода. Только мне почему-то сразу показалось — от слез.

Так. Теперь я уже не мог уйти. И хотя у самого настроение было — в самый раз для петли (кстати, интересно будет как-нибудь попробовать), начиная разговор с девушкой, я постарался добавить в голос максимум оптимизма:

— Разве можно плакать в такой день? Это же твой праздник!

Девушка вздрогнула, подняла на меня глаза. Несмотря на скудное освещение, я заметил, насколько они необычные. Глубокие, темные, словно два — будь проклята моя тяга к затертым цитатам! — бездонных омута. Сейчас в уголках глаз притаились прозрачные слезинки.

Она что-то прошептала, я не расслышал. Что-то вроде: «Тебе бы так». Девочка! Знала бы ты...

Я присел перед ней на корточки:

— Эй... не бойся. Я не маньяк и не искатель острых ощущений. Увидел человека, которому плохо, и решил помочь. Если я не ко времени, и ты никого видеть не хочешь — скажи. Я исчезну. Но по-моему, тебе нужен собеседник. Разве нет?

Она так долго молчала, что мне показалось — это такой ответ: проваливай, мол, иди, куда шел. Но стоило мне пошевелиться, как тихий голос прошептал:

— Погоди...

И снова замолчала. Чтобы хоть чем-то заполнить паузу, я спросил:

— Тебя как зовут-то?

— Мария...

— Ну, — я лихорадочно подбирал комплимент, — красивое имя.

Блин, идиот! Еще бы сказал — редкое. Надо исправлять положение, жаль, что язык у меня подвешен не тем местом. Эх, где наша не пропадала!

— А сокращенно как? Мэри?

— Нет, — всхлипнула она, еще раз ошеломив меня взглядом, — ...Маша.

— А я — Джо.

Маша даже плакать перестала. Подняла на меня покрасневшие глаза, удивленно переспросила:

— Джо?

— Меня друзья так зовут. Я привык...

— А-а...

Не объяснять же ей, в самом деле, что мои предки нарекли меня Иосифом. В детстве еще ничего было — Иська и Иська, никаких ассоциаций не вызывает, а вот в школе, да и в учебке, кроме как Вождем и не звали. В крайнем случае — дядей Джо.

Боже, она улыбнулась! Несмело — уголками губ, сквозь слезы, но — улыбнулась. Никогда не думал, что одно только упоминание моего имени способно высушить слезы женщины.

Странно. Вот сейчас, когда она улыбнулась, мне показалось, что я уже где-то видел ее лицо. Нет, определенно!

Вдруг Маша прыснула. Смутилась. Я вопросительно поднял бровь.

— Не обращай внимания, Джо... у меня... истерика, наверное... то плачу, то смеюсь... Вот анекдот вспомнила... Смешно стало. Про неуловимого Джо.

Я улыбнулся. Ну, конечно: «Это кто был?» — «Неуловимый Джо» — «Что, его никто поймать не может?» — «Да нет, просто он на фиг никому не сдался!»

Стало легче. Мало-помалу мы разговорились. Точнее, говорила она, а я больше молчал, изредка кивая. В основном невпопад, потому что ее глаза прямо-таки гипнотизировали.

Маша была художницей, немного рисовала для себя, пару раз участвовала в выставках молодых талантов. Ее приметили, потихоньку пошли контракты на

промышленный дизайн, иногда какой-нибудь новорусский нувориш заказывал портретик любимой собачки. Жить было на что. Только не с кем. Родители умерли, когда она еще училась в Строгановке, старшая сестра выскочила замуж и теперь навещала младшенькую раз, хорошо два в месяц.

А вот спутник жизни на горизонте все никак не появлялся. Богемная тусовка обильна случайными связями, искать в ней что-то большее — бесполезно, по себе знаю. Маша не отчаивалась. Иногда ей казалось, что нашелся тот самый, настоящий, на кого можно положиться, но все шло прахом. Чаще всего по ее вине — по крайней мере, она сама так считала, — из-за устаревших взглядов и целого клубка неистребимых комплексов.

Ее последней попыткой оказался тот самый быкообразный тип, с которым мы столкнулись в дверях автобуса. Он покатал Машу на тачке, сводил раз-другой в дешевый полуподвальный ресторанчик, после чего решил, что может рассчитывать на пару раундов постельной борьбы. Провожая Машу домой (тачка осталась на стоянке — ухажер выпил для храбрости и решил не рисковать, гаишники сейчас лютуют), стал напрашиваться в гости с понятными целями. В общем, он их даже и не скрывал. Получив отказ — стандартную женскую отмазку из серии: «нет, нет, не сегодня, нам надо получше узнать друг друга», — бык вскипел и, обозвав несчастную Машу фригидной сукой, бросил одну на остановке.

Про себя я подумал, хорошо — вокруг народ был, а то неудавшийся партнер мог и к более кардинальным мерам перейти. Такого и газовый баллончик не остановит.

Мы проболтали часа два, наверное. Могли бы и больше, если бы мне не пришло в голову спросить:

— Ты не замерзла?

— Очень, — честно призналась она и удивленно добавила: — Но пока ты не спросил, я этого и не замечала.

Эх, Джо, когда ты научишься лучше соображать?

— Давай я тебя провожу.

— Да я недалеко живу...

— Не спорь. Дрожишь вон вся. Вот что, — я стянул куртку, накинул Маше на плечи, — пойдем.

Подъезд был на удивление чистым. Только на щите лифта кто-то старательно вывел черным маркером: «Emynem». Надпись была с ошибкой.

Маша протянула мне куртку, зябко поежилась:

— Спасибо, Джо.

— Да ладно, чего там.

Надо было, конечно, напроситься в гости на чашечку кофе, скрасить этот вечер ей, да, если быть честным, и себе тоже, но... Язык отказывался повиноваться. Я молчал.

— Ну... — похоже, она тоже не знала, что говорить. — Пока.

— Пока, — сказал я грустно.

Маша как-то неуверенно кивнула, повернулась, и каблуки изящных лакированных сапожек застучали по ступеням. Я засмотрелся на ее стройные ноги, машинально считая ступени: «раз... два... три...». Всего их было пятнадцать. Поднявшись на площадку, Маша зазвенела ключами — оказывается, она жила на первом этаже.

Что-то удерживало меня. Уходить не хотелось. Я стоял у дверей парадного и смотрел снизу вверх, просто смотрел на нее.

Какое-то мимолетное ощущение... Ну да! Я уже видел ее вот так... Видел. Когда, где — не помню, не могу заставить себя вспомнить, но видел точно. Ну же, Джо! Вспоминай!

Наверное, она почувствовала мой взгляд, ключ никак не попадал в скважину.

— Так и будешь стоять? Тогда уж поднимайся...

От такого приглашения не отказываются. Я забыл обо всем и взлетел вверх по ступеням. Маша все не могла открыть замок — теперь было хорошо заметно, что ее бьет дрожь. Как она продрогла! В подтверждение моих мыслей Маша оглушительно чихнула, запоздало прикрыв рот ладонью.

— Простудилась, — резюмировал я и протянул руку к ключам. — Дай, попробую.

Она кивнула, по-детски всхлипнула и снова чихнула.

— Будь здорова.

— Спа... ар-пчх-хии!

Совсем расклеилась. Ну, ничего — замок поддался моим усилиям, дверь распахнулась.

Квартира у Маши была небольшая, но уютная. Маленькая прихожая заставлена какими-то резными фигурками, этюдниками и большими потертыми тубусами. Фигурки располагаются на трех высоченных этажерках, тубусы и этюдники сложены горкой у антикварной деревянной вешалки, искусно сработанной под мореный дуб.

Маша то и дело шмыгала носом. Помогая снять дубленку, я случайно коснулся ее руки, — стало понятно: дело плохо. Рука горела.

— Маш, да у тебя температура!

Я потрогал ее лоб — печка! Холодная, с мороза, ладонь принесла Маше облегчение: она как-то инстинктивно прижалась к моей руке, закрыла глаза.

— Да-а-а, — протянул я, — задачка... Ну-ка, садись!

Маша покорно уселась на видавший виды колченогий табурет. Я опустился на колени, расстегнул липучки на ее сапогах. Она дернулась, попыталась было спрятать одну ногу за другую:

— Джо! Ну, что ты, в самом деле? Я и сама могу...

— Можешь... — сквозь зубы ворчал я, возясь с непослушными сапожками, которые не хотели сниматься, ...конечно, можешь. Вот выздоровеешь и сразу сможешь.

Маша больше не сопротивлялась. Я кинул куртку куда-то в угол, на этюдники и почти потащил девушку по коридору.

Комната в квартире девушки была одна. Но зато какая! Вау! Настоящая студия, таинственная богемная нора, заставленная мольбертами; она казалась втрое больше, чем была на самом деле. Два больших, под потолок, окна, завешены плотными, не пропускающими свет гардинами, — вот она, плата за первый этаж. Пол застелен пушистым ковром, похоже, хозяйка любит ходить дома босиком, Стены увешаны незаконченными, полузаконченными и едва начатыми эскизами, старыми фотографиями, в углу — карта области, испещренная странными пометками. Над ней скалится африканская маска.

Маша щелкнула выключателем — оказывается, в глухих стенных нишах прятались вычурные лампы. Мягкий свет рассеял полумрак, комната потеряла половину своей таинственности, стала уютной, словно давным-давно знакомой.

Маша снова чихнула. Уложить бы девочку... Но куда? В центре комнаты косолапо расставил подпорки гигантский мольберт, вокруг — ничего похожего на кровать.

— Где же ты спишь? — невольно вырвалось у меня. Не успев договорить, я заметил у дальней стены узкий диван, накрытый мохнатым пледом. — ...А-а, вижу...

Я закутал Машу в плед, подоткнув края, как мне делали в детстве. Маша следила за моими действиями из-за полуопущенных век. Встретившись со мной взглядом, она улыбнулась. И в который уже раз я поразился завораживающей глубине ее глаз. Я ободряюще кивнул:

— Ничего... Сейчас мы забьем всех микробов могучими лекарственными препаратами. Скажи только, где у вас тут аптека. Я в этом районе впервые.

Маша чихнула. Я улыбнулся.

— Вот-вот, я же говорю, забьем.

— Не надо в аптеку. На кухне — «Терра-Флю» есть... а-а-апч-хи-и...

— А платок у тебя есть?

Платок, следуя указаниям Маши, я выудил из верхнего ящика субтильного секретера. По краю платка змеилась толстая красная полоса, в центре аляповато торчали башни Кремля, увенчаные надписью «Москва — 850 лет».

— Спасибо...

— Не за что. Сейчас еще «Терра-Флю» заварим...

Маленькая кухонька походила на декорацию к спектаклю о декадансе семидесятых. Такой своего рода эпицентр интеллигентских посиделок. Раковина прижата к кухонному шкафу, плита — к холодильнику, тот, в свою очередь, — к миниатюрному столику. Над раковиной — сушилка, из глубин которой я извлек чашку с трогательным грустным медвежонком. На шее у межвежонка бантик, а в лапах — плакат: «I'm blue without you». Неискушенный в языке туманного Альбиона человек усмотрел бы в этой фразе игривость пополам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Ну, еще бы! Дословный перевод — «Я голубею без тебя». Самое время глумливо хихикнуть.

На деле ничего такого, то же самое по-русски: «Я без тебя скучаю».

— Где тут твоя панацея?! — крикнул я.

— В шкафу, справа на полке посмотри. Должна быть... большая упако... а-апчхи-ии....

А-а, вот она.

Я наполнил водой чайник, щелкнул тумблером. Чайник зажег красный глазок и угрожающе зашумел. Пока это чудовище закипало, я разорвал пакетик, высыпал в чашку порошок. Секунду подумал, потом высыпал и второй.

Когда я притащил в комнату исходящее паром варево, Маша лежала, закрыв глаза.

— Проснись! «Скорая помощь» прибыла.

Она приподнялась на локте, приняла из моих рук чашку. Чтобы не обжечь ладони, взяла «голубого» медвежонка краем пледа. Я смотрел, как Маша пьет маленькими глотками, дует на кипяток, вытянув губы трубочкой.

— По мне, так лучше чаю с малиной... Не верю я во все эти таблетки и быстрорастворимые аспирины. Одно лечишь — другое калечишь.

Не самая лучшая тема для того, чтобы развлечь больного человека, но ничего другого в голову не лезло. А молча смотреть на Машу становилось уже просто некультурно.

— Фу-у... горячо... ты говоришь, прямо как моя сестра, Лизка. У нее муж — священник... отец Захарий. Тоже всем этим средствам не доверяет... говорит — от лукавого, мол. Его послушать... так лучше чая с малиной, ведра с горчицей, да хорошей бани — ничего нет. И Елизавета вслед за ним...

Маша говорила, изредка прихлебывая из чашки, а я смотрел на нее и глупо улыбался.

— Джо, у меня к тебе еще одна просьба.

— Да хоть сто!

Маша смутилась, даже покраснела, хотя, скорее всего, это было следствием высокой температуры.

— Там в секретере, внизу, слева — маленький ящичек. В нем лекарства всякие, мелочевка. Поищи градусник.

— Нет проблем.

Температура и в самом деле оказалась нешуточной: 38,9. Я было раскудахтался: «в аптеку за аспирином, скорую, в министерство здравоохранения!», но Маша меня остановила.

— Сейчас лекарство подействует, жар спадет. А потом я немного посплю. И все пройдет.

— Ну да, — я хмыкнул, — как же. Сон — лучшее лекарство, знаем.

— Джо? — Маша, как кипятком, обдала меня своим неземным взглядом.

— Да...

— Побудешь со мной, ладно?

— Конечно, нет проблем.

— И — когда я засну — ты ведь не уйдешь?

Я поперхнулся. Ну и вопросики!

— Господи, Маша, конечно нет.

— Хорошо... — прошептала она и закрыла глаза.

А я сидел и думал, что завтра утром будет девятое. Снова — девятое. И мне ПРИДЕТСЯ уйти. В любом случае, как бы она ни просила меня побыть с ней. Только я не был уверен, что смогу оставить Машу одну.

— Знаешь, — сонно пробормотала Маша, — у меня такое чувство, будто я тебя знаю сто лет.

— Да спи ты! — шепотом приказал я, стараясь не выдать своего удивления.

Вот как! И у нее то же самое. Дежа вю прямо. Где я мог ее видеть? Точно, не на вечеринке — такие глаза вовек не забудешь. Даже, если увидел их после третьего абсента.

Двойная доза «Терра-Флю» подействовала. Маша забылась беспокойным сном: адский коктейль витаминов и антибиотиков гнал из нее жар, ей было не по себе, она ворочалась во сне, что-то шептала. Я сидел рядом и изредка промокал платком испарину на ее лбу.

О-ох! Все тело затекло! Что, и тебя сморило за компанию? Ну, Джо, ты даешь! Тоже мне — взялся сон охранять! Рыцарь!

Настроение было удивительно светлым. Наверное, из-за сна. Я отчетливо помнил, что сон был яркий и чистый, по-хорошему чудесный. Но в памяти не удержалось, о чем он был... О чем-то очень важном; во сне я точно знал, а теперь... Многим это ощущение знакомо. Помнишь: что-то хорошее снилось, а попросят рассказать, что, — затык. Да и слов не хватает. Это было такое... такое... светлое... ну, не знаю даже, как точнее объяснить... в общем, понятно, да?

За окном солнце искрилось и переливалось на ровной снежной крошке, припорошившей тротуары, — ночью снег выпал, лежит нетронутый, как льняная скатерть. Кое-где протянулись неровные цепочки следов. Красивое утро...

Вот черт, утро! Девятое!

Меня дернуло, будто током, хорошее настроение разом сошло на нет, предчувствие чудесного испарилось.

Девятое марта! Надо же было заснуть... Проклятье!

Я посмотрел на Машу. Свернувшись калачиком под пледом, она самозабвенно сопела. Я залюбовался ее безмятежным лицом. Но реальность грубо дернула меня за шкирку: очнись, парень! Поздно пялиться на красивых девчонок!

В любой момент, может быть, прямо здесь, в этой уютной квартирке неведомая сила, мое проклятие, нанесет удар... И простуженной Маше придётся хлопотать над бездыханным телом несчастного Джо. Еще не хватало! Давай-ка, парень, сваливать. Лучше уж меня, холодного и посиневшего, подберет в сугробе труповозка — спишут, как замерзшего бомжа. И ни у кого никаких проблем.

Надо только записку оставить, чтоб не беспокоилась. А то проснется, начнет искать, волноваться... Хорошо еще, что вчера не дал ей свой телефон, вот была

бы картина: «Здравствуйте, а можно услышать Джо?» — «Иосиф Давыдыча? А он умер». Моя квартирная хозяйка ни тактом, ни лаконичностью никогда не отличалась. Дальше пойдет еще веселее. «Да-да, вчера сообщили: в сугробе подобрали. Напился, наверное, и замерз. Насмерть. Все они такие, боге-ема». Бр-р-р. Что-то я увлекся. Во всех смыслах. Забыл, какое сегодня число.

Сейчас черкану что-нибудь такое злобно-циничное — Маша расстроится, конечно, но зато, приписав меня к семейству тупых самцов, быстро забудет.

Блин! Как назло не взял блокнот. Ручку взял, а блокнот — нет. Не на зеркале же губной помадой писать! Это уж совсем будет... Ага, вон на секретере что-то белеет.

Стараясь не шуметь, я на цыпочках прокрался через комнату. Бумажка оказалась телефонным счетом. Сойдет.

Что написать? Я задумался, машинально поднял глаза. Взгляд скользнул по старинному, пятидесятых годов, механическому календарю с массивным гербом СССР, подсвечнику в потеках воска, пожелтевшим фотографиям на стене...

Стоп! КАЛЕНДАРЬ!

Я застыл на месте, боясь пошевелиться. Какое на нем было число?!

Побуревшая от времени пластинка с надписью «март», над ней — окошко для числа.

Десятое. Десятое марта.

Я помотал головой, зажмурился, снова открыл глаза. Наваждение не исчезло. Гордая, как ракета Гагарина, единичка и пухленький нолик, словно издевались надо мной. Я судорожно закатал рукав свитера, зацепился за ремешок часов, рванул — ткань затрещала... Старые верные «Сейко» услужливо помигивали двумя точками, разделяя часы и минуты. Дрожащими пальцами — удалось не с первого раза — я нажал на правую верхнюю кнопку. «Сейко» моргнули, появилась дата: «03.10.2002. SUN»

«Воскресенье, — машинально отметил я. — Десятое марта».

Маша все так же спокойно спала под пледом. Я подошел, укрыл ее получше, легонько прикоснулся к тонкой, удивительно красивой руке. И стал ждать ее пробуждения...

Господи, Мария, кто же ты такая?!

Все это время... все эти бесконечные попытки, вечный, каруселью крутящийся год, — получается: я искал тебя.

Я нашел. Круг замкнулся, и я выглянул за его край. И что теперь?

Думай, Джо, думай! Для чего-то же ты нужен этой девочке...

ПЕТР ОРДЫНЕЦ

ЯВИСЬ ЖЕ В НАГОТЕ МОИМ ОЧАМ

Как-то раз лазурным утром
В океане, весь цветущий,
Как морское чудо, вырос
Небывалый новый мир...
И таинственно рокочут
Вкруг него морские волны,
Из которых вышла древле
Донна Венус Афродита.
Генрих Гейне
Бимини.

От переводчика

Full Nakedness. — N.Y.: Cockerel Books, 2005.

«Тягучее бормотание ледника; женское пение доносится от далеких берегов...»

Так — несколько нарочито, чтобы не сказать «вычурно» — начинается роман, изданный к пятисотлетию со дня смерти Колумба (совпадение или маркетинговый ход?). Еще одна «биография романсэ»[1], которых в последние десятилетия расплодилось не меньше, чем рецензий на несуществующие книги, — но читателю не стоит ожидать сколь-нибудь полного и тем более достоверного рассказа о событиях, предшествовавших открытию Америки: если автор и преследует какие-то цели, то, во всяком случае, не популяризаторские.

Заглавие, откровенно заимствованное из откровенной элегии Джона Донна, эпиграф из Гейне и гламурная обложка, на которой сквозь силуэты кораблей проступают, как на загадочной картинке, иные формы — обнаженные тела, — все это свидетельствует о том, что писатель ищет дешевой популярности, однако не прочь выдать себя за эстета. Впрочем, здесь он не оригинален: очевидно, что автор «Наготы» если и не вдохновлялся «Райскими псами» Абеля Поссе (эротическая фантасмагория о Колумбе), то, во всяком случае, с этим текстом знаком.

Первой добродетелью писателя — умением строить сюжет — автор не обладает совершенно и пытается замаскировать этот провал разного рода (пост)модернистскими приемами, прежде всего — потоком сознания главного героя и постоянными скачками во времени. Читатель вынужден, подчиняясь неясным ассоциациям, переноситься из Скандинавии в Америку, оттуда — в Испанию и обратно.

Фрагментарная композиция книги делает ее как нельзя более пригодной для краткого пересказа и сокращений. Далее мы предлагаем вниманию читателей избранные фрагменты «Наготы», которые в совокупности, как нам представляется, дают достаточное представление о целом, однако не столь утомительны.

[1] Романизированная биография (фр.). — *Прим. ред.*

1

Тягучее бормотание ледника; женское пение доносится от далеких берегов: не жены радуют вас, а вдовы, покинуть вы дом и очаг готовы, уйти к разлучнице в край ледовый; стон датских арф переходит в гул, а тот проясняется в сухой звон колокола: Дальняя Фула, полдень. Он прибыл.

Если не принимать в расчет одного двусмысленного и ненадежного свидетельства, у нас нет ни малейших доказательств того, что в 1477 году Христофор Колумб, собирая свидетельства о землях заокраинного запада, побывал в Исландии, Дальней Фуле; однако же, как справедливо заметил один из наших предшественников, и противники этой теории ничем не могут подтвердить свое убеждение. И точно: даже самые тщательные поиски в исландских архивах не докажут, что Кристобаль Колон никогда не посещал эту страну, если он и вправду ни разу там не был.

Историки не могут ничего точно сказать об этом северном путешествии — мудрено ли, что и в памяти Колумба от него остались одни обрывки: чувства, запахи, свет.

Цвет: белый. Ледник, нависший над Заливом дымов; море, будто топленое молоко; холод, пронзительный, как зубная боль. Белые крики чаек.

Запах: старых пергаментов. Десятки листов со странными именами, непонятными указаниями на полях и, редко-редко, искорками нужного смысла. Воздух: просоленный и просмоленный. И принесенный ветром тонкий, неощутимый запах *иного*.

Ветер: ветер, пришедший из-за края земли, потому что этот берег — последний предел. Обжигающий, воющий, затыкающий рот, но сквозь этот запредельный крик, сквозь молчание льда, сквозь уклончивые ответы беспамятных рыбаков — древнее слово: Винланд; древние имена: Бьярни Херьюльфссон, Лейф Эрикссон; вечное движение: на Запад.

Он ошибался тогда; и, создавая в мечтаниях — неотвязно, неотступно, неотрывно — свидание с Новой Землей, не мог даже вообразить, каким оно будет в подлинной яви.

2

12 октября 1492 года, утро.

Толчок он ощутил на миг раньше, чем вахтенный закричал «земля», и, хотя десять тысяч мараведи годовой ренты[2] были обещаны тому, кто первым заметит новые берега, награда так и не досталась Родриго де Триане: Адмирал знал, что заслуга принадлежала ему и только ему, не считая единственной женщины, и не было здесь места третьему.

Толчок и крик — это он запомнил навсегда.

Земля была не на горизонте — здесь, совсем рядом, руку протяни, — тугая плоть нового света. Обнаженная, бесстыдная, жаркая земля поднималась из моря, птицы породы *рабо де хунко* метались меж парусов, волны чуть не проламывали борта, и потоки соленой воды, блистая на солнце, стекали с пальмовых листьев, и недоумен-

[2] Мараведи — мелкая монета. Опытный матрос получал две тысячи мараведи за месяц плавания. — *Здесь и далее — прим. авт.*

ные рыбы бились на белом песке. Выше, и выше, как после Ноева потопа, поперек неба подтверждением завета вставала радуга.

3

Нет моряка, который не смог бы рассказать подходящую к случаю байку, хотя бы ему пришлось выдумать ее, не сходя с места. И нет на свете купца, который, выслушав кабацкие россказни, не смог бы сказать, какую долю правды, с точностью до унции, они содержат. Достигается это умение регулярным упражнением: если приглядеться (хотя никто не приглядывается), нетрудно заметить, что по всем питейным заведениям приморских городов торговцы ходят или слаженными компаниями (заодно и надзор за каждым), или по двое — опытный вожатый и ученик-подручный. Эти двое пьют мало, слушают много, но неприметно, так что за доносчиков их принимают редко. И уж совсем мало кто прислушивается к их негромким разговорам, а зря: младший пересказывает все, что за вечер выболтали завсегдатаи, да еще и угадывает, чему стоит верить, а чему нет.

Потом он так и не мог припомнить, когда же впервые услышал о западных землях; и что услышал?.. О капитане, который за четыре с половиной сотни лиг от берега выловил деревяшку, искусно обработанную, но не железом? Нет, это было уже на Сан-Винсенти. О миражах, стойких, но недостижимых?..

С чего же все началось? Не вспомнить. Но он увлекся досужими расспросами, и ответы посыпались, как моль из мешка.

Западный прибой доносил до европейских берегов не только привычные породы дерева, хотя бы и со следами каменных орудий. Недалеко от Азорских островов о борта кораблей бились пустые лодки с шалашами — лодки невозможной, неправильной постройки, однако никакая волна их не опрокинет.

Тогда ему казалось, что неведомая земля тяжело дышит за горизонтом: шагни и натк̀нешься. Но голоса искажаются в тумане, а когда развиднеется, ближний холм окажется дальней скалою.

Стань в ясный день на берегу острова Гомера, направь доброе стекло на запад — и явственно протянется двугорбая земля, сплошь укрытая лесом. Сам он не видел ее ни разу, как ни высматривал, но читал описания, сделанные людьми надежнейшими; те же, кто менее заслуживает доверия, говорили, что это остров святого Брендана поднимается из моря, а потом опускается вновь, и нет ему ни закона, ни расписания.

Стоило упомянуть ирландского подвижника, и явились древнейшие предания — но «древнейшие» не значит «лживые». Ибо Супротивный Остров Антилия и Земля Семи Городов, что имеет ромбовидную фо́рму, несомненно существуют. В северных странах первый встречный поведает вам об Авалоне и островах сидов; об острове духов и земле женщин. Брендан перед смертью твердил об Облаке, Древе и Звезде, а спутники его, запинаясь, говорили об острове гигантских овец — впрочем, мирного нрава, — и земле говорящих птиц, каковы суть падшие ангелы (мириады разноцветных перьев кружат и не падают...), и огненной горе, которая хочет — выдыхает пламя, а хочет — вдыхает, потому как в жерле ее сидит Лефиафан; о рыбе-кракене, хранящей неподвижность на время литургии, и о неподвижно-прозрачном море, из ко-

торого в иссиня-черное небо поднимается хрустальный столп, укрытый сетью столь огромной, что корабль проплыл сквозь ячею, не задев ее даже грот-мачтой...

Он слушал и верил: с такими глазами не лгут. А глаза — пустые, а в речах — подлинный ужас, наследуемый через века, от пращура к правнуку, — ужас от истинно увиденного, запредельного, невыносимого... от чего можно избавиться, только рассказав чужаку.

«И прямо под Облаком встала гора...»

Какой же силой обладало видение, если и девять веков спустя рассказчик отгораживается от него, и хочет забыть, и не может остановиться...

Это правда; должно быть правдой. Но он не мог понять...

4

«Не понимаю, — пробормотал он. — Не сходится».

Она рассеянно провела тонким пальцем по его груди, ткнулась в плечо подбородком. «О чем ты?»

«А? Так, о своем».

Это был ритуал: каждый раз после любви она расспрашивала его о последнем плавании, он отнекивался, пытался ее поцеловать, она уворачивалась, не переставая сыпать вопросами, — он сам не замечал, как рассказывал все. Кажется, она и не слушала — просто не могла стерпеть малейшей утайки. Наконец унималась и быстро, птичьим движением (у нее и глаза сейчас были птичьи — черные, чуть навыкат), целовала его в губы. Потом они лежали рядом и соединялись вновь.

Лоснятся смуглые плечи, волосы расплескались по простыне.

«Не щекочи... бесстыдная».

«Что не сходится?»

Он снова и снова вспоминал этот разговор — до тех пор, пока тот не затерся до прозрачности, пока от слов не остались тени, — какой миг он пропустил? когда ее легкий голос чуть изменился?

«Не сходится, — неохотно повторил он. Неохотно? Да. Голос его стал неприятно-тягучим; точно так же он отвечал на ее расспросы о жене и сыне («Спасибо, неплохо»). Нет никаких скрытых намеков ни в вопросе, ни в ответе — отчего же так непокойно?..

«Западные земли, — сказал он. — Там, за Морем мрака. Не Катай и не Чипангу, это понятно. Там... новая земля, совсем новая, бескрайняя. Но даже если размером с Европу, — да хотя бы и с Азию, — откуда такой разнобой? Плавали-то все в одном направлении... Брендан видит падших ангелов, драконов каких-то несообразных, на Лейфа нападают скрелинги... так я и не понял, кто они такие... а иногда и вовсе — тринадцатое колено Израилево — да, можешь себе представить, — встречает колокольным звоном. Это архипелаг, это один остров, это стеклянный столп, это земля красного дерева, это страна пустынь. Там чистилище и преисподняя».

[3] Китай и Япония.

«И ты хочешь проверить это сам?», — спросила она тихо.

Он не заметил перемены в голосе — да и была ли? Он видел иное.

...Высадившись на землю, они замечают зеленые деревья, и много воды, и различные плоды. Адмирал призывает капитанов и всех прочих, кто сошел на землю, и говорит им, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он первым вступает во владение этим островом, свершая при этом все формальности, какие требуются...

«Хочу», — сказал он. Зря. Зря он открылся ей, и зря она выпытала признание. Он знал, что с первого дня прозрачен и понятен для нее во всем, кроме одного: кроме этого. Последний рубеж его «я», закрытый для всех, — да и себя самого он редко впускал туда. Теперь она знала все. Заполонила. Захватчица. Но была ли в ее темной, безвидной душе малейшая доля, которой владел он сам? Нить, за которую он мог бы подергать? Что он знал о ней? Ничего.

Ничего.

«Ничего так не хочу. Только этого».

Сердце вздрогнуло и упало в пустоту.

5

60 день плавания.

25 лиг. Великий ливень. Пустота.

61 день плавания.

39 лиг. Море спокойное и доброе. Пустота.

62 день плавания.

47 лиг. Пустота.

Он сам не знал, сколько лиг отделяет его от Европы — знал только дни. Матросам он лгал, занижая числа чуть не вдвое, — команда и так роптала, опасаясь, что на обратный путь не хватит ни провизии, ни сил: ветры в этих широтах дули только восточные, и обратный путь сулил курс бейдевинд. Но и в своем журнале Адмирал не указывал верное расстояние, безбожно преувеличивая пройденный путь. Уже давно он плыл не *куда*, а *откуда*. Из ветра и океанской пустоты он выстраивал стену между собой и городом, что носил имя Парадиз.

6

У каждого города есть душа.

С ней можно встретиться в толпе: есть лица, которые притягивают к себе тех, кто умеет смотреть. Скользнул глазами, вернулся, так и не посмел заговорить. Потому что не ты выбираешь город, но он тебя.

Городок был старый, глинобитный. И остров был старый — комок земли в виду испанского берега, скала, щербатая от вечного ветра и моря. Кому пришло в голову

назвать это поселение рыбаков и перекупщиков Парадизом, никто не знал, да и не интересовался никто.

Колумб возвращался из первого своего самостоятельного плавания — без семейного надзора, без пригляда первого помощника. Он сам себе был хозяин — на те месяцы, по крайней мере, что шнырял по гаваням Средиземноморья, жонглируя шерстью и шелком, хлебом и перцем. Корабль принадлежал ему и море тоже. Никогда прежде и никогда позже не испытывал он столь головокружительного, до легкой тошноты, чувства свободы и власти.

В Парадизе оно оборвалось навсегда.

Душа города сама выбирает тебя, сама направляет и поглощает; порой, однако, делает вид, что выбор сделал ты и своею волей сделал шаг навстречу.

Истомленный долгим воздержанием, он сперва принял ее за продажную девку — в некотором смысле она ею и была: за долгие, тягучие, беспокойные века она отдавалась Венеции, Флоренции, Генуе, викингам, маврам, испанцам; у нее останавливались евреи, она привечала французов, и с каждым, верно, была хороша; но теперь она выбрала его.

Матросы сбегали по сходням и проходили мимо, не замечая ее, а она стояла, чуть откинувшись на выбеленную стену — бедра подались вперед — и смотрела на него: оценивающе.

Темная — то ли от загара, то ли от мавританской примеси в старых кварталах. Большие руки — тут не выживешь, если не будешь выбивать все возможное из своего участка красной земли. Платье, линялое, как небо. Глаза светло-серые, в тон утреннему туману (а могут быть и черными, грозовыми). И волосы, нескончаемый черный дождь, упавший на него, затопивший, вдавивший в кровать, — не подняться, да и не хочется, да она и не позволила бы.

«Как тебя звать?» — спросил он шепотом. Полная луна стояла в окне, но ее лицо наплыло, и не было больше луны, только полуоткрытые губы, и тело, соленое, как прибой, и пропасть, в которой он сгинет.

«Диза», — ответила она.

Диза, прошипела волна, затопившая мир. Ковчега не было; спасения не было. Только море и она — его Парадиз.

Он уплыл на другой день и вспоминал о ней не больше, чем о прочих портовых шлюхах. Но в следующем рейсе сделал крюк, чтобы набрать на острове воды. И в другой раз — для починки истрепанных парусов. И после свадьбы — чтобы проститься навсегда. И снова.

Конечно, у него были и другие женщины, более того: был свой дом (он и женился-то для того, чтобы обзавестись настоящим домом). И она никогда не скрывала, что принимает других мужчин, но это ничего не значило. («Часто мне изменяла?» — спрашивал он всякий раз, и она прижималась к нему после немыслимо долгой разлуки. «Еще как!» — радостно говорила она и принималась перечислять: «Один капитан — ты его не знаешь, один ростовщик — наезжает такой, левантиец, и один, ну совсем

мальчик, совсем ничего не умеет, но та-кой сладенький!» — Каждую паузу она заполняла поцелуем. — «Но ведь это ровно ничего не значит. Я же с тобой». Это и вправду ничего не значило. Но только это. О другом — о другом он узнал гораздо позже.)

Любовь? Нет, слово слишком смутное и полое, подставляй какой угодно смысл. Скорее, привычка, еще точнее — привыкание. Так убийцы-гашишины (Колумб водил знакомство с одним из этого братства), лишенные наркотического Эдема, годами не вспоминают о нем, но стоит раз ощутить в воздухе знакомый тяжелый запах, и все прочее теряет цену.

Наконец он вошел в тот возраст, когда плотская любовь сама по себе не так уж значима — лишь как подтверждение связей иного порядка. Связь: слово найдено. Короткий поводок, который не душит, лишь когда ты не отбегаешь слишком далеко. Чем чаще он приплывал в Парадиз, тем сильнее задыхался вовне; врачи списывали на грудную жабу. Чья в том вина? Да ничья, наверное; но увидев Дизу — всегда на причале, всегда в одной и той же зазывающей позе (еще один их ритуал) — он вдыхал глубоко и на выдохе забывал обо всем, что не было ею. И новый смысл обретала нагота — единственная, истинная одежда, которая не давит и не душит. Сказано: *двое — одна плоть*; не грехопадение, но исполнение заповеди. С другими женщинами он укрывался в двустворчатую раковину — закрытость от мира, который не терпит людского уединения и продолжает настойчиво стучаться. С нею же он был распахнут настежь и, отказавшись, как сказано, от всего, что не она, обретал все. На миг — на выдохе, на крике — корни его уходили в море, а ее глаза были звездами. Не было нужды ни в ком ином; потому что она была всем.

У каждого города есть душа.

И не дай вам Бог повстречать ее.

7

«Только этого», — повторил он.

«Ты уйдешь», — сказала она тихо — так тихо, что он не понял, каким тоном это было сказано.

«Уйду, — легко согласился он. — Я всегда ухожу и всегда...» — Он потянулся к ней губами: «...всегда возвращаюсь».

Она отодвинулась на край постели. Не отстранила его, а выскользнула. Встала, одним движением, таким знакомым, надела через голову платье, подошла к двери. Не оборачиваясь, сказала: «На этот раз — навсегда».

8

Душу города Кордова звали Изабеллой.

Кордова мало чем схожа с Парадизом, и душа ее иная. Два с половиной века назад был завоеван этот город, и два с половиной века он боролся с разрушением. Время было неверное, переходное, перестроечное. Слеподырые мавританские дома пялились на редких прохожих, но посреди неприметных двориков, у пустых фонтанов, посланцы итальянс-

ких Семей заключали смутные сделки, ветер трепал развешенное на просушку белье, а по весне все заполонял безумный яблоневый цвет. Продержимся, чего там. Не впервой.

Изабелла была плотью от плоти своего города, стальным сердечником упрямой его души. Посреди зала по крупинкам осыпается огромный каменный трон со сбитой языческой резьбой, и королева, утонувшая меж двух львиных лап — двух подлокотников, кажется фарфоровой куклой: тронь — затанцует, урони — разобьется. Но чем ближе подходишь (как подходил Кристобаль Колон тем апрельским днем), тем яснее видишь: трон только тем и держится, что эта куколка вцепилась в каменные складки, уперлась ногами в исшарканные ступени. Исчезни она — от трона, от города, от страны останется одно крошево. Сила: сдержанная, упорная, не всегда заметная; не самоуверенная, но уверенная в себе. Госпожа, столь всевластная, что приняла титулование «ее высочества» — для того лишь, чтобы чужеземцы спрашивали: а почему не «величество»?

Волосы — каштановые с рыжинкой, глаза — нежно-голубые, кожа — белая, как мрамор захваченных у врага дворцов. Земля, небо, искусство: всем этим была Изабелла, и всем этим распоряжалась, как собственной вотчиной, потому что иного и в мыслях у нее не было. На одних портретах лицо ее кажется неприятно-одутловатым, на других она обращена к зрителю безукоризненным профилем египетской царицы: изменчивая, как город, народ, страна, — по желанию, под настроение.

Сегодня она решила быть милостивой, тем более, что доклады придворных ученых были благоприятными для нищего генуэзца. А еще — он удивил ее первыми же словами; это случалось не часто.

«Простите меня, ваше высочество, — я обманул вас».

Он заранее придумал, с чего начнет свою речь, и шагнул в зал аудиенций без страха. Бояться ему было уже нечего.

Соболья бровь приподнялась — земля вздрогнула, чуть слышно загудела, и слетели с покачнувшихся шпилей вороны. Фердинанд, ее муж, не стал бы терять время: он любезно улыбнулся бы ходатаю, попросил его немножко подождать, звякнул колокольчиком и позвал палача. Изабелла была не из таких: она знала, конечно, что висящий на дыбе человек рассказывает многое, но простая беседа с глазу на глаз дает, как правило, лучшие результаты.

Впрочем, королева кастильская, при всех своих достоинствах, не была идеальным правителем, и ее правая рука чуть дернулась — колокольчик стоял на выросте каменного дерева, — но тут же вернулась к прежней неподвижности.

Изабелла была невероятно красива сейчас — такой красотою, от которой лучше держаться подальше. Не в первый раз Колон подумал: и как Фердинанд осмеливается делить с ней супружескую постель? Не фарфор и не плоть — камень и железное дерево.

Королева улыбнулась, и Колон продолжил:

«Западный путь не приведет в Азию».

Улыбка осталась неподвижной, но теперь она означала: еще одно слово... еще одно только слово...

«Он даст куда больше, чем все сокровища Катая».

Колон добился своего: Изабелла сжала губы, и в глазах ее не было ни улыбки, ни угрозы: холодный интерес наследственной лавочницы — вот только торговал ее род людьми, землями и будущим.

Мир наш огромен, говорил Кристобаль Колон. По самым скромным прикидкам расстояние от Канарских островов до Чипангу раза в четыре превышает возможности наших кораблей. Двести градусов земной дуги, почти тринадцать тысяч итальянских миль. Невообразимо. Невозможно.

И все же — свидетельства о том, что на Западе в пределах досягаемости лежит какая-то земля, — свидетельства эти неоспоримы. И землю эту можно увидеть с западных мысов наших морских владений.

И все же — никому из ныне живущих моряков не удалось даже близко подойти к ней.

«Мираж?»

Отнюдь не мираж, ваше высочество: вещественные трофеи столь же достоверны, как и показания очевидцев.

Изабелла откинулась на спинку трона. Жест, точно рассчитанный, как и все прочие: Испания слушает тебя, Кристобаль Колон.

«Новый Свет, — проговорила она, перекатывая слова на языке. Ах, какое лакомство. Новый Свет. — В это трудно поверить».

Потому я и не сказал об этом Математической Хунте. В Индию они еще могут поверить, в сказочные острова — никогда.

«Это было... разумно, — тон холодный, но в словах — отпущение грехов. — И чем могут быть полезны эти новые острова нашей короне? Чем они превосходят Катай?»

Тем, что это вообще не острова. И не материк, ваше высочество. Это — возможность.

Изабеллу милостивую он уже видел, Изабеллу гневную, Изабеллу деловую, — но вздрогнул впервые: перед ним была Изабелла испуганная. Рот ее чуть приоткрылся, пальцы заскользили по камню — еле заметно, но этого довольно для внимательного взгляда. Ее лицо на миг обвисло, и он увидел Изабеллу, какой она будет лет через пятьдесят, — Испанию, какой она станет лет через триста.

(Он никому не расскажет об этом, но иногда, в одиночестве, будет с наслаждением вспоминать о миге своей власти над нею... Он так ничего и не понял: Изабелла никогда не ошибалась в людях, она почти поверила этому нагло-откровенному итальянцу, но вдруг из него выплеснулось незамеченное ею безумие. Она стареет. Кордова стареет.)

Она молчала. Он говорил.

Почему каждый, кто плавает на Запад — или хотя бы смотрит на Запад, — каждый видит свое?

Потому что каждому дается по вере его. Ирландскому монаху нужны были чудеса, диким северянам — еще более дикие враги, морякам — клочок земли, на котором можно набрать воды, а пуще того — недостижимая цель. Мечта.

Он говорил еще, не переставая, жонглировал примерами, по памяти цитировал незнакомых королеве авторитетов, — говорил, не отрывая взгляда от ее лица. Лицо

было спокойным, не то безмятежным, не то мертвым. Он знал, что это означает: Изабелла уже приняла решение, включила Кристобаля Колона в планы, которых он не понял бы, даже услышав о них.

И тот, в ком достаточно веры, а главное, понимания того, куда он плывет, сумеет, оказавшись в море возможного, выбрать то, чего желает его душа — или душа земного властителя, направившего корабль на Запад, — выбрать и закрепить навсегда. И тогда мечта станет явью, вымысел — твердой почвой, и будут на ней все богатства Трех Индий; и более того.

Он замолчал. За окнами граяло воронье: Кордова высматривала добычу.

«Я читала ваш доклад, Кристобаль Колон. — В голосе — снова усмешка. — Сто семьдесят лет назад Джон Мандевиль вернулся из Катая в Европу через океан, плывя на восток. Как же он не наткнулся на ваше море желаний?»

Возможны два объяснения, ваше величество. (Это уже не допрос, — напомнил он себе. — Это игра: решение принято, а что достанется воронам — скоро узнаем.) Два объяснения. Первое и, признаться, самое вероятное: Джон Мандевиль никогда не бывал на Востоке. В его книге я не нашел ничего, о чем не писали бы раньше. А если и вправду был, и вправду плавал... У него было одно желание — поскорее добраться до Европы. Море исполнило его волю. С чего бы он думал о западных островах, если он уже побывал там?

Пауза.

«Приемлемо».

Благодарю, ваше высочество.

«Вы меня утомили, Колон. Да и я вас, наверное, тоже. Последний вопрос. Почему никто из богословов и географов ни словом не обмолвился об этом море?»

Настала его очередь улыбаться.

О нем говорят уже семь тысяч лет. Ибо это Эдем, ваше высочество, Эдем, где власть Адама над миром была ограничена лишь попущением Божьим. Где все преображалось от одного только человеческого взгляда. Откуда мы были изгнаны. И куда можем вернуться теперь. Теперь, зная добро и зло, памятуя о горечи изгнания и сладости причастия, мы никогда не будем столь же вольны, как Первочеловек. Но один раз мы сможем изменить мир, сможем поднять землю из вод.

«И земля эта станет...»

Всем, что угодно вашему высочеству. И если будет на то милость Господня, себе я добуду титул, а вам, моя госпожа...

«Рай, — сказала Изабелла. — Привези мне Рай».

Составлены главы договора, с ответами ваших высочеств в конце каждого раздела, 17-го апреля, в лето от рождения нашего Спасителя Иисуса Христа тысяча четыреста девяносто второе.

Подписи:

Я — король.

Я — королева.

9

Земля недвижна. Неба своды, кружась, наблюдают за тем, как западное полушарие, градус за градусом, освещается солнцем. Отсюда, сверху, явственно видно, что истинная форма Земли — не шар, а геоид (хоть это и тавтология). Геоид: нечто вроде приплюснутой груши, или же — воспользуемся образом из письма Колумба — подобие мяча, к которому прикреплена женская грудь (положительно, этот человек был одержимым!).

Вытянутая часть груши (женская грудь), которая мерцает в рассветном тумане, до конца не воплощенная, явленная во сне, — это и есть пресловутый западный континент, а черенок (сосок груди) — великая гора Чистилища, которую столь явственно увидел перед смертью Улисс.

Линия терминатора сдвигается к азиатскому берегу, и Земля вновь становится шаром: никакого континента между Европой и Чипангу нет — до следующего сна Колумба.

Детский голос издалека: юнга опевает восьмую склянку.

Лишь кончится в часах песок
И время вахты минет, –
Мы доплывем, хоть путь далек,
Господь нас не покинет.

На что еще надеяться?

Господь нас не покинет.

Господь нас не покинет.

Он никогда всуе не поминал имя Божье. В гневе — клялся святым Фердинандом, и лишь когда мутная ярость становилась нестерпимой, выплевывал страшное, постыдное: «Иди ты к Богу!». А сейчас — ревностнее последнего матроса просит он о невозможном и чаще, чем в лоции, — чаще, чем в молитвенник, — заглядывает в беспорядочные выписки, сделанные за последнее десятилетие.

Промчатся года, и чрез много веков Океан разрешит оковы вещей, и огромная явится взорам земля...

Увидели острова и ужаснулись, концы земли затрепетали.

Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас.

Знаешь ли ты, неосновательный человек, что дела без веры мертвы? а веры в тебе нет. То, что держало тебя эти годы, исчезло: быть может, в тот самый миг, когда, выйдя из залы аудиенций, ты сказал своим покровителям: «Да»; ни на что большее сил не осталось. Изабелла позволила себе увлечься твоим безумием, а теперь оно ушло — в соленую воду, белое небо, птичий ор. Безумие, вера — одно и то же; а значит, обновления не будет.

Если и проявится на миг чаемая земля, сразу обернется неверным облаком, привычным миражем. Сколько раз уже так было за эти дни: он стоял на палубе с секстантом в руках, думая о пустяках, работу выполнял механически, но вдруг мгновен-

но и страшно кололо сердце, каравелла скребла килем по песку, нетерпеливый матрос кричал «Земля!» и рассеивал наваждение: берег распадался, кораблю снова был дан ровный ход в никуда, а ее лицо он так и не мог вспомнить. Так и не мог.

Не тебе разрывать океанские оковы, не тебе воссоздать рай, ибо сказано: *Ты находился в Едеме, в саду Божием, и Господь поставил тебя на то; но возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою, и Господь Бог твой извлечет из среды тебя огонь, который и пожрет тебя: и превратит тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя; ты сделаешься ужасом, и не будет тебя во веки.*

Не будет во веки: завидная судьба, если вдуматься.

Христофор, Христофор, какая тяжесть на плечах.

10

«На этот раз ты уйдешь навсегда», — сказала она.

Навсегда; прощание навсегда. Не разрыв, а форма небытия: пустота — комком в горле.

«Почему, — спросил он и услышал себя будто со стороны: — Почему». Он знал, что она не уйдет, пока слышит его голос. Сел на кровати, потер лоб. Смотреть на нее. Смотреть, не отрывая глаз. Не моргая. Тогда не уйдет. Спиной почувствует. Не перешагнет. Не посмеет.

Она обернулась. Лица не разглядеть. Он вдруг понял, что уже не помнит ее лица, как будто она всегда была только силуэтом на пороге.

«Ты ищешь ее, — сказала она ровно. — Тебе нужна она. А не я».

«Подожди. Подожди. Не... Это всего лишь плавание. Еще одно плавание. Новый остров. Всего лишь. Еще один. Только. Не более. Мало ли их было, ты же все понимала, подожди».

«А я не прощаю».

«Чего?!», — закричал он. Не закричал, замолчал.

Тогда он не понимал.

11

Он был изгнан из Португалии за то, что требовал слишком многого. Оказавшись в Испании, он повторил свои условия — и мытарился по канцеляриям почти семь лет.

Титул Адмирала Моря-Окияна; дворянское звание; пост вице-короля; десятая часть доходов и осьмая часть торгового оборота, буде он вложит в торговлю означенную осьмую часть.

Не больше; не меньше.

Он хотел быть Адмиралом, Хозяином, потому что моря суть женщины, а Окиян есть море морей. Он не мог поступиться малейшим — крупицей власти. Океан и Земля должны были принадлежать ему и только ему. Безраздельно. Навсегда. Безусловно. Головокружительно.

Колон вчуже понимал теперь Изабеллу, которая испытывала это чувство от рождения — не представляла власть, но была властью. Он хотел того же. Алкал того, чем никогда не обладал. Не костюм с чужого плеча, но смена кожи.

В Парадизе это было невозможно.

Она никогда не принадлежала ему, и не в изменах тут дело. Измены его не касались, потому что когда он был с ней — она была с ним.

Не в первый свой визит и не в третий — он узнал, что у нее есть Хозяин. Можно было догадаться и раньше — ведь каждым городом кто-то управляет. Не догадался. Значит, не хотел.

Любая провинция тянется за великим городом — как мальчишка с ломким голосом пытается подпевать первому тенору. Парадиз слишком долго был под протекторатом Венеции, чтобы не перенять самые древние и самые бессмысленные ее обряды. Дож обручается с морем — городской голова Парадиза, вступая в должность, обретал полную власть над всем островом, власть символическую (пляски вокруг костров, кольцо падает в колодец на главной площади), но вполне реальную.

Когда за ней прислали, он ничего не понял. Стук в дверь — наверное, условный, потому что она мигом оборвала шутливое препирательство (через день он уплывет или задержится еще на неделю) и, будто ждала этого стука (ждала; конечно, ждала), метнулась к двери, как была, неодетая. Короткое бормотание; человек по ту сторону двери был вовсе не удивлен, застав Дизу в таком виде, и уж тем более не смущен. Из рук в руки переходит что-то мелкое, блеснувшее — кольцо.

Она возвращается к постели, но не прыгает в нее, как бывало обычно. Стоит, облитая лунным светом, и светится изнутри. Никогда прежде не было у нее такого лица. Страх предвкушения.

«Мне нужно уйти».

«Надолго?»

Он хотел спросить: «К кому?». Она поняла.

«К Хозяину». Молчание. «У меня есть Господин». Молчание. «Но это...» — любимые ее слова: *Но это ничего не значит.* Не договорила: не может так сказать. «Я вернусь. К утру. Дождись меня». Не просьба, приказ.

Он дождался. Лежал с закрытыми глазами. Слышал ее дыхание в шуме прибоя, неровное и прерывистое. Слышал ее крики в чаячьем визге.

Она пришла с рассветом, на ходу сбросила изорванное платье и упала на кровать — ноги не держали.

«Обними меня». Не приказ, просьба. «Крепче». Мольба.

Он обнял, прижал ее — уже не его, еще не его, чужую, — обхватил руками и ногами. И ощутил — на спине, на ягодицах, на бедрах — рубцы. Сжал ее — она вскрикнула. До сих пор больно. Сжал сильнее.

«Я его убью».

«Не смей».

«Он бьет тебя».

«Ты не понимаешь».

«Как ты позволяешь ему?»

«Мне это нужно».

Он не мог понять. Она попыталась объяснить — невероятное чувство, когда от тебя не зависит ничего, когда любящая власть («да, любящая!» — с вызовом), любящая власть наказанием уничтожает вину, подлинную или мнимую, придуманную к случаю. Когда боль нарастает до невозможного предела и тогда — претворяется во взрыв, во вспышку, за которой нет ничего.

Ей, кажется, это нравилось. Он не понимал, отказывался понимать, а она не объясняла. Она вообще ничего не объясняла, просто уходила, и приходила, и просила: «Обними меня». И лежала, долго лежала, не шевелясь, и он чувствовал каждый ее шрам.

Наконец она нашла слова — слишком простые, а значит, неверные. «Я принадлежу ему».

«А я, — спросил он. — Кто я для тебя?»

«Ты — мой, — сказала она и впилась ногтями в его спину. — Ты — мой. Мой. Мой».

Но ты-то не моя, подумал он.

12

Он был очень везучим человеком.

Не он понял, что за земли скрываются на Западе, — *через него* это было понято, и он был благодарен за то, что́ стал орудием Провидения. Когда он брел по испанскому берегу и просил подаяния в монастырях (все имущество было описано за долги), дорога привела его в обитель Девы Марии Ваальской, настоятель которой не только поверил сумасшедшему генуэзцу, но и воспользовался своей привилегией рекомендовать подобных юродов ко двору. Кристобаль Колон семь месяцев ждал предварительной аудиенции — чрезвычайно краткий срок, принимая во внимание, что королевский двор дольше трех дней ни в одном городе не задерживался и при каждой остановке решал дела первоочередные. Всего лишь семь лет он ожидал решения по своему делу — другие томились и того дольше.

Маршрут его был предопределен политическим раскладом: по Алькасовасскому договору, португальцы могли без помехи топить испанские корабли, застигнутые к югу от Канарских островов, поэтому Колонова флотилия продвигалась по линии раздела зон морского влияния, то есть в том поясе, где восточные пассаты непрерывно подгоняют корабли. Даже буря, сбившая каравеллы с курса, оказалась кстати: команды уверились, что к северу столь же упорно дуют западные ветры, а значит, и обратный курс будет спорым.

Ему все время везло: седьмого октября он увидел клин перелетных птиц, державший курс на юго-запад. Он велел поворачивать вслед, а если бы не свернул, то был бы отброшен Гольфстримом назад, к берегам Европы.

(Он не знал, что чуть ли не на другой день после того, как он отряхнул прах Португалии от ног своих, король Жуан II отправил на запад корабль-разведчик, который — по лености ли капитана, по скудости ли его воображения, по мятежности ли команды —

вернулся через месяц и доложил, что не нашел ничего, а значит, единственно верный путь в Индии лежит круг Африки, как и завещал великий Энрике Мореплаватель.)

Он был очень везучим человеком.

Но это ровным счетом ничего не значило.

13

Как она поняла — раньше его самого, — что для него значит путь на Запад? Путь к тому, чего она не могла ему дать: путь к полному и безусловному обладанию.

Она поняла. И не простила.

«Ты ничто теперь, — сказала она, стоя на пороге. — Ты ничто».

Больше он ее не видел и стал пустотой.

14

Она ушла от него — прогнала его. Но он вернулся, заткнув гордости глотку.

Полгода спустя он причалил к берегу Парадиза и увидел то, о чем слыхал и прежде: что бывает с городом, из которого ушла душа.

Ее не было на пристани. Ее не было нигде. Он заранее знал, что она не позволит себя увидеть, — но ее просто не было. Души городов не умирают; они оставляют свое прежнее обиталище, сбрасывают плоть — дома, улицы, мосты, — сами выбирая время своего ухода. Но никто не знает, что́ выходит из опустелого кокона.

Кокон же остается, ветшая и рассыпаясь, возвращается к первоначалам. Здесь отрывается ставень, там падает на мостовую черепица. Волны слизывают берега, рыбы покидают ближние воды. Поколение — много, два — и природа замирится с развалинами.

Можно вернуться в рай, откуда был изгнан. Но второй раз на пустошь не придет никто. Даже меч сторожевого ангела заржавел.

К удивлению редких прохожих и кудлатых собак, он бродит вверх-вниз по трем вьющимся улочкам, то равнодушно-медленно, то переходя на рысцу. Нет, и за углом не показалась. Нет, не она. Нет.

Он сидит над обрывом. Здесь ему больше делать нечего. Нужно создавать Новый Свет.

15

11 октября 1492 года, ночь.

Вот только нет никакого Нового Света.

Моря, самозванным Адмиралом которых он был, катятся на запад, не встречая земли, до острова Чипангу и самого Катая, а может быть, и они не попадутся на пути, и тогда — только край Земли, бесконечное падение.

Женщина, душа города, его душа, спит, и волосы падают на лицо, которое он забыл. Далеко. Может быть — нигде.

И тогда, в тот самый миг, когда он понял, что потерял их навсегда — женщину и землю, — не удержал в руках, не коснулся, никогда ими не обладал, — он понял, что может обрести их вновь.

Пальцы неловко протянулись в темноту и встретили ее дыхание.

Волосы, темные и потому невидимые; кожа холодна — потому что это север, северные леса, полярное сияние и вечный вой на луну.

Теперь он был уверен, и рукам его дарован был патент обследовать весь этот континент, и он лепил ее, вспоминая все родинки и волоски, — так же, как она, здесь и сейчас, лепила его, наращивая на полую душу бремя тела.

Глаза ее — великие озера; его рука прошла по плечу, сбила покрывало и, словно по клавишам, пробежала по спинным позвонкам — по Скалистым горам, — вернулась и охватила грудь, левую, потом правую, холмы на равнинах, разделенные великим каньоном. Он почувствовал, как напряглись соски: млеко милости, расплавленное золото Эльдорадо, — и, чуть помедлив на животе (сухие прерии, не знающие дождя), руки обхватили талию, такую тонкую, что нельзя было поверить, что она станет еще тоньше, пронзенная четыре века спустя Панамским каналом; а дальше, к югу, лежали необъятные латинские бедра, чаемая прохлада, и рука, достигнув устья великой реки (Амазонка! гордое имя, жестокое имя, и бедра упрямо сжаты), рука замерла; палец коснулся острова Маражо, и женщина вздрогнула, и вздрогнула земля. Он спустился по ее ногам, погладил холодные пятки и крохотные пальцы, упиравшиеся в изножье, в полосу вечного льда, но те запредельные земли уже не занимали его, потому что не были ею.

Теперь она была с ним вся — не память о ней, давившая все эти годы, не копия, потому что повторить ее не смогли бы ни природа, ни искусство, — но она сама. Он слился с ней, вошел в ее плоть и кровь, горы и реки, они вольны в плену своих объятий, и нет здесь ничьей власти. Она обхватила его, прижала к себе и вскрикнула, задыхаясь (но вскоре они расстанутся, и трижды будет возвращаться он к ее берегам, и трижды уплывать навсегда, не более чем прикоснувшись к ней; и не его имя будет она носить), и он закричал тоже, и крик этот подхватил вахтенный: земля!

Земля поднималась из моря, и птицы метались меж парусов.

КАРИНА ШАИНЯН

ГОРШЕЧНИК

5. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился.

6. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови.

7. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников...

МЕНЯ ПРИСТАВИЛИ ЗА МОГИЛАМИ УХАЖИВАТЬ, ОХОХОнюшки... Так с тех пор и живу при кладбище. А горшки не забросил, глина на кладбище хорошая больно. Да вот сейчас принесу показать.

«Сегодня не мой день, — подумал Миша, глядя, как свихнувшийся старик ковыляет к дому. — И вчера не мой был».

Хотя — еще повезло, что вышел на эту деревню. Кто бы мог подумать, что под Москвой можно так основательно заблудиться? Слишком увлекся вечерними тенями, узорными ветками на фоне огненно-шелкового неба, завертелся по лесу в поисках самого лучшего кадра — и оказался в темноте без фонарика, не представляя, куда идти. Ночевать пришлось в лесу, скорчившись под деревом и прижимая к животу драгоценную сумку с аппаратурой. Проснулся на рассвете, стуча зубами, и побрел по еле заметной тропинке. Повезло. Мог и дальше в лес забрести. А так — выпал на пыльную рыжую грунтовку, а потом — и деревня нашлась, и автобусная остановка... Теперь все было хорошо, только вот очень хотелось — пить, есть и умыться. И чтоб поскорее пришел автобус, который привезет обратно в цивилизованные места. Да и религиозный фанатик под боком напрягал.

Миша еще раз с надеждой посмотрел вверх по пыльной улице, потоптался вокруг столба, обозначавшего остановку, и снова уселся на обшарпанную лавку. Было жарко, пахло сложными деревенскими ароматами, а с близкого кладбища иногда тянуло чем-то сухим и древним, напоминающим о пустыне и верблюжьей колючке. Миша вздохнул и посмотрел на часы. Расписание на столбе, похоже, врало, и когда теперь будет автобус — неизвестно.

Можно, конечно, пойти поснимать. На кладбище могут получиться интересные кадры — сухие, пыльные, серо-желтые. Миша внимательно посмотрел на условную оградку, уже прикидывая подходящие точки. Нет. Во-первых, страшно пропустить автобус. Даже думать не хочется про то, как идти потом пешком по такой жаре. А во-вторых, лень и жарко.

Миша вздохнул, заглянул в сумку. На дне помутневшей пластиковой бутылки болталось со стакан воды. Хватит до ближайшего ларька, чтобы не умереть от жажды, а вот умыться уже не получится. Он вспомнил про сумасшедшего старика. Надо было воды попросить. Больше не у кого — деревня, похоже, вымерла. Слишком ти-

хо, слишком пыльно. Слишком много трещин в выбеленных стенах домов. И слишком много заколоченных окон.

Порыв горячего ветра протащил по обочине сухую колючую ветку, швырнул в лицо горсть песка. Мишу передернуло. Как будто и не Подмосковье, а правда — пустыня какая-то. Песок и глина. Не хватает только верблюдов на горизонте. Или хотя бы автобуса...

Миша снова прищурился, высматривая пыльное облако. Начинала болеть голова, и он отхлебнул тепловатой воды. От жары все плыло. Думалось о странниках в библейской пустыне — как они долгие дни идут по пескам, умирая от жажды. И все только для того, чтобы добраться до кладбища, охраняемого неприятным стариком, и стать когда-нибудь материалом для нового горшка. «А кладбище-то великовато будет для такой деревушки», — мрачно подумал он.

— Так для странников же, — проблеяли под ухом, — странников-то много...

Миша нервно оглянулся. Старик, о котором он почти забыл, стоял рядом — невообразимо древний, пыльный, тронь — раскрошится. Костлявые руки сжимали кривобокий глиняный горшок.

— Вот возьми, — Миша замотал головой, и старик подвинулся ближе, дыша сухой плесенью. Миша тоскливо заозирался, ища спасения.

— Бери-бери, — старик ткнул горшок Мише в руки. Пористая глина оставляла на пальцах неприятный налет.

— Полезная вещь, — наставительно сказал старик, и Миша смирился.

— Сколько я вам должен? — печально спросил он, вертя горшок в руках. Старик насупился.

— Так, так бери, потом разберемся.

— Что значит — потом? — удивленно спросил Миша. Старик только махнул рукой, мрачнея на глазах.

Вдалеке задребезжало. Миша с надеждой повернулся на звук и увидел пыльное облачко. Сквозь пыль уже можно было разглядеть разбитый велосипед и мужичка в серой кепке, явного аборигена, маленького, лопоухого и довольного.

— Автобус ждешь, — удовлетворенно сказал велосипедист, притормаживая рядом с Мишей.

— Угу, — согласился Миша и вопросительно взглянул на мужичка.

— А не будет автобуса, — сообщил абориген, — отменили. За ненадобностью.

Миша горестно покивал. Мог бы и сам догадаться...

— А до станции сколько?

— Семнадцать километров, часа за три дотелепаешь, — оптимистично ответил мужичок, — поторопиться бы надо, электричка через три с половиной, а следующая только ночью.

Миша резво поднялся, закидывая сумку на плечо и сжимая в руках дурацкий горшок. Абориген смерил его внимательным взглядом.

— Слышь, — сказал он, перекидывая ногу через раму, — ты только сюда второй раз не ходи.

— Да нафига мне? — удивился Миша.

— Вот и не ходи, — отрезал абориген и с дребезжаньем отъехал.

Миша оглянулся было, чтоб попрощаться со стариком, но тот уже брел к дому, маленький и сгорбленный. Горшок в руках мешал. Мишу так и подмывало аккуратно поставить его на лавку и слинять, но он не решился — почему-то стало стыдно. Поставил горшок на плечо, придерживая сумку, и заторопился вслед за велосипедистом.

* * *

Очень хотелось пить. Рот запекся коркой из пересохшей слюны и пыли, в глазах рябило. Надежда на ларек или магазинчик давно испарилась — вокруг были только пересохшие холмистые поля, которые явно тянулись до самой станции. Надежды на попутку тоже не было — с тех пор как Миша вышел на эту дорогу, по ней не проехало ни одной машины. Не считать же машиной развалюху-велосипед...

Миша присел под пересохшим кустом, покрытым фестонами рыжей глины. Пот заливал лицо, оставляя грязные разводы, жидкая тень куста не спасала от жары. «Во попал», — пробормотал Миша с нервным смешком. Поставил горшок рядом на землю. Здесь ему и место. Еще такую тяжесть с собой тащить. Как же хочется пить...

В горшке что-то глухо стукнуло. Миша досадливо пнул посудину ногой и замер: из упавшего горшка вывалилась бутылка. Обыкновенная, пластиковая, на пол-литра. Вся в мелких прозрачных капельках.

Не веря глазам, Миша осторожно взял бутылку в руку. Засмеялся, прижимая к щеке, наслаждаясь мокрой прохладой. «Ну дед, ну дает!», — пробормотал, нетерпеливо откручивая пробку. Вода была холодная, вкусная, — наверное, колодезная.

Миша облизнул мокрые губы, не удержавшись, глотнул еще раз и снова зашагал по дороге. Под мышкой он сжимал горшок — теперь он казался милым напоминанием о смешном приключении, а его тяжесть и кривые бока говорили о ручной работе и настоящести, превращая уродливую посудину в редкий сувенир.

Поля наконец-то закончились, уступив место сначала дачам с огородами, а потом и вполне городским пятиэтажкам. Появился асфальт, забегали машины. Миша спросил дорогу к станции, небрежно скользнул взглядом по ларьку и напрягся: впереди, заглушая редкие машины, стремительно нарастал рев электрички. Миша покрепче перехватил горшок и побежал, хватая ртом горячий воздух.

— Билетики, пожалуйста, — сказала контролерша, монументально нависая над блаженно развалившимся на лавке Мишей. Он зажмурился, надеясь, что тетка пройдет мимо, но сверху снова попросили билетики, уже более настойчиво.

— Я не успел купить, — буркнул Миша, отворачиваясь к окну.

— А я не знаю, успели — не успели, билетик показывайте.

— Нету у меня билетика, — выдавил Миша, — я на вокзале заплачу.

— А я не знаю, где вы там заплатите, — голос тетки становился все громче, предвещая скандал, — откуда я знаю? Ваш билетик, пожалуйста.

Миша тихо, беспомощно зарычал.

— Нету билетика, — удовлетворенно констатировала тетка.

— Я на вокзале заплачу. Там же турникеты, как я, по-вашему, выйду?

— А я не знаю, как вы там выйдете. Нету билетика — придется высаживаться.

Миша обреченно посмотрел в окно. Мелькали овраги, заросшие сухим бурьяном, и хилые березы. Высаживаться не хотелось.

— Да вы поймите! — раздраженно повернулся он к тетке, взмахнув рукой. Ударился костяшками об горшок и зашипел, сунув ушибленные пальцы в рот, а второй рукой пытаясь поймать сбитую посудину.

— Да вот же билетик, — обрадовалась тетка, ловко подхватывая бумажку, плавно вылетевшую из опрокинутого горшка, — и зачем было задерживать?

Она почеркала на билете, сунула его обратно и повернулась к сиденьям напротив.

— Ваши билетики, — донеслось до Миши.

Электричка, резво грохоча, неслась к Москве. Миша посасывал сбитые костяшки и с подозрением смотрел на горшок. «Ну, дает дед», — вертелось в голове.

* * *

Чадила старая керосиновая лампа. Горшечник отодвинул в сторону кружку с чаем и уставился в окно. За окном была душная жаркая ночь и кладбище, заброшенное, заросшее бурьяном. Как всегда, казалось — что-то там шевелится, что-то происходит. Горшечник нервно задернул ветхую занавеску и вернулся к столу. Потянул из ящика увесистый кожаный мешочек. Присел, завороженно глядя на него.

На этот раз должно получиться — парень забрел в эти места совершенно случайно. Старик осторожно развязал тесемки, вспоминая молодое растерянное лицо странника. С этим получится. Бог не может быть так жесток. Мучения горшечника скоро кончатся, он чувствовал это, он верил. Проверять еще рано, наверное. Но вдруг — уже?

Зажмурившись, горшечник перевернул мешок над столом. Глухо звякнул металл, дробно застучал по пластику. Старик долго глядел на тридцать монет, рассыпанных по столу. В тусклом свете керосиновой лампы они казались почти черными. «Серебро от времени чернеет», — сказал себе горшечник и с уже тающей надеждой взял одну монету. По пальцам неприятно, липко мазнуло. Он отшвырнул сребреник и с отвращением вытер руку об штаны. На пальцах остались бурые пятна.

— А рано еще проверять, побольше времени-то нужно, — мрачно себе сказал горшечник, чувствуя, как в который раз в уставших глазах закипают слезы.

Они пришли в полдень, в такую жару, что даже ящерицы попрятались в камнях. Отшвырнули с дороги верного пса, вздумавшего было тявкнуть. Заполнили собой маленькую хижину горшечника — стало тесно в груди и дыхание прервалось от дурного предчувствия.

— Мы покупаем твою землю, горшечник, — сказал первосвященник. Два стражника стояли за его спиной, настороженные и злые. — Вот тебе тридцать сребреников.

— Я не хочу, — ответил горшечник, — или ты думаешь, что я не слышал, что говорят в городе?

Ему только рассмеялись в лицо.

— Я не возьму эти деньги, на них кровь, — прошептал горшечник, и стражник молча и страшно ткнул его кулаком в лицо. Горшечник упал, плача и не зная еще, от чего он плачет. Первосвященник со стражниками ушли, бросив к его ногам мешочек с деньгами, а горшечник еще долго лежал на полу, мучаясь от жары и боли в разбитом лице, и слушал неведомые голоса, звучащие прямо в голове. Голоса ругали. Голоса проклинали. Голоса учили.

— И вот — да, струсил и за это проклят, — прошептал старик, сгребая монеты в мешок, — взял кровавые деньги и проклят. Но на этот раз получится, обязательно получится, меня простят.

За окном шуршало. Горшечник подтащил лампу к кровати, поплотнее укутался в шерстяное одеяло, и, вздрагивая от страха, погасил свет. «Теперь все кончится», — прошептал он и натянул одеяло на голову, чтобы не слышать шорохи.

* * *

«...еду выдает самую простую — хлеб, соленый сыр, часто почему-то маслины, хотя я их терпеть не могу, — но иногда приходится съедать, когда не наедаюсь остальным. Если попросить хавку, сидя дома или в гостинице, — не даст. Только в пути, и только, если есть хочется так, что уже невмоготу.

Из питья дает только воду в бутылках без этикетки. Впрочем, ничто не мешает вскипятить ее и сделать чай или кофе. Заварку не дает, надо брать с собой.

Иногда работает как компас — как бы тянет в нужном направлении, например, к самой дешевой гостинице (если в городе) или к ближайшему населенному пункту.

Билеты дает только самые дешевые. Если на самолет — то эконом-класс, если в поезде есть общий вагон — то в него. Но это терпимо. Если до места, куда я хочу, общественный транспорт не ходит — дает билет до ближайшего пункта, потом наводит на нужную попутку (как бы слегка пульсирует, похоже на игру «холодно-горячо») или на нужного человека, способного объяснить, как добираться дальше.

Визу дает, если нет возможности получить ее на границе.

Видимо, каким-то образом отводит жулье. По крайней мере, со всякими разводками и кидаловом, о которых предупреждают, я ни разу не сталкивался. Отводит ли опасности — не проверял. Если, например, попасть с ним в зону военного конфликта — поможет ли? Не знаю. Почему-то кажется, что да. Может быть, стоит рискнуть и проверить. Рвануть, например, куда-нибудь в Конго».

— Ну, что тебе сказать, — Леха отложил распечатку и отхлебнул пива, — суховато как-то. И финала еще нет.

Миша дернулся было ответить, но Леха остановил его величественным жестом:

— Только не пиши, как явился этот дед весь в синих молниях и потребовал в уплату бессмертную душу. Не надо, а?

— Именно этого я и боюсь, — мрачно сказал Миша.

— Не надо, — посоветовал Леха и ухмыльнулся: — Вот уж не знал, что ты начал сказочки пописывать... а мы-то думали — чего это тебя уже год на пиво не дозваться...

— Сказочки? — вскинулся Миша. — Хотел бы я, чтобы это было сказочками... — он пробежался по комнате и упал в кресло, сжимая голову. — Так и знал, что не поверишь.

— Совсем обалдел. Конечно, не поверю.

— Я еще и с работы уволился, — невпопад ответил Миша. Леха нахмурился. — А вот — тоже сказочки, по-твоему?

Миша резко выдвинул ящик стола и швырнул на колени приятелю несколько увесистых бумажных пакетов.

— Смотри. И здесь — только лучшие.

Леха настороженно раскрыл верхний пакет и вытащил пачку фотографий. На глянцевой бумаге рвались в небо мохнатые горы, бушевала темнокожая, пестрая толпа, сверкали позолотой храмы, мрачно грозили средневековые замки, плескались карельские озера и тропические моря, сгибалась под ветром тайга и извивались щупальца джунглей.

— Сказочки? — иронично спросил Миша. Леха только промычал в ответ, перебирая снимки.

— Я это никому не показывал. И не рассказывал. Ты первый, — Миша налил в стакан пива и залпом отпил половину. — Я боюсь, понимаешь? Дед за горшок не взял ни копейки — а что он может потребовать потом? Бабки? Душу? Или вообще — остаток жизни? Когда он появится и что попросит? Веришь — он мне по ночам снится... приходит в виде мумии и пытается задушить...

Леха сочувственно покивал, завороженно рассматривая снимок пустыни — бесконечные пески и белый город на горизонте.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю. Вернее, знаю. Поеду к этому деду и напрямую спрошу. Не могу больше, болтаюсь, как говно в проруби... Хоть узнаю, чего ему надо.

— Рискованно, — мрачно ответил Леха. И с подозрением спросил: — А ты меня не разыгрываешь?

Миша только фыркнул.

— Набрать фоток... сложно, конечно, но можно... купить где-нибудь... сочинить сказочку... а, Мишань? — Леха хитро заулыбался. — Разыгрываешь, а?

— Да ну тебя к черту, — с досадой ответил Миша и снова припал к стакану, — не хочешь — не верь. Я завтра поеду. А ты не хочешь — не верь. Просто, если что — будешь знать.

Миша вздохнул, прошелся по комнате.

— Классные фоты, — сказал Леха, открывая новый пакет. — Где все-таки взял?

— Да ну тебя, — отмахнулся Миша, — вон в ящике пленки лежат, между прочим.

Леха пожал плечами и встал.

— Ладно, пора мне, — сказал он, хлопая Мишку по плечу, — ты так не увлекайся больше своей писаниной, ладно?

— Иди-иди, — раздраженно ответил Миша, — ты только звякни мне на следующей неделе... если что — телефон родителей знаешь... скажешь им.

— Эк тебя плющит, — уважительно ответил Леха и осторожно прикрыл дверь.

* * *

«Интересно, здесь всегда такая жара, или это мне так везет?» — подумал Миша, подходя к покосившемуся дому. Ветер гнал с кладбища сухую землю, и, как в прошлый раз, страшно хотелось умыться. А еще — было просто страшно. Подумалось, что еще не поздно развернуться и уйти — даже если старик уже заметил его, то догнать не сможет.

Но мучиться кошмарами в ожидании неизвестной расплаты было еще страшнее. Миша вдохнул побольше воздуха и постучал. Через минуту он застучал громче, а еще через минуту уже барабанил в дверь кулаками и кричал. Но в ответ не услышал даже шороха.

Миша с облегчением отошел от дома и присел на знакомую лавку у остановки. Он честно пришел. Он честно хотел расплатиться. Не удалось — кто же в этом виноват? Сумасшедшего старика не оказалось дома. Все просто.

Миша улыбнулся, вставая. Предстояло топать по жаре семнадцать километров, но это его не расстраивало. Страхи ушли, оставив лишь любопытство. Миша внимательно посмотрел на дом, примечая распахнутые ставни и приоткрытую форточку на маленьком окне. По уму надо было уходить, но Миша догадывался — любопытство будет глодать его не меньше страха.

Он медленно подошел к дому. Под окном, как нарочно, лежал старый потрескавшийся чурбан. Искушение было слишком велико, и Миша, оглядевшись по сторонам, сунул руку в форточку, пытаясь дотянуться до шпингалета.

Простая, пыльная, какая-то пересушенная комната. Стол, деревянная табуретка, шкаф. Кровать с серым одеялом. Миша отступил к окну, обливаясь холодным потом. Под одеялом мелко трясся кто-то маленький и тощий. Теперь Миша слышал тихое, отчаянное хныканье, похожее на мерное жужжание мухи.

Сглотнув и уговаривая себя быть готовым ко всему, Миша подошел к кровати и сдернул одеяло.

Знакомый дед ничком лежал на кровати, пряча голову под руками, и тихо ныл.

— Что с вами? — шепотом спросил Миша, отступая.

Дед покосился из-под руки мутным глазом и подскочил, как на пружинах. Перекошенное лицо тряслось.

— Зачем сюда пришел? — заорал старик, наступая на Мишу и брызгая слюной. — Зачем влез? Вот я милицию!

— Извините, — пробормотал Миша, пятясь, — я заплатить хотел...

— Кто просил? Зачем пришел? Кто тебя звал сюда, пса паршивого?

— Не кричите на меня! — запальчиво крикнул Миша. — Я честный человек, я за горшок заплатить пришел!

— Кто просил? Я тебя просил — платить? Я тебе сказал сразу — не надо платить! Бесплатно! Халява! Так тебе понятно, ослу? Не надо! Никак! Никогда! Пожалуйста... — протянул старик, горбясь и хныкая.

Миша замотал головой, неуверенно улыбаясь.

— Совсем бесплатно? Вообще? — он ошарашенно огляделся и спросил, понизив голос: — И душу брать не будете?

— Уйди отсюда, сын мула! Зачем мне твоя душа? — сварливо ответил старик, слегка успокаиваясь.

— Спасибо, — с чувством ответил Миша, — огромное спа...

— Не смей благодарить меня! — завизжал горшечник, снова наступая. — Нельзя! Изыди!

«Совсем рехнулся», — подумал Миша, осторожно пятясь в сени и кивая.

— ЕГО тогда никто не благодарил! И меня нельзя! Опять, опять... — ныл старик. Миша осторожно открыл дверь и вышел на крыльцо. Спустился по скрипучим ступенькам, едва не споткнувшись об ржавую лопату. И уже снизу, радостно и растерянно улыбаясь, сказал:

— Я вам навек благодарен, не забуду никогда, — старик отчаяно завыл, выдирая остатки волос, и Миша, поспешно бросив еще одно «Спасибо», бросился к дороге. «Что делать, Бог мой, что делать? Опять! Опять!» — неслось в спину. В голове шумело, и Миша не слышал торопливые шаги. «Я не позволю тебе», — прошипели вдруг сзади, повеяло сухой плесенью, и, обернувшись, Миша успел только увидеть огромную ржавую лопату, летящую с неба прямо ему в лицо.

Горшечник отбросил лопату, хватаясь за голову. Молодой странник лежал перед ним в пыли, и в его глазах, обращенных в небо, застыло удивление. «Опять, опять не получилось», — простонал старик, подбирая лопату и пытаясь стереть с нее кровь рукавом. В голове тихо шелестело, снова оживали голоса. Горшечник съежился и зажмурился, надеясь остановить их, но голоса были неумолимы, шелест под черепом нарастал, превращаясь в нестройный хор.

— Глупец! Глупец! — кричали голоса. Горшечник вжимал голову в плечи и затыкал уши пальцами, катаясь в пыли, но голоса не унимались, называли его ослом, паршивым псом и олухом, каких свет еще не видел. Потом из хора голосов выделился один, ласковый и приятный.

— Иди, делай новый горшок, старик, — посоветовал он. — Через три дня мимо пройдет новый путник. Сердце его черно, а память коротка. Попробуй с ним.

Горшечник подхватил лопату и бросился к кладбищу. Иссохшую землю копать трудно, но он еще силен. А глины, которая останется после того, как он засыплет могилу, как раз хватит на новый горшок.

ЛЕВ ЖАКОВ

ВАГОН ДЛЯ ХРАПЯЩИХ

ДРУГИХ БИЛЕТОВ НЕ БЫЛО, ПРИШЛОСЬ ВЗЯТЬ СЮДА. ВОВА показал паспорт молоденькой проводнице с развратными глазами, та мельком глянула и кивнула на вход: «Пятнадцатое». Подхватив сумку, Вова пошел в вагон. Спал он всегда хорошо, поэтому не опасался ехать здесь. Кое-как разминулся в коридоре с чемоданом и бабкой в красном пальто, добрался до места, сел. В купе пока что был один человек: в углу сидела девушка и смотрела в окно.

— Здравствуйте, — ставя сумку на полку, сказал Вова.

Девушка вздрогнула и обернулась.

— Что? А, да, здравствуйте.

У нее оказались морщинки около рта и около глаз.

Вова положил сумку под сиденье, предварительно вытащив из нее бутылку пива с пакетиком фисташек и газету, и устроился напротив соседки. Та вернулась к созерцанию соседнего состава, Вова со своего места видел на его зеленом боку кусочек белой таблички и буквы «Са». На стук бутылки девушка отвлеклась и бросила на пиво быстрый взгляд.

— Хотите? — немедленно предложил Вова, но девушка мотнула головой.

— Нет, так нет, — молодой человек сунул бутылку под столик, открыл одним движением и с удовольствием глотнул холодного пива.

— Вот это правильно! — невысокий лысый мужик с огромной сумкой втиснулся в купе. — Давайте знакомиться: Петр.

— Вова, — сказал Вова, и они обменялись рукопожатием.

Девушка посмотрела на лысого с большим сомнением и после некоторого раздумья выдавила:

— Наташа.

— Отлично! Браток, может, встанешь на секунду, я свое барахлишко спрячу. Замаялся таскать!

Мужик поставил сумку под нижнюю полку и утрамбовал руками.

— Авось войдет, — удовлетворенно произнес он, опуская сиденье. — Так о чем я? — Лысый глянул на девицу и подмигнул молодому человеку:

— Момент!

Ушел, вернулся через минуту с тремя бутылками «Балтики».

— Для разгону, — пояснил он.

Лысый с Вовой выпили.

— Чего она такая сердитая, первый раз, что ли? — Лысый кивнул на Наташу.

Вова пожал плечами.

— Ничего, народ подтянется — отойдет, у нас скучно не бывает. Я тут часто езжу, мне по работе надо, на закупках я. А многие просто так ездят, нравится им тут. А ты, браток, за чем едешь? В гости, по делу?

— Учиться.

— Тока поступил, что ли?

— Ага.

— Поздравляю, студент! Давай за это выпьем! А ты, Наташенька, куда? Чего вид недовольный такой?

Наташа, не отрываясь от окна, ответила:

— Мама заболела. Ухаживать надо.

Лысый покачал головой:

— Да, да... Это да...

Мимо ходили люди с сумками, коробками, рюкзаками. Прошла проводница, та, смазливая, с ведьмовски жадным глазом. Она была в юбке, едва прикрывающей зад, и в блузке, сквозь которую отлично был виден кружевной лифчик.

— Водочку, пивка, травку, презики? — предложила она.

Лысый вскочил. Обняв проводницу, он смачно чмокнул ее в ярко накрашенные губы, для чего ему пришлось встать на цыпочки.

— Людочка, зайка! Обязательно водочки, но попозже! А горячее будет?

Вова втянул голову в плечи, ожидая пощечины или крика. Проводница же только похлопала Петра по лысине:

— Опять вы вперед всех лезете! Котлетки в десять принесут, как всегда.

— А тебя? — Петр уморительно сложил руки на груди. Людочка снова похлопала его по лысине:

— Как-нибудь в другой раз, Петя! — И повернулась к Вове. — Будете что заказывать, молодой человек?

— Э... — Вова растерялся.

— Первый раз? — поняла проводница. — Могу порекомендовать...

— Я сам помогу парню, зайка! — влез Петр. Девушка улыбнулась:

— Не ревнуй, лысенький! У тебя вон курочка сидит!

— Позвольте! — девушка, которая краснела с каждым словом проводницы, быстро повернулась, пылая гневом.

— Вы не с ним? — Людочка нисколько не смутилась.

— Как вы могли такое подумать, конечно, нет!

— Увы! — подтвердил лысый, разводя руками.

— Извиняйте, — Людочка ушла, вильнув бедрами. Петр успел напоследок хлопнуть ее по заду, звук вышел звонкий и сочный.

Петр вернулся в купе и открыл вторую бутылку.

— Продолжим! — сказал он. Наташа посмотрела на него с осуждением и вновь отвернулась к окну. Поезд тронулся. В вагоне было шумно, отовсюду доносился звон бутылок и стаканов, смех, разговоры и веселые крики, неподалеку слышался высокий голос Людочки. Петр подсел к девушке.

— Наташенька, — задушевно сказал он.

— Я вам не Наташенька! — Первоначальная вежливость девушки исчезла после визита проводницы.

— Не бойся, красавица, мы тебя не обидим. Ты ведь первый раз?

— Вам какое дело? — огрызнулась Наташа. Вова подумал, что со своим длинным носом и острым подбородком на красавицу она не тянет. — Как раз не первый, и вы все мне надоели до черта!

— Ну-ну, красавица, зачем же так кричать, — урезонил девушку Петр. — Тут полагается веселиться! Ты сегодня с какой ноги встала?

Наташа скинула с плеча руку Петра и уткнулась носом в книжку. Петр подмигнул Вове:

— Ничего, отойдет. А ты вправду, что ли, первый раз едешь?

— Да нет, с чего вы взяли, я часто езжу.

Вова как раз допил пиво, и Петр протянул ему третью бутылку из своих.

— Скромный, что ли? У нас народ не тушуется! А ну-ка, пока горячего нет, давай посмотрим, что у нас есть из холодного... Поднимись, браток!

Петр расстегнул свою сумку и вытащил из нее синий полиэтиленовый пакет.

— Ну-ка посмотрим, что мне жена положила... — И он начал выкладывать на стол вечную жареную курицу, обязательные помидоры и неизменное вареное яйцо, колбасу, сыр, пару огурцов и сладкие булочки.

Вова вертел в руках бутылку.

— Я вообще-то на ночь много не пью, — сказал он.

— Где много? — удивился Петр, заталкивая шуршащий пакет за спину. Садись, кушать будем. И ты, Наташенька, присоединяйся! Давай, браток, не ломайся, мне все равно одному и за ночь всего не съесть. Бери вон курочку да закусывай, помидорчик там... солью посыпь, не стесняйся, здесь все свои.

— Не напиваюсь на ночь, — повторил Вова, нерешительно берясь за куриную ногу. Он был из тех домашних мальчиков, что видят алкоголь только по семейным праздникам. Сегодняшнее пиво Вова купил, чтобы выглядеть солиднее, и теперь в голове, где-то в районе висков, непривычно шумело.

— Бери-бери! — крикнул лысый, да так, что Наташа в своем углу подпрыгнула. — Сыр бери, помидоры! И пей ты, под курицу не заметишь, как пойдет! Здесь вообще трезвому нельзя, поверь моему опыту.

— Да, пожалуй, — вспомнил Вова и глотнул.

Проходящий мимо опухший плешивый мужичок в тренировочном костюме остановился возле купе, близоруко вглядываясь в лысого.

— Лексеич, ты? — не очень уверенно спросил он. Петр вскочил:

— Ба, Иван Сергеич! — И бросился обниматься. — А я уж думал, ты все, готов, на том свете пьешь-закусываешь! Как же так, а? Столько крови, Ваня!

Плешивый, облобызавшись с лысым, присел рядом с Вовой.

— Ну давай, давай, рассказывай, — поторопил Петр. Иван Сергеич, щурясь, осмотрелся.

— А нет ли чего горло промочить? Столько событий...

— Конечно, дорогой, конечно! — Петр, высунув голову в коридор, закричал так, что Наташа снова вздрогнула и с укором обернулась.

— Людочка! Шесть пива, Людочка!

Вова отставил пустую бутылку и пошел в сортир. В вагоне царило всеобщее веселье. Ехали, в основном, мужчины, лишь в одном купе Вова увидел женщину. У нее было такое отекшее и помятое лицо, что возраст ее Вова не взялся бы определить. Женщина кричала и смеялась. Она была пьяна, и мужики вокруг нее тоже были пьяны. В вагоне пили вообще все. Где-то ели, где-то играли в карты, где-то, судя по звуку, в домино, где-то просто разговаривали, и везде — пили. Женщина, заметив, что Вова смотрит на нее, воскликнула пропитым, сиплым голосом:

— Иди к нам, мальчик, скоро начнется!

Вова, отвернувшись, поспешил уйти. Под ногами валялись пакетики из-под арахиса и кальмаров, хрустели сухарики, перекатывались пустые бутылки. Замок в туалете был сломан, так что дверь пришлось подпирать спиной.

Когда юноша вернулся к себе, на столе среди помидоров уже красовалась пивная шеренга. Иван Сергеич с Петром, сидя на его, Вовином, месте, ожесточенно спорили. Не вникая в спор, молодой человек сел к Наташе. Посмотрев на девушку, он заметил, что Наташа не читает, а просто уставилась в книгу неподвижным взглядом. Лицо у нее было напряженное и злое.

Вова придвинулся ближе.

— Что тут происходит? — негромко спросил он. Наташа покосилась на юношу.

— Еще спрашивает! — фыркнула она.

— Какое-то всеобщее попоище, — сказал Вова. После второй бутылки перед глазами все слегка пошатывалось, края предметов расплывались; казалось, что выпитое попало не в желудок, а в голову, и теперь пиво перекатывается там, стоит только пошевелиться.

—Ты же не в первый раз, мальчик, — презрительно ответила Наташа, окидывая Вову быстрым взглядом.

— Но сколько езжу, ни разу такого не видел, — возразил он совсем тихо, смущенный ее взглядом. Девушка отвернулась, не ответив.

— Ты чего не пьешь? — отвлекся от разговора Петр. — Возьми бутылочку, отломи крылышко, ночь ведь только начинается.

За стеной послышались ругань, почти сразу — звук удара, голос: «Ах ты, сука!» и в соседнем купе разразилась драка.

— Драчка, драчка! — обрадовался Петр и, подхватив под руку плешивого Ваню, побежал на шум. С опаской перегнувшись через перегородку, Вова увидел, что оба кинулись в драку. Сюда же спешили другие пассажиры, многие из них плохо держались на ногах. Какой-то парень наступил на выкатившуюся ему под ноги бутылку, ударился головой о железную стойку и упал. Бегущие наступали на него, но он лежал, не шевелясь. Вова смотрел на парня, шея которого из красной постепенно становилась белой, но его почти сразу загородили: в соседнее отделение набилась толпа, и началось побоище. В ход пошли кружки и бутылки, ошалевший Вова едва успел спрятать голову.

— Что тут происходит? — спросил он у пространства перед собой.

— Вагон для храпящих, — зло ответила Наташа, не отрываясь от книги. — Это еще цветочки!

— Но... — начал Вова.

В проходе показалась голова Петра, который полз по полу. С разбитого лба стекала полоска крови, одного глаза не было видно в опухшем синем коме кожи под бровью.

— Ражвлеклишь, — прошепелявил он, сплевывая кровь, после чего, ухватившись руками за полку, кое-как забрался на нее. Полежал минутку и сел, потянувшись к новой бутылке.

— Освежиться после разминки, — пояснил он Вове.

— Ра... — слова застряли в горле.

— Ур-роды! — с чувством сказала Наташа, посмотрев на побитого соседа, после чего отвернулась к окну.

— Горячие котлетки! Жаркое! Водочка! — разнесся по вагону пронзительный голос Людочки. За стеной мгновенно наступила тишина, драка прекратилась, послышалось звяканье металлических крышек судков.

— Сюда, сюда! — крикнул Петр. — Водочки и котлет!

Приполз Ваня, ощупал ноги лысого и остался под столом.

— И мне водочки, — застенчиво попросил он.

Теперь из соседнего купе доносились громкие женские стоны известного свойства. Вова схватил начатое Петром пиво и влил в себя полбутылки. Перевел дух, быстро допил остальное. Откусил куриного хребта, похрустел костями, не замечая их, и взял еще бутылку. Немного полегчало: юноша почти не различал окружающее, все плыло.

— Да, мы уроды! — Петр ткнул пальцем в Наташу, вдруг вспомнив ее последние слова, хотя сама она уже успела забыть, что говорила. — Но и ты тоже!

Наташа вскинулась:

— Да, я тоже, как дура, из-за идиотского каприза природы вынуждена торчать здесь! Среди уродов, моральных уродов! Потому что нормальные люди так себя не ведут!

Подошла Людочка, толкая перед собой столик-тележку.

— Котлетки, водочка, пожалуйста! — она пристроила один судок на стол, подвинув несчастную курицу. — Посудой головы не разбивать! — поставила рядом бутылку водки и четыре пластиковых стаканчика и двинулась дальше.

— Стой, стой, дорогая! Когда же ты ко мне придешь? — крикнул Петр ей вслед.

— В другой раз! — кокетливо ответила проводница.

— Да то же самое ты и в прошлый раз отвечала, и в позапрошлый, сколько можно меня за нос водить! — он попытался встать, но упал обратно на скамейку. Людочка укатила.

— Сучка, — горестно вздохнул Петр. — Но как трахается!

Наташа сплюнула.

— А! — воскликнул Петр. — И ты туда же! Нас учишь, а сама? Культурная, называется!

— Да пошел ты, — Наташа отвернулась. Лысый обиделся.

— Да пошла ты сама, чистоплюйка! — икнул он. — Я что, просил меня сюда запихивать, в отдельный вагон, как обезьяну?

— Почему сразу «как обезьяну», — вмешался Вова, с некоторым уже трудом двигая языком. — Ведь есть же места для курящих и некурящих. Люди не могут спать, когда кто-то храпит над ухом, верно? Каждый имеет право на сон!

— И я! — подал из-под стола голос старый Ваня. — Я тоже хочу спать!

— Ну так спите, — огрызнулась Наташа. Петр покачал головой:

— Злая шутка, красавица, — он все качал и качал головой, не в силах остановиться. — Ты издеваешься над стариком!

Вову тошнило. Он встал и снова направился в туалет, держась по дороге за полки, чтобы не упасть. В купе, где сидела неопределенного возраста женщина, ритмично двигались голые люди — там шла групповуха. Выглядело это намного противнее, чем порнуха по видео. С верхней полки около туалета торчали мужские ботинки, но владелец их не издавал храпа. Кажется, это был тот парень, что споткнулся, спеша в драку.

Когда Вова вернулся, бледный, с мокрым лицом, Наташа по-прежнему читала, а Петр втолковывал Ване, который уже перебрался на сиденье:

— И о правах человека ты мне не говори... Они не хотят слушать мой храп — пускай затыкают уши ватой! Мне какое до них дело?..

После рвоты в голове немного прояснилось. Вова сел напротив разгоряченного Петра:

— Как это, какое дело, — сказал он. — Люди ночью спать хотят. А ваш храп им мешает.

— Пошли они в жопу, ваши люди! — крикнул Петр. — Я, что ли, не человек?

— Человек, конечно, — согласился Вова. — Потому и сделали для вас отдельные вагоны. Соблюдены и ваши права, и интересы других людей, все правильно. Как в самолетах салоны для курящих и некурящих.

— Блять, да я-то тоже хочу... — Петр в ярости вскочил — и влепился головой в опущенную вторую полку. — О-о-о... — закатив глаза, он повалился на сиденье, тяжело дыша.

Вова потряс его за плечо:

— Что с вами, вам плохо?

Лысый пошарил руками вокруг себя, наткнулся на стол, оперся о него и осторожно сел, тупо глядя перед собой, моргая и слизывая с подбородка слюну. Судя по звукам, групповуха закончилась, и вообще, вагон поутих, слышались только негромкие отдельные голоса. Вова глянул на часы — полтретьего ночи. Он негромко спросил у Наташи:

— Ты спать собираешься? Я так уже хочу. Когда здесь обычно ложатся?

— Спать? — переспросила Наташа и расхохоталась. — Ты в вагоне для храпящих, придурок!

Петр сказал, вздохнув:

— Я... тоже хочу спать.

— И я! — вякнул Ваня.

— Мы все хотим спать, — угрюмо сказала Наташа.

— Так спите, — растерянно предложил Вова. — Белье здесь сколько стоит?

— Белье? Ха-ха! — Петр засмеялся и икнул. Юноша заметил в пьяном взгляде лысого соседа подозрительность. — Да я десять лет белья не видел!

Вова поднял голову и посмотрел на третью полку, где обычно лежали свернутые рулоном матрасы, из середки которых выглядывали подушки. Наверху ничего такого не было.

— Он же не наш, — с отвращением воскликнула Наташа. — Обычный!

— Чужой! — взвизгнул Ваня и, ни с того ни с сего, пнул Вову.

— Эй, ты, дедок... — начал Вова, но проходивший мимо голый мужик перебил его:

— Где чужой?

— Он! — все трое указали на юношу.

— Инопланетянин, что ли? — ухмыльнулся голый. — Такого я еще не трахал! Щас попробуем...

— Он из тех, из нехрапиков, — сказала Наташа.

Из-за плеча голого высунулась небритая морда с фингалом:

— Чего-о? Чего это он здесь делает? Пускай к себе валит, урод!

— Это не я уро... То есть я не урод! У меня билет в этот вагон!

Около купе собирались мужики. Голый покраснел.

— Не ты урод? Хочешь сказать, это я — урод? Да я тебе щас, ублюдок...

Вова не успел отклониться. Голый ударил и попал Вове в глаз. Голова откинулась, и Вова съехал вниз.

— Ты че, Васек! — заголосили сзади. — Че пацана бьешь!

— Он нехрапик, блять! — крикнул голый.

— Мочи его! — немедленно откликнулись сзади, и все накинулись на юношу, толкаясь и крича. Наташа, завизжав, вскочила на столик, оттуда — на вторую полку. Вова полез было под сиденье, но его вытащили за ноги и стали пинать.

— Что вы делаете, за что! — кричал юноша, закрывая руками голову и сжимаясь в комок. — За что?!

— Нехрапик хренов, урод, урод, — приговаривал Петр, тыча кулаком парню в бок. Кричала где-то Людочка, кричала наверху Наташа, кричали мужики, кричали, свистели, били...

...Перед глазами все расплывалось. С усилием собрав взгляд, Вова узнал склонившуюся над ним Людочку. Она протирала ему лицо холодной мокрой тряпкой.

— Ой, смотри, глаза открыл! — с верхней полки смотрела Наташа. — Ну что, дурачок, получил права человека?

Вова хотел ответить и не мог — высохшие губы затвердели, язык не шевелился. Голова кружилась, лица девушек все время заваливались на бок.

— Людочка, — протянул невидимый Вове Петр. — Когда же ты мне дашь, зайка моя?

Проводница продолжала осторожно вытирать Вове лицо.

— И какой идиот продал ему билет без справки, — приговаривала она, качая головой. — А ты, старый козел озабоченный, отвяжись. И так теперь с ментами проблем не оберешься из-за этого парня...

— Людочка... — заныл Петр.

— Отвянь! Ты уже ничего не можешь, на хрена я тебе давать буду! И вообще мне не до тебя, протокол еще составлять и подписывать.

— Все внимание уроду-нехрапику, — обиженно проворчал Петр, судя по голосу, отвернувшись. Вова не мог ответить, ему приходилось только слушать. — Ему все, а я и не человек вроде. Главное, ладно бы иностранцев каких гнобили, а то ведь своих! Своих!

— Да человек ты, человек! — с раздражением отозвалась Людочка. — Человек, блять. Но уже не мужик.

— Да у меня лучше всякого молодого встает! — возмутился Петр.

— Только кончить никак не можешь, — добила проводница.

На некоторое время в купе стало тихо. Потом Наташа вздохнула:

— Я бы сейчас поспала...

— Только попробуй! — вскинулась Людочка. — Этак каждый скоро спать захочет! Любой проводник с вами оглохнет!

— Мы и сами не уснем, — грустно ответила Наташа. — А знаете, уже светает...

— Точно! — оживился Петр. — Наташенька, давай перепихнемся?

— Пошел ты, — спокойно ответила девушка.

Вову тошнило. Он закрыл глаза и проговорил еле слышно:

— Я думал, у меня крепкий сон, и я засну... Других билетов не было...

— Да ты спи, спи, — быстро сказала Людочка, присаживаясь рядом.

— Нет уж, не спать — так всем! — возразил Петр. — Тоже мне, нашелся! Пусть терпит, осталось всего ничего.

Вове и с закрытыми глазами было плохо. Полка качалась и падала, он куда-то проваливался вместе с нею.

— Оставь его, — раздался над ним сердитый голос Людочки. Петр недовольно забормотал... И тут, на грани сознания, Вова услышал мощный храп. После чего сразу же — возмущенный голос Петра

— Лексеич!

— Пусть, пусть спит! — зашикали на него девушки.

— А я! Я тоже хочу! — чуть не плача, ответил Петр.

— Ну, иди ко мне в дежурку, а я тут посижу, — шепотом велела Людочка. — Сменщицу только не разбуди!

Петр ушел. Вокруг Вовы собиралась темнота и давила на виски и грудь...

В купе заглянули трое парней, участвовавших в драке.

— Менты зовут? — спросила Людочка.

— Ага, — ответил один. — А че, гаденыш, отрубился?

— Умер. — Людочка вскочила. — Пойду-ка я.

— Заходи потом к нам! — предложили парни. — Развлечемся!

Проводница показала им кукиш:

— Обломитесь, ребятки. Мне сейчас всех ментов обслуживать из-за вас, уродов! — И быстро ушла, звонко стуча каблуками.

— Эй, а мертвого здесь, что ли, оставите? — свесив голову, крикнула ей вслед Наташа, но Людочка не остановилась, не повернулась, ни слова не ответила.

Парни оживились.

— А это что за цыпа? Ты кто?

Наташа зло посмотрела на них:

— Отвалите.

— Не поэл, — Одевшийся голый двинулся вперед.

— Забей, Васек, — потянул его за рукав один из парней. — Мы ж за водярой шли.

— Я не поэл, — повторил Васек. — Че она тут выступает, самая крутая? Да я ей ща как вставлю, суке...

Наташа закричала, когда Васек схватил ее за ногу и потащил вниз. Второй парень помогал, а третий топтался вокруг и нудел:

— Забейте, мужики, далась вам эта баба... Идем за водкой, блять, у меня денег ни хрена нет, мужики...

— А че она, самая особенная, че ли, — бурчал Васек, расстегивая штаны. — Убери дохляка, Санек, койка нужна!

Наташа орала, вырываясь, на соседней полке храпел плешивый Ваня, а по коридору бежал Петр, крича:

— И меня пустите потом, ребята, меня пустите!

Е. М.

ФРАНК БОРШ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КАЖЕТСЯ, Я ПРИЕХАЛА.

Андреа неуверенно осмотрелась. Сквозь ветровое стекло было видно, что узкая и растрескавшаяся бетонная трасса упирается в ворота из стальных балок, ржавые, щедро обвитые колючей проволокой. Через трещины в бетоне уже пробивалась не только трава, но местами даже и молодой березняк.

Она завозилась на водительском месте — но разглядеть, что ожидает ее за воротами, все равно не смогла. Может быть, Томас был прав? И ехать сюда вообще не следовало?

— Деактивировать колонку новостей? — голос бортового компьютера настырно вклинился в ее сомнения. — Тогда тебе будет лучше видно.

Колонка новостей! Черт возьми, она совсем забыла о ней...

Андреа снова скользнула взглядом по ветровому стеклу, на сей раз — по нижней его трети, под алой линией. Там сейчас красовался заголовок главной новости киберархеологического канала: «Обнаружен фэн-сайт леди Ди! Сохранность идеальная: с 1995 года — ни единого изменения!» Далее следовал краткий комментарий и ссылка на веб-страницу.

Она едва не ответила компьютеру «Нет!». Это было ее дело, *главное* дело, она жаждала подробностей! Но... Она в любой момент сможет найти в Сети сведения об этом ископаемом сайте — а сейчас ей надлежало собрать в кулак всю свою волю, чтобы выбраться из машины и пройти, наконец, через эти ворота. На ее карточке оставалось не так уж много денег — их, пожалуй, не хватит, чтобы снова арендовать машину. А уж решимости на повторный рейд не хватит без всяких «пожалуй»!

— Да, деактивируй, будь так добр.

Алая полоса исчезла, информация под ней — тоже. Это не очень помогло, но теперь растрескавшийся бетон и восхитительно голубое небо над ним Андреа видела более отчетливо.

Окончательно собравшись с духом, Андреа откинула спинку сидения.

— Будешь ждать меня здесь! — очень спокойным голосом приказала она. Если я не вернусь через четыре часа — сообщи в оффлайн-полицию.

— Хорошо-хорошо, — успокаивающе проворковала машина (компьютер, разумеется, не проведешь: он отлично уловил нервозность даже в «очень спокойном голосе»). — Я уверен: это не понадобится. Ты обязательно вернешься вовремя!

— О`кей, — Андреа потянулась к багажному отделению, вытащила рюкзак. Заглянула внутрь. Коробка с модулями — на месте, а больше там ничего и не должно было лежать. — А теперь открой дверь.

— Еще секундочку, будь добра. Последняя маленькая условность.

— Какая условность? — Андреа вздернула брови.

— Я хочу сказать — формальность. Документальное подтверждение того, что ты здесь находишься по доброй воле и предупреждена о возможном риске. Не сердись, пожалуйста: такая подпись требуется от каждого.

Господи, еще и это... У Андреа снова возникло желание отступиться, повернуть назад, пока это еще возможно. Но она очень четко представила улыбку Томаса. Понимающую, дружескую, и все-таки — с затаенной насмешкой...

Нет, он не разлюбит ее, конечно. Но она-то осмелилась претендовать на совсем иное чувство. На уважение!

Палец сам собой потянулся к сенсору.

Дверь машины открылась. Кажется, компьютер на прощание приятным голосом пожелал ей удачи — но она уже не прислушивалась к его словам.

Холодный, не пропущенный сквозь климатизаторы воздух обжег кожу, скользнул в легкие. Ничего, терпеть можно.

Зато теперь она — в оффлайн-гетто. Точнее, на пути туда.

* * *

О том, что прибыл кто-то из-за *границы*, Райнер узнал много раньше, чем увидел его. Он понял, что это — женщина. Слитный хор детских голосов издали оповещал: «Мадам, пропуск! Ну, пожалуйста! Что вам стоит? Всего на часок! Пропуск! Хоть на полчасика!»

Райнер сделал было движение подняться с места — но так и не встал, поленился. В конце концов, невелика диковина! Конечно, туристы появляются в их краях не каждый день, но все-таки довольно регулярно. Хватает же людям смелости...

Тем туристам, о которых он сейчас подумал, особой смелости и не требуется. Стандартная ситуация: кольцо телохранителей, а в середине — группа старых, жирных, богатых особей... Интересно, ради каких зрелищ подобные индивиды сюда прибывают? Неужели только для того, чтобы полюбоваться на толпы онлайн-попрошаек, готовых, не будь вокруг охраны, ободрать их, как липку, не оставив даже солнцезащитных очков?

Наверно, именно ради этого. За живой стеной охраны они наслаждаются небывалым зрелищем: грязными улицами с играющими на них грязными детьми, видом крохотных магазинчиков, куда надо ЗАЙТИ (!), чтобы выбрать товар из СКУДНОГО АССОРТИМЕНТА (!!)... А некоторым даже выпадает счастье увидеть почтальона, разносящего по домам БУМАЖНЫЕ (!!!) письма...

Ну и, конечно, остроты ощущений туристам добавляет восхитительное чувство собственной безопасности.

Шум приблизился. Райнер, не справившись с любопытством, все же встал, подошел к окну. Странно — он не увидел знакомую картину. Стайка босоногих детей выплясывала на мостовой, но богатое старичье с телохранителями в этой толпе не наблюдалось.

С большим опозданием он понял, что привычной группы туристов на улице, собственно, и нет. Одна женщина из Онлайна. Одна. И — только детвора вокруг. Самые дерзкие попрошайки дергали ее за одежду и за рюкзак — но женщина, ослепительно улыбаясь им, продолжала двигаться вперед.

«Что тебе здесь нужно?!»

Меньше всего Райнеру хотелось бы встретиться с ней взглядом. Он ненавидел такие ощущения: поневоле чувствуешь себя зверем из зоопарка, на которого пришли поглазеть.

Хотя... Сейчас между посетительницей и обитателями зоопарка нет решеток. Так что, мадам-из-Онлайна, какая бы цель тебя сюда, в ад из рая, ни привела — твоя смелость действительно вызывает уважение.

Райнеру потребовалось несколько лет только для того, чтобы... Ладно, оставим эту тему.

На вид женщине было лет двадцать с небольшим, но при определении возраста обитателей Онлайна нужна осторожность. Может быть, ей — вдвое больше: жизнь в полностью климатизированном мире почти не оставляет следов на коже. Еще сильнее, чем непривычно гладкая кожа (у всех туристов такая!), Райнера поразила необычность ее движений и походки. Трудно сказать, в чем тут было дело. Наверно, в отсутствии неторопливой уверенности...

Райнер отстранился от окна. Теперь он точно знал: это не обычная праздная туристка. Возможно, даже не туристка вообще.

Он осторожно приоткрыл входную дверь.

— Эй, Паула! — донесся возглас кого-то из ребятишек. — Что ей здесь нужно? Ей что, у нас понравилось?

— Вряд ли! — ответил девчоночий голос. — У, ж-жадина! Ни минутки пропуска никому не дала, представляешь?

Райнер судорожно сглотнул.

— А, брось! Они все такие: на халяву у них пропуск не выпросишь. Что ей надо-то?

— Ин-фор-мацион-ный чип какой-то. Слышал о таких вещах?

— Не-а...

— Одну секунду, ребята, — Райнер распахнул дверь. — Информационный чип?

— Да, вроде так она это называла...

— Подождите-ка...

Он ненадолго скрылся в доме. Вернувшись, протянул девчонке (это, надо полагать, и была Паула) квадратик черного пластика с чем-то вроде металлической пластины на одной из сторон.

— Передай ей. За это она даст тебе немного онлайн-времени.

Девочка недоверчиво осмотрела незнакомый предмет — но потом, очевидно, все-таки решила, что ее не разыгрывают. Быстрым движением выхватила из рук Райнера квадратик и тут же помчалась прочь.

— Обожди! (Девчонка не то чтобы остановилась, но слегка придержала бег.) Не говори ей, что это тебе дал я. Скажи, что знаешь место, где такие штуки есть. Много! Понимаешь?

Не оборачиваясь, Паула кивнула на бегу. И скрылась за углом.

Теперь ему оставалось только ждать...

* * *

Андреа увидела девочку издалека: та уже ждала ее под старым каштаном, где они в прошлый раз договорились встретиться. Самая обычная девочка! И место встречи самое обычное.

Страха уже не было — теперь она с улыбкой вспоминала свою первую вылазку в Онлайн. Тогда Андреа внешне удавалось держаться, но она почти ничего не соображала от тошнотворного, липкого ужаса. Это, конечно, никуда не годится — впадать в такую истерику при виде всего лишь малолетних онлайн-попрошаек! В тот раз она повторяла про себя, как заклинание: «Здесь живут обычные люди, они ни чем не хуже, чем *там*...»

Паула, конечно, испачкана гораздо больше, чем любой ребенок Онлайна, вдобавок солнце покрыло ее лицо неприятным загаром. Но живости и непосредственности в этой девочке побольше, чем в ее тамошних сверстниках.

...А Томас, между прочим, не звонил ей именно со времени ее первой вылазки. Ни разу! Он не любит, когда у нее хоть что-нибудь хорошо получается!

Андреа поспешно затолкала эту мысль обратно в подсознание.

— Привет, Паула!

Против ожиданий, девочка не вскочила, даже не повернулась в ее сторону. Так и продолжала сидеть на обломке строительного блока, уставясь себе под ноги.

— В чем дело? Ты что, не рада меня видеть?

— Рада, — Паула наконец-то соизволила поднять взгляд.

— Ну и? Почему ты так куксишься?

И тут же Андреа догадалась, почему!

— Я принесла тебе хорошую порцию онлайн-времени! Вот модуль, видишь?

— Спасибо, — Паула произнесла это с неожиданным равнодушием. — Мне не нужно.

— Нет, *нужно*! — Андреа была уверена в своей правоте. — У тебя больше нет дискет, да? И ты боишься, что теперь тебе нечем заработать на выход в Онлайн?

Девочка уныло кивнула.

Андреа задумалась. Ей нужно было *больше*: вообще-то она уже и сейчас добилась очень неплохих результатов, интерес к ее сайту начал устойчиво расти — но, если не последует достойного продолжения, все вернется на прежний уровень. Именно все. Включая и ее саму.

Полевые исследования всегда чреваты большим риском, чем чисто теоретическая работа...

— Не волнуйся! — утешила она девочку. — Ты ведь знаешь того, кто может достать дискеты, правда? Познакомь меня с ним — и получишь еще порцию времени!

После секундной паузы Паула отрицательно качнула головой. Но эта пауза не укрылась от внимания Андреа.

— Три онлайн-часа. Только подумай: целых три часа — за одну встречу с этим человеком!

Однако ей пришлось поднять оплату до целых двадцати часов, прежде чем соблазн оказался достаточно велик, чтобы перевесить страх. Или что уж это было.

Рука об руку они прошли через захламленные переулки и дворы, несколько раз ныряя в подворотни. Миновали главную улицу района, единственную в какой-то мере приличную. Наконец, Паула кивком указала своей спутнице на трехэтажный дом с облупившимися стенами:

— Вот здесь. Его зовут Райнер. Только...

— Что?

— Не говори ему, что это я про него рассказала, ладно?

— Обещаю.

Андреа отдала девочке весь модуль целиком. Потом собралась с духом — и направилась ко входу.

Звонка на двери не было. Она постучала.

* * *

Райнер не был особенно удивлен, услышав нерешительный стук. Так вести себя *здесь*, разумеется, мог только онлайнер. Точнее — онлайнерка.

Ну что ж, как раз пришел срок ей до него добраться!

Он открыл дверь — и невольно сделал шаг назад.

Она была еще прекраснее, чем ему запомнилось. Высокая, стройная. Не поздешнему холеная. Молодая. И — взгляд. Неповторимый взгляд прирожденного онлайнера, человека, родившегося и живущего в настоящем, подлинном мире...

Сейчас, правда, в этом взгляде застыло сомнение пополам с опаской.

— Извините. Я не хотела бы отвлекать вас от ваших дел, но...

— Нет-нет, вы меня ни от чего не отвлекли, — Райнер уже взял себя в руки. Если честно, то я вас ждал. Причем именно сегодня.

— Вы... — глаза ее округлились. — Вы ждали *меня*?

— Да, только не волнуйтесь. Видите ли... Это я давал Пауле дискеты. И сегодня утром она пришла за ними снова. Но я сказал ей, что дискет у меня больше нет. И предупредил, чтобы она ни в коем случае никому обо мне не рассказывала. Так что, сами понимаете, это был вопрос всего нескольких минут — когда она проговорится. Вы, наверно, уже успели узнать здешних детей, не так ли? Они пойдут на все, чтобы получить несколько лишних часов онлайна! — Райнер сокрушенно пожал плечами.

— А зачем все это... вам?

— Заходите, пожалуйста, — Райнер вежливо посторонился, игнорируя вопрос. — Здесь неподходящие условия для серьезного разговора.

Он видел, что она колеблется, но не сомневался в исходе. Этой женщине требовались дискеты! А он сейчас был единственным ее шансом.

«Что он задумал?»

Андреа не смогла ответить себе на этот вопрос. Но стоять в дверях было глупо. И она переступила порог.

Райнер провел ее в гостиную, предложил сесть в лучшее из находившихся там кресел, а сам удалился на кухню готовить чай. Когда он украдкой заглянул в комнату, то заметил, что онлайнерка, уже преодолев испуг, с интересом изучает обстановку дома.

С этой минуты он твердо знал, что выиграл.

Конечно: она ведь никогда не видела человеческого жилья, в котором не было бы компьютера! Теперь ей хотя бы из профессионального любопытства нужно как следует изучить этот феномен.

Райнер подал своей гостье чай на подносе, вырезанном из старой автомобильной покрышки. Они чинно уселись друг напротив друга и какое-то время вели застольный разговор ни о чем, старательно избегая темы визита. Райнеру удалось не заговорить о ней первым — и это стало очередной его победой.

— Ну, хорошо. И все-таки скажите: зачем вам это нужно? Такой обходной путь: сначала даете дискеты этой девочке, а потом...

Райнер нервно провел рукой по волосам. Пора переходить к главному.

— Я могу говорить с вами откровенно?

— Да, — произнесла Андреа, вставая.

— Так вот, говоря откровенно — я просто хотел с вами познакомиться.

— Вы не ответили, — Андреа продолжала стоять. — Зачем было для этого прибегать к такому способу? Почему вы просто не подошли ко мне, не заговорили?

— А теперь *вы* ответьте мне откровенно: разве вы смогли бы говорить со мной, как с равным? Не восприняли бы меня как очередного онлайн-попрошайку?

— А вы им не являетесь? — женщина смотрела на него в упор.

— Нет, не являюсь. Представьте себе, я вообще не рвусь в Онлайн. Мой мир — здесь! А здесь, — Райнер сделал нарочито обобщающий жест, словно бы включив в него не только свою квартиру, но и все гетто вместе с его обитателями, — нет места компьютерной реальности.

Андреа промолчала. Ей нечего было ему возразить. Она и сама знала, что, даже щедро расплачиваясь в гетто онлайн-часами, по существу, не много отдает. Ни при каких обстоятельствах этих часов не могло хватить на самое скромное из благ настоящего мира! Фактически оффлайнеры проникали туда, лишь как зрители. Краткий отрезок времени, ничтожную долю жизни провести, расплющив нос о виртуальное стекло роскошной витрины, жадно разглядывая выставленные за ним недоступные диковины, — а потом...

Да, этот человек прав. Лучше уж совсем не иметь того, чего все равно никогда иметь не сможешь.

— И все-таки я хотела бы знать: есть ли у вас еще дискеты?

— Ах, это? Да, есть. Я нашел их в развалинах старого квартала. По правде говоря, я понятия не имею, для чего они служат и что с ними делать.

«Зато я имею об этом понятие», — подумала Андреа. Но вслух сказала совершенно иное:

— И сколько ча... Я хотела спросить — что вы за них хотите?

— Ничего, — быстро ответил он — и вдруг замялся. — Вернее — совсем немного. Мне очень хотелось, чтобы вы еще раз навестили меня... ну, хотя бы просто, как гостья. Скажем, на следующей неделе. Такая плата не покажется вам чрезмерной?

* * *

Ее машина остановилась на привычном месте возле обвитых колючей проволокой ворот. Компьютер больше не лез в душу с замечаниями: для него эти визиты уже стали рутиной.

Андреа быстро проверила рюкзачок. Так, один модуль для той девочки... Паулы, кажется... шоколад для встречных попрошаек, если уж очень приставать будут... И главное: сюрприз для Райнера!

Отработанным движением приложила большой палец к сенсору, зафиксировав подпись. Мимоходом бросила взгляд на колонку новостей, настроенную сейчас на ее персональный сайт. За последние сутки — свыше двадцати тысяч посетителей. Неплохо!

Следует признать: смелость порой приносит очень хорошие дивиденды. Хранившиеся на дискетах материалы — а это оказался рабочий дневник и график деловых встреч средней руки банковского служащего эпохи позднего XX века — произвели в среде киберархеологов небольшую, но вполне настоящую сенсацию.

Вот если бы еще Томас позвонил... Но нет, не надо о Томасе. Во всяком случае — не сегодня.

На пути к дому Райнера ей и вправду пришлось несколько раз расплачиваться шоколадом с местной детворой. Пропуск в Онлайн они у нее уже не просили: знали, что бесполезно.

Она без стука взялась за ручку двери — и дверь послушно отворилась. Ну конечно: ведь Райнер ждет ее!

Андреа улыбнулась, вспомнив, как еще недавно входила в этот дом с опаской и недоверием. Неужели в самом деле недавно? Эти события отодвинулись от нее теперешней так далеко, словно происходили в другой жизни...

Райнер сейчас был на кухне — готовил ужин. Сам! Собственными руками! Да, при всей тяжести и неустроенности здешней жизни, Андреа готова признать в ней некое первобытное очарование. Собственно, она согласна была это признать еще с тех пор, как ее носовой фильтр, должным образом настроившись, стал уверенно блокировать телесные запахи аборигенов.

— Привет! — радостно выкрикнула она.

Райнер улыбнулся в ответ и рукой с зажатой в ней ложкой указал на гостиную. Андреа поняла: трапеза еще не готова, ему требуется несколько минут. Она села в привычное (сколько вещей тут сделались привычными!) кресло и приготовилась ждать.

Ужин был великолепен. Райнер, как все оффлайнеры, мог позволить себе только консервы — но и из них он умудрялся творить чудеса.

Конечно, еда интересовала Андреа в последнюю очередь: дома она могла заказать не менее вкусные блюда. Гораздо интересней были разговоры с Райнером. Она прежде и не предполагала, что познания оффлайнера могут быть так обширны, а мысли — столь глубоки!

Ей даже подумалось однажды, что Райнер не всю жизнь провел в Оффлайне. Но как и при каких обстоятельствах он попал сюда — этого Андреа пока не осмелилась спросить.

Вино они пили настоящее: его Андреа принесла с собой.

Когда Райнер откупорил вторую бутылку, Андреа поймала себя на том, что любуется скупой безошибочностью его движений. А когда была открыта третья — придвинулась к Райнеру вплотную, насколько позволяли кресла, и даже ближе.

«Это для того, чтобы ему было удобней наполнять мой бокал», — объяснила она себе. И, когда бокал был наполнен, — прильнула *еще* ближе.

Ничего не случилось. Райнер не отреагировал, даже когда она обвила рукой его шею.

— Хочешь еще кофе? — он поднялся, сделал шаг в направлении кухни.

«Проклятый онлайн-попрошайка!»

Андреа тоже встала. Уже не таясь, потянулась к Райнеру обеими руками. Обняла его. Прижалась всем телом.

Он продолжал стоять, как будто ничего не произошло.

«Что с тобой? Ты не хочешь меня?»

Наконец он тоже обхватил ее, прижал к себе — и Андреа, содрогаясь от нетерпения, впилась поцелуем ему в губы.

...Пришла в себя она на кровати, в спальне Райнера. Кажется, разбудила ее непривычная темнота и тишина: ни мелодичного звона вновь поступивших сообщений, ни выведенных на стены, оконные стекла и потолок информационных колонок... Райнер лежал рядом с ней, мерно и спокойно дыша. Его такие проблемы не беспокоили.

Андреа приподнялась на локте — и вдруг поняла, что Райнер в очередной раз позаботился о ней. На ночном столике с ее стороны лежала упаковка снотворного. Лекарство было знакомым, но она еще раз перечла инструкцию. Да, правильно: две таблетки сразу...

Ох, как она устала!

Между прочим, надо будет рассказать Томасу про эту ночь. Насколько она его знала, он — хотя бы только из ревности! — после этого непременно перестанет ее

игнорировать, попытается возобновить отношения... Замечательная идея! Вот прямо сейчас она ему все и расскажет... Все-все...

* * *

Райнер нашел машину Андреа там же, где она и была припаркована: на привычном месте. Открыл дверь. Положил в багажное отделение рюкзак с дискетами.

Колонка новостей автоматически возникла на ветровом стекле. Он деактивировал ее. Еще будет время туда заглянуть.

Достал из кармана аккуратно, по суставу, отрезанный большой палец. Несколько секунд сидел, уставясь на чистую, почти бескровную линию среза.

«У тебя не было выбора, друг. Не переживай: она закажет себе новый. Трансплантация сейчас стоит не так уж дорого!»

Прикоснулся подушечкой пальца к старт-сенсору. Мотор ожил.

Таким же образом переключился на ручное управление. Взялся за руль. К счастью, на этом уровне не было индивидуальной блокировки: руль слушался.

И, не оглядываясь, рванул с места.

Теперь он снова принадлежал к НАСТОЯЩЕМУ миру...

Перевели с немецкого Григорий и Михаил Панченко

Франк Борш родился в 1966 г. в небольшом городке Пфорцхейм (земля Баден-Вюртемберг, ФРГ). Фантастикой увлекся в 10-летнем возрасте, когда ему в руки впервые попали приключения «Перри Родана» (известного «коллективного» героя и даже как бы коллективного автора немецкой фантастики). В бесконечный цикл, повествующий о приключениях Перри, входили — и до сих пор входят — главным образом развлекательно-коммерческие фантастические боевики, однако Франку повезло: его внимание приковали романы, принадлежащие перу Вильяма Фольца, самого психологичного из авторов, обслуживавших цикл в 70-е гг. В настоящий же момент любимыми писателями Борша являются Альфред Бестер, Филип К. Дик и Урсула Ле Гуин.

В 1996 г. заканчивает университет во Фрейбурге (специальность — английский язык, история). Тогда же устанавливает контакты с издательством Heyne и с одним из редакторов отдела фантастики, знаменитым Вольфгангом Йешке. В следующие два года переводит для издательства ряд англоязычных НФ-романов, не вставая при этом на литературную стезю окончательно. Вообще же жизнь Борша богата «нелитературными» событиями: тут и 10-месячное пребывание на Ближнем Востоке (в качестве «обслуги» одной из гуманитарных миссий), и подработки сперва водителем, а потом упаковщиком, и работа учителем немецкого языка в ирландской школе...

Печататься как автор НФ-рассказов начинает в 1998 г. Рассказ «Полевые исследования» — один из самых отмеченных критикой. В 2001 г. писатель входит в коллектив, работающий над все тем же Перри Роданом (пока — как редактор). В марте 2004 г. становится одним из полноправных авторов неумирающего цикла «Перри Родан».

МИХАЭЛЬ ЭНДЕ

КРЫЛЬЯ ОТЦОВСКОЙ РАБОТЫ

ЛЕТАТЬ ОН УЧИЛСЯ ПОД ОТЦОВСКИМ РУКОВОДСТВОМ. Разумеется, во сне. Крылья ему тоже пришлось творить во сне, опять-таки под руководством отца и при его помощи, можно сказать — вместе. Кость за костью, мускул за мускулом. Перо за пером. По нескольку часов в день, то есть в ночь; долгие годы.

Труднее всего было добиться правильной формы там, где крылья переходили в лопатки. Свою спину невозможно увидеть даже во сне — так что приходилось включать воображение. Впрочем, правильный взмах освоить было не легче. Даже самые элементарные движения требовали длительных тренировок. А уж подняться в воздух, пусть даже на секунду, он смог только после ОЧЕНЬ многих неудачных попыток.

Но он — смог. И он всегда знал, что сможет. Отец был предельно требователен, даже строг — но теперь мог, наконец, гордиться своим сыном.

Через некоторое время тело освоило крылья настолько, что теперь они не хуже, чем руки, ощущали боль, усталость или, наоборот, мышечную, телесную радость удачного полета. Правда, после этого надлежало преодолеть еще один барьер, теперь уже психологический, а именно — полностью и навсегда забыть о той поре, когда крыльев у него не было. Но им с отцом удалось и это. Да, крылья — это его плоть, они принадлежат ему от рождения, как те же руки или глаза!

Теперь он был готов к Экзамену.

...На самом деле город Лабиринт покидать отнюдь не запрещалось. Наоборот! Того, кому удавалось это сделать, чествовали как героя, его поход превращался в прекрасную сагу, которая помнилась веками. «Прекрасную» — потому что выйти за городские пределы мог лишь абсолютно, безупречно счастливый человек.

«Только выйдя из Лабиринта, можно достичь счастья; но только счастливый выйдет из него». Это был главный закон города, не менее парадоксальный, чем все остальные его законы, и при этом столь же незыблемый.

За тысячелетия, на которые простиралась городская память, таких счастливцев нашлось немного.

Кандидатом тоже не всякий решался стать, потому что кандидатам предстоял Экзамен. И в случае несдачи его...

Да нет же, самому кандидату никакая кара не грозила. А вот его учителю — да. Тяжелая и долгая, о которой лучше не говорить.

...Понимаешь, даже такие крылья не выдержат большой вес, — отцовский голос был очень серьезен. — Но ведь тот, кто по-настоящему счастлив, — легок!

Тут отец на какое-то время замолчал. Бросил на сына долгий взгляд.

— Ты счастлив, сынок? — спросил он после паузы.

— Да, папа...

Ну, если только в этом заключалась опасность, то ему она не грозила! Сын был счастлив так, что мог лететь даже без крыльев. Счастье и любовь, любовь ко *всем* и *всему*, переполняли его молодое сердце: даже места для иных чувств там не оставалось. И он твердо знал, что сдаст Экзамен, что его девушка — да, у него уже была девушка — встретит его вечером на пороге своей комнаты с голубыми, под цвет неба, обоями, и он подхватит ее на руки, и тяжесть ее будет не больше, чем вес лунного луча, так что крылья выдержат их обоих, поднимут над городом, понесут за его пределы. И Лабиринт останется внизу, внизу и позади, как игрушка, для которой они оба вдруг стали слишком взрослыми...

По древним правилам, кандидат должен был прибыть на Экзамен нагим, точнее — без того, что в обычное время считается одеждой. Он, например, был сейчас закутан в мелкоячеистую рыболовную сеть, и эта сеть длинным шлейфом волочилась за ним, сперва по коридору, затем по лестнице, а потом и по мостовой, когда дом, наконец, остался позади.

Нет, это ему не мешало. Ему вообще ничего сейчас не мешало, даже мысли о Задании. Всем ведь известно: задания никогда не бывают одинаковы, но они *всегда* оказываются по силам кандидату, тут не в сложности дело.

Вот только в комнату с обоями под цвет неба ему, пока не завершится экзамен, путь закрыт. Это — тоже одно из древних правил. И нарушение его равнозначно провалу.

Он даже улыбнулся, вспомнив жесткое, почти яростное выражение на лице отца, когда тот впервые рассказал ему об этом правиле. Отец считал, что этот закон будет соблюсти тяжелее всего. Да нет же! Уж до конца экзаменационного дня он как-нибудь выдержит!

И вообще: ты хорошо готовил меня, папа. И я теперь знаю — грош цена тем, кто, едва узнав о каком-то правиле, тут же спешит его нарушить просто потому, что оно существует.

Лабиринт заслуживал своего названия: улицы его были столь запутанны, что, даже зная дорогу, приходилось петлять — в результате высотный дом-башня, где — на верхнем этаже, под самой крышей! — и находилась комната с небесно-голубыми обоями, попадался на пути уже дважды. Вроде бы дому полагалось один раз оказаться по левую руку, а другой — по правую, но как-то так вышло, что оба раза он, кажется, подходил к зданию с одной и той же стороны. Дом номер 401.

И оба же раза он проходил мимо, не останавливаясь. Даже если Экзамен уже начался — это не могло быть настоящим Заданием. Задание, как всем известно, выполнить труднее. Намного, неизмеримо труднее!

Все, кто попадался ему по дороге, конечно, были из числа несчастных. Ну, может, просто недостаточно счастливых — недостаточно, чтобы выйти на Экзамен. В их взглядах перемешалось все — от восторга и искреннего пожелания ус-

пеха до зависти. Но это тоже не могло умалить его счастья. Отец хорошо подготовил его, к тому же Лабиринт был устроен так, что намеренно, подстерегая, никто кандидата встретить не мог: только — случайно, выходя на улицу совсем по другому делу. Улицы сами заботились об этом.

Можно, конечно, думать, что за встречи в ответе не Случай, а Судьба. Но и эта мысль не ложилась грузом на его счастье.

...Невод что-то рванул, и сын впервые оглянулся.

Этот человек был не просто нищим — он, вдобавок ко всему, был еще и калекой. И вышло так, что именно своей деревянной ногой он наступил на сеть, запутался в ее ячейках.

Случайно?

— Зачем это тебе? — спросил сын.

— Пожалуйста, дай мне немножко твоей жалости! — попросил тот. — Совсем чуть-чуть! Тебе не станет от этого намного тяжелей — а вот мне станет намного легче.

— Намного?

— Ну, да! Я ведь не ты, мальчик: мне никогда не накопить столько счастья, чтобы выбраться из Лабиринта. Да и не счастья же я у тебя прошу, правда? Дай мне самую малость своей жалости, капельку — ну, и забери такую же капельку моего несчастья... Тогда счастье, хоть какое-то, придет ко мне само собой — сегодня же вечером, когда ты взлетишь над городом... Ты ведь не откажешь мне, правда? Я знаю: такие, как ты, редко отказывают в этой просьбе. Ведь твое счастье от этого не убудет — а мое... а мне...

— Хорошо, — сказал сын. — Бери. И... Ну, в общем, я буду рад, если это тебе поможет.

Он сделал всего несколько шагов — и вдруг наткнулся на женщину, изможденную, плохо одетую. Одного ребенка она несла на руках, двое — такие же оборванные и изможденные — держались за ее подол.

Сын никогда не думал, что в Лабиринте такое возможно. Законы Лабиринта загадочны — но ведь не был он злым городом!

— Ты не можешь отказать мне в том, в чем ты не отказал ему!

Ненависть была в ее голосе. Но когда она протянула руку, чтобы коснуться сети — сын не отстранился, не остановил ее.

И вот тут он впервые почувствовал тяжесть. Пока еще не очень большую.

А потом так и пошло. Все-таки богат оказался Лабиринт по-настоящему несчастными. И каждый из них, прикоснувшись к рыбачьему неводу, словно что-то вплетал в него. Тяжесть изношенной обуви и жемчужного ожерелья, тяжесть букета роз, тяжесть денежного мешка — все оседало на нем. Однажды сети коснулся ребенок — и сеть приняла тяжесть домашней зверюшки, маленькой, недавно умершей.

Тяжесть плотницкого инструмента. Тяжесть калитки, которую никогда не распахнет кто-то, ушедший навсегда.

Тяжесть...

Сумерки опускались на Лабиринт. Конец Экзамена был близок: начавшись днем, он завершится вечером. Сын не остановился — он шел, хотя теперь его, казалось, гнула к земле вся тяжесть города. Шел, склонившись вперед, чтобы не упасть. Шел, будто сквозь штормовой ветер. Пот, как кровь или слезы, крупными каплями падал с его лица.

Он знал: это и есть Задание. И решить его, выходит, можно только так.

Вечер сгустился темнотой. Срок Экзамена миновал — но никто не вышел к кандидату, не сообщил ему, верно ли поняты им условия Задания, и если да — правильно ли оно выполнено.

Он — шел. Неподъемный груз свинцово лежал на его плечах. А потом как-то вдруг — Лабиринт способен и не на такое — он оказался не на улице, а на крыше дома-башни. Того самого, под номером 401.

Никогда он не думал, что отсюда может быть виден берег — темная вода, узкая полоска песчаного пляжа. Наверно, прежде и не было ничего подобного в этой части Лабиринта. А теперь — есть. И видно его, как днем.

Несколько человек сейчас стояли на песчаной полосе. Такие же, как он... как *был* он, выходя из дома: легкие, крылатые. И кто-то — его не было видно, но были слышны его слова — сейчас говорил им, что они все сделали правильно. И что теперь они могут лететь.

— Эй! Подождите! Вы забыли меня!

Сын выкрикнул это изо всех сил, но никто не оглянулся на его крик. Он рванул с плеч сеть — однако не смог ее сбросить.

— Папа! Отец! Да помоги же!

Теперь он стоял на самом краю карниза. Но сеть не давала сдвинуться ему ни на шаг. Сдвинуться, чтобы взмыть над Лабиринтом — или...

Уже нельзя было различить на пляже крылатых фигур. Но кто-то еще все же стоял на песке. Девушка. Вся закутанная в черное.

И с пронзительной ясностью он вдруг осознал: это — *его* девушка. А комната с небесного цвета обоями — та, что находилась всего несколькими метрами ниже, прямо под его ногами, — пуста.

Мерный цокот копыт. Черная карета без окон едет по полоске светлого песка, приближаясь к девушке. Без окон? Нет, одно окно там все-таки есть. И кто-то смотрит оттуда, изнутри, из темноты. Расстояние — слишком большое, чтобы хоть что-то можно было различить, — вдруг словно исчезло.

Он узнал это лицо, этот взгляд. Так смотрел на него отец — сегодня утром, когда он выходил из дома, легкий от счастья...

Карета на миг остановилась, закрыв девичью фигурку. А когда вновь тронулась — никого больше не было на блестящем под луной или солнцем песке.

И он понял, что Экзамен не сдан. Потому что условием Задания на этот раз было не сострадание — а, наоборот, противодействие, непокорность.

И крылья, отделившись от спины, упали к его ногам — легкие, мгновенно увядшие, как осенние листья.

Но он даже не посмотрел на них. Все это больше не имело для него значения. Он принадлежал Лабиринту.

Перевели с немецкого Григорий и Михаил Панченко

Михаэль Энде (1929–1995) – один из замечательнейших немецких авторов. Пробовал силы чуть ли не во всех жанрах (включая театральный: как режиссер и автор нескольких пьес). Перу Энде принадлежит ряд вполне «взрослых» романов, в т. ч. и исторических с элементами фантастики, но наибольшую популярность он завоевал на ниве детской литературы: очень своеобразной, но, несомненно, фантастической. В этих его книгах литературная сказка и подростковая фэнтези причудливо сочетаются с притчей и элементами символизма. В некоторых случаях это порождает у переводчиков и кинорежиссеров соблазн прибегнуть к упрощению: так, очень непростой, при всей «детскости», роман «Момо» был переведен на русский язык в сокращенно-урезанном варианте. А голливудский бестселлер «Бесконечная история», формально являющийся экранизацией «Бесконечной книги» Энде, в действительности перенес на экран только ее первую часть, лишь подводящую читателя к по-настоящему серьезным (хотя по-прежнему чрезвычайно динамичным!) главам. Продолжения же «Бесконечной истории» как экранного проекта уже вовсе ничего общего с книгой не имели...

Кроме работ «крупного жанра», Михаэль Энде до последних лет своей жизни регулярно публиковал короткие фантастические притчи. В этой области творчества он предстает иногда автором настолько мрачным, что трудно поверить в его причастность к самым популярным (пусть тоже не безоблачно-оптимистическим) произведениям детской классики.

Книги Энде переведены на все основные языки мира. У нас они начали появляться с большим запозданием, уже в постсоветское время (см. рецензию в этом номере). А с его «взрослыми» произведениями наш читатель до сих пор не знаком. Перевод этого рассказа – первая попытка такого знакомства.

МАК СИМ (ДМИТРИЙ МАКАРОВ & ЭРИК СИМОН)

ПОГОНЩИК ОБЛАКОВ

Бывают же и в августе дни, похожие на осень: не то чтобы холодно было, но прохладно; дождя нет, но по небу плывут светло-серые облака. Быстро плывут. А тишина — летняя еще. Каникулы, многие уехали в отпуск. Другие, как мои родители, на работе. В десять часов утра улица совсем пуста. Чувствуется, что лето собирается уходить. Как и я в этот день. Не сбегать из дома, не отправиться куда-то или за чем-то. Просто уходить. Без подготовки, без причины. Я надел летнюю куртку и обувь, взял из шкафа полторы плитки шоколада, начатую и целую. Мне было двенадцать лет. Конечно, далеко я тогда не ушел. Но ушел. Так было нужно.

Я до сих пор толком не могу объяснить это, я даже не помню, какой именно это был день. Много позднее, уже взрослым, я даже стал сомневаться — а может быть, это ложная память, приснилось когда-то? Но вот настроение мое я помню точно, собственно, это единственное, что осталось в памяти от тех дней: живешь как будто в пустоте, или в вате, в тумане каком-то. Друзья мои все уехали с родителями, я читал давно уже прочитанные книги, вообще-то я тогда много читал, а городская библиотека закрыта. Дни все одинаковые, через неделю я уже не знал, что именно делал весь день до возвращения родителей. Телевизора у нас тогда еще не было. Да, давно это было. Радио слушать я мог, но делал это редко. И это не по нашему радио, а через открытое окно, из какой-то соседней квартиры я услышал песню, из которой отчетливо помню только конец — может быть, я вообще только конец и расслышал:

...туда, где этой грусти нет
пойду своей дорогой вслед
за облаками.

И я пошел. Сперва по нашей улице, по Садовой то есть, потом свернул на главную — тоже довольно узкую и плохо мощеную дорогу, мимо магазинов и ресторана за церковью. Ресторан, кажется, был закрыт еще, развеселая его вывеска каким-то нелепым бесформенным красным пятном болталась, раскачиваемая ветром. Наткнулся на пустую консервную банку, и пиная ее, пошел — мимо автобусной остановки и дальше. Так и шел бы за своей пустой банкой... Но когда я ею случайно попал в столб дорожного знака и ее отбросило назад, я обернулся и увидел за собой единственного прохожего на пустой улице.

Я в маленьком нашем городишке многих знал, но этого человека еще никогда в жизни не видел. Он неторопливым шагом давно идущего путника брел по улице и поглядывал то на небо, то себе под ноги. Он был высок, худ и немолод. Борода с проседью, потрясающе огромная шляпа и какая-то невероятная темно-серая хламида. Да еще и длинная тяже-

лая суковатая палка. Я остановился и стал ждать. Мне тогда казалось — этот человек настолько велик, что закрывает собой всю улицу и, двигаясь меж домов, цепляет полями шляпы черепичные крыши. Но, когда незнакомец подошел поближе, оказалось, что он ничуть не больше обыкновенного мужчины. Хотя, может быть, все-таки больше. Чуть-чуть.

— Здравствуй. Как тебя зовут? — сказал он и, не останавливаясь, пошел дальше, но сделал рукою знак идти за ним. — Ты извини, я не могу остановиться — дела...

— Я понимаю, — сказал я, ничего не понимая, развернулся и догнал незнакомца. Банку я бросил. — А какие у вас дела?

— Очень-очень важные. Будь они хоть чуточку менее важными, я занимался бы чем-нибудь другим. Так как все-таки тебя зовут?

— Тим. А вас?

— Никак. Когда-то у меня было имя, как у всех, но это было очень давно, и я все позабыл. — Он вздохнул и замолчал, задумавшись. Мне стало неудобно.

— А куда вы идете?

— На северо-запад, к морю.

— А зачем? И почему идете туда, а не едете?

— Так нужно.

— Вы не хотите мне ничего рассказывать. Почему?

— А зачем это тебе? Или кому-нибудь еще.

— Так, — ответил я, — интересно просто.

Мы прошли немного молча.

— А почему у вас в городе никого нет?

— Лето же. Каникулы. Все уехали, — ответил я, хотя прекрасно знал, что только мои друзья все уехали. Но большой разницы тут не видел.

— Каникулы, — сказал незнакомец немного грустно. — Не работают. А я уже забыл, что можно ничего не делать.

— А вы и сейчас работаете? Сейчас, когда идете здесь и разговариваете со мной?

— Да, я всегда на работе. И уже очень давно.

— А что вы сейчас делаете? Или вообще?

— Я пасу облака.

— Как это — пасете облака? Это же не коровы.

— Нет, облака это не коровы, но очень на них похожи. Иногда.

— Не понимаю, — сказал я и остановился.

— Чего тут непонятного? — проговорил незнакомец и, оглянувшись через плечо, спросил: — А что, старик Вернер с Садовой еще жив?

Я быстро догнал его и, забежав немного вперед, заглянул в лицо.

— Не знаю я старика Вернера. Вообще на Садовой, по-моему, никакие Вернеры не живут.

— Жаль, я так надеялся его здесь встретить. Он ведь очень любил сидеть на скамейке под вязом.

— Вяз там есть.

— Знаю. Я там сегодня проходил.Только Вернера не было.

— А вы его знали?

— Немного. Давно. Похоже, что очень давно.

Мы снова замолчали. Мне было неловко говорить дальше, я не знал о чем спросить. Так, молча, мы вышли на окраину. Дальше начинались сады, за которыми вдалеке темнел лес, похожий на давно не крашенный забор.

— А может, у него Вернер — не фамилия, а имя? — я додумался спросить.

Незнакомец помолчал немножко, потом ответил:

— Вот этого не помню даже. А ты и вправду на Садовой всех знаешь?

— Знаю. Я сам там живу... Жил.

— Жил? — Человек повернул голову и бросил на меня испытывающий взгляд. — А ты куда идешь?

— Да просто так... Иду. Своей дорогой... — «...вслед за облаками», но это я уже не произнес, как будто неловко стало.

Он только молча, почти незаметно, кивнул.

— Подождите, —я сказал. — Давайте немного постоим.

— Я не могу стоять, я не должен стоять, у меня очень важное дело.

— Ну пожалуйста, всего одну минуточку.

Незнакомец медленно, очень медленно шагал, но все-таки шагал дальше. Отойдя шагов десять, он вдруг остановился и, резко обернувшись, спросил:

— Пойдешь со мной? Если хочешь, я возьму тебя с собой к морю.

— Зачем? — удивленно спросил я.

— Я должен идти. Я не могу не идти. Но я могу взять тебя с собой. Видишь эти облака — это мои облака. Я гоню их к морю, на водопой.

— Зачем? — снова спросил я.

— А потом я погоню их на юг, и там будет идти дождь. Знаешь, как редко на юге бывает дождь?

— Но зачем? — в третий раз спросил я.

— Я не знаю. Так надо.

Незнакомец опустил голову, постоял минуту и, не говоря ни слова, развернулся и пошел дальше. Отойдя немного, он взмахнул своей длинной палкой, как если бы это был кнут. По небу раскатился удар грома, чуть приглушенный ватными горами облаков, и они будто бы быстрее побежали туда, на северо-запад, куда уходил странник.

Я оглянулся на городишко, серый и провинциальный, за моей спиной. Я колебался. Когда я снова посмотрел в ту сторону, куда ушел незнакомец, того уже не было видно. Пустая дорожка, по которой ветер гнал обрывки позавчерашних газет. И облака, толкаясь, спешили куда-то туда, за горизонт, на северо-запад, к морю.

А я повернулся и пошел домой. Я до сих пор живу в этом городе. Часто уезжал, но никогда — надолго. Теперь уже никуда больше не уезжаю, завел обычай вместе с другими стариками сидеть под вязом, этим самым, и смотреть, как своей дорогой плывут облака. Но погонщика я больше не увидел. Пожалуй, это не те уже облака.

Август 2003 / апрель 2004

ИРИНА КОРШУНОВ

БОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО МЕХОВИЧКА

БЫЛ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. В ТАКИЕ ДНИ МОЖНО только радоваться.

А вот Малыш сейчас радоваться не мог. Вообще говоря, его имя Калле или что-то вроде этого, но все зовут его Малышом. «Все» — это его мама, дядюшка Квонкель (он — редко: тот еще дядюшка!), тетя Ворчь и Бруно. Бруно — это не родственник, а друг. Лучший.

Бруно (он тоже из рода меховичков) жил по соседству с Малышом. Он был чуть старше и сильнее, это он научил Малыша всяким интересным вещам — прыгать через ручьи, хорониться от туманных ведьм, пещеропряток и деревопробок, ловить рыбу, искать мед и многому другому, всего не упомнишь. Они всегда очень весело проводили время, но сейчас Бруно переезжает вместе с родителями в другой лес.

И никто не сказал об этом Малышу. Бруно и сам не знал, наверно (ему тоже сказали только перед самым переездом!), а его родители даже не подумали, что это нужно.

Вот такие они, родители. Они знают, что их взрослые дела — это очень важные дела, а что у их Малышей могут быть свои дела, не менее важные и серьезные, — о таком они могут и забыть.

Так что Малыш сумел проводить Бруно, можно сказать, случайно. Он шел к нему в замечательном настроении, еще не зная, что они будут сегодня делать — играть в футбол, дразнить белку или вместе бояться булькпривидений (их очень интересно бояться!). Шел — и вдруг увидел возле дома Бруно мебельный фургон, окруженный толпой взрослых, которые уже заканчивали грузить в него вещи. А Бруно стоял рядом со своей мамой, держащей его за руку, и вид у него был грустный и даже виноватый.

Теперь он уже не выглядел старше, больше и сильнее, чем Малыш.

— Я как раз собирался бежать к тебе, — сказал он. — Меня обещали отпустить на пять минут, когда погрузка закончится.

— Только пять минут?!

— Да. Но мы еще увидимся.

— Когда?

Бруно не успел ответить. В фургон как раз передали последний стул, а сразу же вслед за ним — последний ящик.

— Вот и славно, — проворковала мама Бруно, — твой друг уже пришел? Значит, тебе не надо бежать к нему. Ну, ребята, скажите поскорее друг другу «до свидания!», и садись в машину, Бруно: шофер ждать не будет!

В кабине места уже не оставалось, и Бруно забрался в кузов. Поэтому, когда фургон тронулся, он смог на ходу помахать Малышу рукой.

И вдруг вспомнил о чем-то. Нагнулся, отыскал в одном из ящиков свой красный мяч (тот самый, которым они хотели сегодня играть в футбол — если бы не собрались играть во что-нибудь другое) и перебросил его через борт:

— Я дарю тебе его, Малыш. До свидания!

Возвращаясь домой, Малыш ни о чем не думал, даже удивлялся потом, как это у него вышло не потерять мяч. Видно, всю дорогу крепко прижимал мяч к себе. А больше Малыш ничего не помнил. Он вступал во все лужи, которые попадались по дороге, и даже потерял кепку.

Дверь открыла тетя Ворчь. Она приезжала в гости каждое лето и оставалась надолго — правду сказать, чересчур уж надолго.

— Опять где-то шлялся, — проворчала она. — Посмотри на свои штаны, где ты умудрился их так вымазать? А где кепка? Вечно ты что-то теряешь, просто кошмар, а не ребенок.

Малыш подбежал к маме.

— Бруно уехал, — сказал он.

Мама обняла и приласкала его, но как-то рассеянно. Наверно, она все-таки не поняла сразу, что это такое — когда лучший друг уезжает в другой лес.

Потом, когда Малыш уже лежал в кровати, мама рассказала ему про эльфов. Она вообще часто рассказывала Малышу что-нибудь на ночь. Ему даже иногда страшновато становилось. Но не сегодня: прозрачных крылатых эльфов бояться нечего.

— А что они делают целыми днями? — спросил Малыш.

— Ты же знаешь — они летают. Они летают над лесами и полями и могут приземляться, где захотят, играть, с кем захотят... Правда, они не с каждым хотят играть. И даже не каждому показываются.

— Я тоже хочу летать! — заявил Малыш.

— Меховой народ летать не умеет, — сказала мама. — А теперь спи.

Малыш еще долго лежал, не смыкая глаз. Он думал. О многом сразу. И когда заснул, ему приснилось, что он летает.

Это был очень хороший сон.

* * *

Малыш проснулся, когда мама с тетей Ворчь сидели и завтракали.

— Привет, — сказал Малыш.

— Не привет, а доброе утро, — проворчала тетя Ворчь. — Ты помыл уши?

— Нет.

— Тогда отправляйся мыть. Ты что, хочешь плохо слышать?

— Я уже три дня их не мыл, и все равно хорошо слышу!

Тут тетя Ворчь заворчала так, что стало ясно: раньше была только легкая разминка, а вот это и есть настоящее ворчание. И чтобы оно прекратилось, маме пришлось самой отвести Малыша в ванную и вымыть ему уши.

Самое время завтракать, но у Малыша уже пропал аппетит.

— А ну ешь, — сказала тетя Ворчь. — Иначе ты никогда не вырастешь. Так случается с непослушными детьми, которые...

— А я не хочу вырастать! — сказал Малыш таким голосом, словно долго учился говорить именно у тети Ворчь.

Тетя очень удивилась и совсем забыла, что ей следует ворчать:

— Ты не хочешь стать взрослым? — спросила она самым обыкновенным голосом.

— Нет!

— Почему?

— Не хочу! Взрослые все большие, злые и ворчливые!

Тетя Ворчь страшно надулась — ну прямо большой мохнатый шар, а мама подошла к Малышу и сказала:

— Ты очень невоспитанный!

После этих слов она все-таки потянулась к нему, чтобы приласкать — но на полдороге остановила руку.

— И не надо, — сказал Малыш, обращаясь даже не к маме, а к ее руке.

Он взял под мышку красный мяч и отправился в лес. Сегодня ему было в сто раз грустнее, чем вчера.

А вот и дом Бруно. Малыш сел на землю, закрыл глаза и сосчитал до пяти: может, Бруно снова появится. Он целых три раза закрывал глаза и считал до пяти, но все было напрасно — Бруно не появился. Зато Малыш увидел большие зеленые ворота.

Они были совсем рядом. За воротами начинался луг, полный цветов, а дальше, почти на горизонте, виднелась березовая роща.

«Странно!»

Ему казалось, что они с Бруно хорошо изучили весь ближний и не очень ближний лес. Но этого места он явно не помнил.

Совсем немного подумав, Малыш зашел в ворота. И едва он миновал их — на него обрушилась пряная волна медового запаха.

Оказалось, что медом пахнут цветы, растущие на этом лугу. Малыш сорвал один цветок, сунул его в рот, разжевал — вкус у него тоже оказался медовый.

Можно было, конечно, собрать букет для мамы и тети Ворчь, но Малышу сейчас не хотелось, чтобы они радовались. Ну, мама-то — ладно, так ведь вместе с ней непременно будет радоваться и тетя Ворчь!

И тут Малыш увидел эльфу. Она сидела на камне и плакала. Малыш сразу понял, что это эльфа, ведь у нее крылья, а тот, кто с крыльями, может быть только эльфой.

Правда, эльфы еще и прозрачны, можно сказать — невидимы. Но это, наверно, только в полете. Вот так, на земле, Малыш ее рассмотреть очень даже мог.

Эльфа подняла голову и посмотрела на Малыша.

— Как тебя зовут?

— Малыш, — ответил он не сразу.

— Откуда ты здесь?

Вон оттуда. Я пришел через зеленые ворота.

— Ты и вправду нашел зеленые ворота? — спросила эльфа.

Она поднялась с камня, и тут стало ясно, что у нее, собственно, не крылья, а только одно крыло.

— А где твое второе крыло? — спросил Малыш.

— Злой Сморк отнял его, когда хотел затянуть меня в свой Черный Пруд.

— Кто?

— Сморк. Тот, который живет в Черном Пруду.

— А-а...

Малыш все равно не очень понял, но ему стало жалко эльфу. Даже захотелось погладить ее по голове, как его гладила мама, — но он не знал, можно ли так вести себя с крылатым народом.

— Зеленые ворота открываются не каждому, — подумав, сказала эльфа. — Никогда бы не поверила, что их сможет увидеть кто-то из мехового народа. Но я, похоже, знаю, почему ты прошел через них.

— Почему?

— Потому, что тебе суждено мне помочь.

— Мне? — не поверил Малыш.

— Да, тебе. Ты должен отправиться к Сморку и отнять у него мое крыло.

Малыш только хмыкнул. Он бы покрутил пальцем у виска, но с девчонкой, тем более — из народа эльфов, так себя вести уж точно не полагалось:

— Знаешь, поищи для этого кого-то другого. Большого и сильного.

— Пожалуйста, Малыш, помоги мне! Без тебя я никогда не смогу летать!

Малыш пожал плечами:

— Ну, многие в нашем лесу не могут летать, — сказал он. — Я вот, например, тоже летать не умею. Хотя очень хочу!

— Когда у меня будут два крыла, я одолжу их тебе! И ты сможешь летать сколько угодно!

Она так это сказала, что Малыш заколебался. И вовсе не потому, что ему впервые в жизни пообещали крылья.

— Сейчас мне нужно домой, — все-таки ответил он. — Но завтра я вернусь.

И он со всех ног побежал через луг. А вслед за ним легкой серебряной паутинкой летел голос эльфы:

— Только не забывай — никому нельзя рассказывать про зеленые ворота! Никому! Иначе ты их никогда больше не отыщешь...

* * *

Когда Малыш пришел домой, на столе стоял борщ. Это было здорово! Борщ нравился Малышу настолько, что он, кажется, ни разу не капризничал, прежде чем усесться за еду.

Малыш торопливо плюхнулся за стол.

— Не так быстро, — сказала тетя Ворчь. — Иначе ты, как всегда, что-нибудь прольешь.

И Малыш сразу же опрокинул стакан с соком на скатерть. А ведь сок стоял совсем не рядом с тарелкой!

— Я так и знала! — проворчала тетя Ворчь. А мама вздохнула:

— Нам когда-нибудь дадут поесть спокойно?

После обеда все пошли собирать землянику. Тетя Ворчь, хотя тоже собирала, при этом продолжала ворчать. Как вы думаете, на кого?

Правильно вы думаете...

Она говорила Малышу, что он больше ест, чем собирает, и вообще — лентяй. Она ворчала так долго и упорно, что Малыш споткнулся о корень и, конечно, выронил свой кувшин.

Как вы думаете, что из этого получилось?

Вы опять правильно думаете. И кувшин разбился, и земляника рассыпалась.

— Ничего, достанется птицам! — сказала мама.

Тогда Малыш назло маме наступил — будто бы случайно — на ягоды и растоптал их, а потом еще заявил во всеуслышание:

— Это все тетя виновата!

— Фу! — сказала тетя. — В жизни не видела такого гадкого и непослушного ребенка!

«Завтра-утром я встречусь с эльфой, — думал Малыш. — Она даст мне крылья, я полечу к Бруно и больше никогда не вернусь».

Вечером, лежа в постели, Малыш сделал вид, что спит, чтобы не слушать маминых историй. Он крепко зажмурил глаза и, даже когда мама погладила его по голове, не шевельнулся.

Но утром он не мог сразу отправиться к эльфе, потому что в доме готовили мармелад (для него вчера и собирали землянику) и Малыш должен был наблюдать за ним, помешивая большой ложкой. И он мрачно ворочал ложкой в чане, пока у него не заболели руки. Тогда мама подошла к нему, приласкала и сказала:

— Ну, хватит дуться. Иди, поиграй.

Малыш взял красный мяч — тот, что ему достался от Бруно, — и побежал к зеленым воротам. Сразу за ними его ждала эльфа.

— Пошли быстрее! — она схватила его за руку и почти бегом потащила через благоухающий медом луг. Малыш даже удивился: отчего такая спешка?

Если солнце опустится чуть ниже, Сморк тебя не услышит, — объяснила эльфа.

— А как я заставлю Сморка выйти из воды?

— Есть такая песенка:

Сморк, Сморк, Сморк в черной воде,
Сморк, Сморк, Сморк в Черном Пруде,
Сморк, Сморк, Сморк в водной стране,
Покажись сейчас же мне.

— Вот здесь живет Сморк, это его Черный Пруд, — сказала эльфа, подойдя к берегу.

Пруд действительно был черный. И очень, ОЧЕНЬ мрачный.

— А что я скажу Сморку? — спросил Малыш.

— Не знаю, ты уж сам что-нибудь придумай, — беспечно ответила эльфа и повернулась, чтобы уйти.

Малыш задумался. Эта история нравилась ему все меньше и меньше.

— Постой... А зачем тебе нужен я? Почему бы, если ты знаешь эту песенку, тебе самой не вызвать Сморка?

Эльфа удивленно посмотрела на него:

— Но ведь у меня только одно крыло, — объяснила она. — И если он снова погонится за мной, я не сумею скрыться.

— Подожди! — растерянно сказал Малыш.

Но эльфа уже исчезла.

Малыш немного подумал — и решил, что она, наверно, права. В самом деле: у нее только одно крыло — и ей от Сморка никак не уйти. А вот у него, Малыша, и вовсе крыльев нет — наверно, ему все-таки будет легче.

— Сморк, — прошептал он, — Сморк... — И громче:

Сморк, Сморк, Сморк в черной воде,
Сморк, Сморк, Сморк в Черном Пруде,
Сморк, Сморк, Сморк в водной стране,
Покажись сейчас же мне.

И ничего не произошло. Кажется, по поверхности черного пруда кольцом прошли расходящиеся волны — но, наверно, это все-таки только показалось.

Сморк, Сморк, Сморк в черной воде,
Сморк, Сморк, Сморк в Черном Пруде, —

повторил Малыш уже гораздо смелее, —

Сморк, Сморк, Сморк в водной стране,
Покажись сейчас же мне.

Вдруг и в самом деле — ПОКАЗАЛОСЬ! Из воды! Что-то! Огромное!!! Большая темная голова в космах волос-водорослей.

— Кто меня звал?

Малыш хотел ответить, но не смог выговорить ни слова — так он испугался, потому что Сморк уже начал вылезать из воды. Он был громадный, зеленый и волосатый.

— Не-е-ет! — закричал Малыш и бросился бежать. Но, хотя у него не было ни единого крыла, далеко он не убежал.

Сморк схватил Малыша своими мокрыми лапами.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он. Голос у Сморка был совсем не злой.

— М-м-меня зовут Малыш, — ответил меховичонок, сам не зная каким голосом (но что тоже не злым — это наверняка), — и я пришел, чтобы взять крыло эльфы, которое ты у нее украл!

— Вот глупая эльфа! — огорчился Сморк. — Я не хотел забирать крыло — я просто попытался остановить ее, чтобы поговорить. Мне ведь не с кем говорить в моем черном пруду. Я совсем один...

Сморк чуть не плакал. Малышу вдруг захотелось погладить Сморка по голове, но на это у него не хватило смелости.

— Я тоже совсем один, — сказал Малыш. — Потому мне и нужно крыло: тогда я смогу летать и найду моего друга Бруно.

— Бедный Малыш, ты один, и я один... Ты не хочешь пожить у меня?

— Нет, Сморк! Я не смогу дышать под водой!

— Ну, тогда хотя бы навести меня! Если уж я сам пригласил тебя, с тобой ничего не случится...

Малышу страшно не хотелось в глубокий черный пруд, но как-то само собой получилось, что он сжал покрепче свой мяч и прыгнул в воду. Стало холодно и темно, потом светло и тепло, и Малыш оказался перед домом из водорослей и сверкающих камней.

Сморк показал ему много интересного: сад водяных роз и серебряных рыб, которые плавали вокруг его дома так, как птицы летают вокруг тех домов, что стоят на земле. А когда Малыш проголодался, Сморк угостил его странным на вкус зеленым тортом.

Солнце зашло, и тень упала на черный пруд.

— Теперь мне пора спать, Малыш, — сказал Сморк. — Если ты собираешься уходить, то самое время уйти сейчас. Или, может, ты все-таки решил остаться?

— Мне нужно идти. Не горюй, Сморк, я еще вернусь.

И Сморк провел рукой перед его лицом. Опять стало холодно и темно, потом светло и тепло, и Малыш понял, что сидит на берегу. В руке у него было крыло — прозрачное, переливающееся всеми цветами радуги, отсвечивающее то алым, то зеленым, то золотым, то небесно-лазурным.

Малыш медленно побрел прочь. «Теперь я смогу летать!» — повторял он про себя всю дорогу до Серого камня, где в прошлый раз виделся с эльфой.

Она действительно ждала его на прежнем месте.

— Спасибо, Малыш, — сказала эльфа, когда он отдал ей крыло. Говорила она по-прежнему беззаботно и как-то невнимательно, словно Малыш это крыло нашел под кустом, а не спускался за ним на дно Черного Пруда.

— Ну, так когда же я смогу летать? — напомнил Малыш.

— Летать можно только при свете солнца. Приходи завтра. Только не рассказывай никому про зеленые ворота, иначе ты их никогда больше не увидишь...

...Вернувшись домой, Малыш нашел маму на кухне. Она делала земляничные блины. Это было второе любимое блюдо Малыша после борща. То есть, даже перед.

— Хорошо, что с тобой ничего не случилось, — обрадовалась мама. — Я так волновалась!

И Малыш тоже обрадовался — значит, он маме действительно нужен, — но потом пришла тетя Ворчь и сказала:

— Не чавкай так громко.

Тогда он быстро доел все, что еще оставалось на тарелке, и молча отправился спать. И хотя он надеялся, что ему приснится полет, ему снились земляничные блины.

Ночью начался дождь. Он продолжался и утром.

— Что за погода, — проворчала тетя Ворчь. — Теперь небось три дня будет лить.

— А я думаю, дождь скоро закончится, — сказала мама.

* * *

После обеда наконец-то появилось солнце. Малыш взял мяч и отправился знакомой дорогой. Издали он увидел дом Бруно. Перед домом стоял кто-то. Вне всяких сомнений, меховичок — но не взрослый. И в руках у него был мяч.

— Бруно!!! — закричал Малыш и бросился к дому.

Но это оказался не Бруно, а кто-то совсем другой. Да и мяч у него был желтый.

— Привет, — сказал меховичонок и засмеялся.

— Привет, — сказал Малыш. — Ты кто?

— Я — Конни. А ты кто?

— Меня зовут Малыш. Ты здесь живешь?

— Да, — кивнул Конни, — теперь мы будем здесь жить.

— Раньше здесь жил Бруно, — сказал Малыш. — Это его мяч.

— Этот?

— Нет, тот, который у меня.

Какое-то время они молчали, не зная, что еще сказать друг другу.

— Ты любишь играть в мяч? — спросил Конни.

Малыш кивнул.

— Я тоже. Пошли.

И они играли вместе. И в футбол, и в волейбол, и вообще во все, во что можно играть мячом. Даже двумя мячами. А потом Малыш сказал:

— Здесь водится много рыбы. Показать, как ее ловить? Только осторожно: в болоте живут булькпривидения и туманные ведьмы, и если вовремя не спрятаться...

И тут он вспомнил про эльфу.

— Мне нужно идти, — сказал он и убежал.

Он уже привычно направился к зеленым воротам, так же привычно, не оглядываясь, пересек луг медовых цветов — и вот он уже у Черного Пруда.

Сморк и эльфа сидели на берегу и разговаривали.

— Где ты был так долго, Малыш? — спросил Сморк. — Мы ждали тебя.

— Я играл с Конни, он теперь живет в доме Бруно, — сказал Малыш. — Он немножко младше меня, и у него есть желтый мяч.

— Если ты хочешь летать, тебе надо поспешить: день скоро закончится.

— Оставайся на земле, Малыш. Оставайся там, где ты должен быть, — пробулькал Сморк.

Но Малыш уже не слышал его. Слишком долго он мечтал о том, чтобы летать, и вот сейчас у него впервые появилась такая возможность.

Малыш надел крылья — и ветер поднял его над землей.

Он летал над лесами, полями и реками, и это было здорово. Он забыл про все на свете, забыл даже, кто он. Он летал и летал, пока солнце не зашло, и ветер не отнес его назад.

— Тебя долго не было, — сказала эльфа.

— Это так прекрасно... — прошептал Малыш.

— Приходи завтра снова, — сказала эльфа. — И никому не рассказывай про зеленые ворота, иначе...

Уже по дороге домой Малыш вспомнил, что собирался искать Бруно. «Завтра, — подумал он. — Завтра опять будет день».

— Где ты пропадал? — спросила мама.

— Я был в лесу.

— И что ты там делал целый день?

— Не знаю, — коротко ответил Малыш.

Он и в самом деле не знал. Во всяком случае — не знал, как об этом рассказать.

На ужин был земляничный пудинг и, как дополнительный подарок, не было тети Ворчь: она ушла в гости к какой-то своей подруге (подумать только! У нее, оказывается, были подруги!). Мама сидела за столом, а Малыш сидел у нее на коленях. Как ему хотелось рассказать ей обо всем, что он пережил за последние дни!

«Жаль, что я должен молчать», — впервые подумал он.

На следующий день, отправившись к эльфе, Малыш забыл дома свой красный мяч, но даже не вспомнил о нем. Перед бывшим домом Бруно стоял Конни и махал рукой.

— Сегодня мне некогда играть... ну ладно, совсем чуть-чуть, — сказал Малыш.

Они залезли в дом на дереве, который когда-то сделали Малыш и Бруно. Они подразнили белочку и набросали шишек в кроличьи норы. Малыш показал Конни свое любимое медовое место. И еще показал, где днем спят деревопробки и где живут пещеропрятки.

Теперь он был старшим. И, пожалуй, это ему нравилось.

Так прошло утро.

— А после обеда мы будем играть? — спросил Конни.

— Нет, мне нужно кое-куда пойти, — ответил Малыш.

— Куда?

Малыш молчал.

— Ну расскажи, пожалуйста, — упрашивал Конни.

— Это тайна, — сказал Малыш.

«Жаль, что я никому не могу рассказать об *этом*», — подумал он второй раз за два дня.

...Когда Малыш миновал зеленые ворота, эльфа уже ждала его. Она снова дала ему крылья, и ветер снова поднял его.

Он поднимался все выше и выше, навстречу солнцу. Он забыл про все, даже про то, что сегодня собирался искать Бруно. Потом он вернулся. И эльфа спросила его:

— Завтра ты опять хочешь летать?

— Да, — ответил Малыш. — Каждый день хочу.

— Летать каждый день, с утра до вечера? И забывать про все на свете?

Малыш кивнул.

— Напрасно! — булькнул Сморк. Но эльфа сказала:

— Завтра придут мои сестры. Они принесут тебе крылья. Уже не в долг, а навсегда. Это будут твои собственные крылья. Ты сможешь летать каждый день и станешь прозрачным, как и мы.

— Не надо, Малыш, — пробулькал Сморк.

— Кто хочет летать, должен летать, — сказала эльфа.

— А что эльфы едят? — спросил Малыш.

— Ничего, — ответила эльфа. — Эльфам не нужно есть.

— А где ваши дома и кровати? Ну, я имею в виду — где вы спите?

— Эльфам не нужны дома и кровати. Эльфы вообще не спят.

— О! — сказал Малыш удивленно. Ведь ему так нравилось лежать в кровати, и он с таким удовольствием ел борщ. Он не представлял, как можно обойтись без этих вещей.

— А как же моя мама? Она сможет видеть меня, когда я стану прозрачным? Она узнает меня?

— Когда ты станешь прозрачным, тебе будет не нужна мама. Не будет мамы, не будет тети Ворчь, не будет друзей. И земляничных блинов. Ты будешь весь день летать, и тебе не будет нужно ничего, — сказала эльфа.

— О... — снова сказал Малыш, потому что не понял, что она имеет в виду.

Сморк вошел в воду.

— Помнишь, ты отказался остаться со мной в Черном Пруду? Ты был прав. Каждый должен оставаться тем, кто он есть, Малыш, — донеслось оттуда.

— Каждый должен быть тем, кем он хочет быть, — возразила эльфа.

* * *

...Этим вечером мама с тетей Ворчь пошли искать ночную траву. Она помогает от кашля, насморка и плохих снов.

Малыш лежал в своей кровати и думал. Он думал о зеленых воротах, о Сморке и об эльфе.

Где спит эльфа? Наверно, на серых камнях. Прозрачная эльфа... Скоро я тоже буду прозрачным. Как же спать на камнях? Наверно, очень твердо. И холодно. Но летать приятно. Это самая чудесная вещь на свете.

И тут он понял, что не сможет сегодня уснуть.

Малыш встал. Он потихоньку выбрался из дома и побежал к дому Бруно, который сейчас был уже не дом Бруно, а дом Конни.

— Конни! — крикнул он. — Ты уже спишь?

Конни высунулся из окна.

— Нет, — сказал он абсолютно сонным голосом. — Я сейчас выйду.

Они сели на опушке и принялись считать звезды.

— Звезд так много! — произнес Конни очень удивленно. Он явно прежде не задумывался об этом.

Малыш молчал.

— Ты еще считаешь?

Малыш не ответил.

— О чем ты думаешь?

— О тайне.

Конни подвинулся поближе.

— Ты же мой друг, — сказал он.

— Ты тоже мой друг, — сказал Малыш. — Как прежде — Бруно. И вообще-то мне теперь, пожалуй, вовсе не нужно его искать, потому что у меня есть ты. Но если я расскажу тебе про зеленые ворота, то я больше не смогу летать, а летать так здорово...

Он испуганно закрыл рот рукой.

— Я рассказал! — прошептал он.

— Что рассказал? — спросил Конни еще более удивленно. Но Малыш уже бежал к зеленым воротам.

А ворот не было.

— Эльфа! — крикнул он. — Эльфа!

Но никто не отвечал ему.

Тогда Малыш сел на траву и заплакал.

— Не грусти, — сказал Конни, неслышно подойдя сзади. — Завтра мы снова будем играть.

Но Малыш продолжал плакать. И даже лежа в кровати, он все еще плакал.

— Все будет хорошо, — сказала мама и погладила его по голове. Она гладила его, пока он не уснул.

* * *

Шло время.

Миновала осень. Потом зима. Потом весна.

Малыш перестал грустить. Он ел, пил и спал. Он играл с Конни, радовался и грустил, он учился взрослеть. Но он никогда не забывал зеленые ворота, Сморка и эльфу.

Иногда ему снился полет. Он летел все выше и дальше, навстречу солнцу, и это было прекрасно.

Перевели с немецкого Григорий и Михаил Панченко

Ирина Коршунов родилась в 1928 г. в небольшом немецком городке Стендаль в смешанной русско-немецкой семье. Является, безусловно, западногерманской писательницей. Поэтому она Коршунов, а не Коршунова (фамилия, унаследованная от отца, русского эмигранта первой волны) — согласно правилам немецкой орфографии. Университетское образование получала в Гёттингене и Мюнхене. В настоящее время живет под Мюнхеном.

Как писатель выступала в самых разных жанрах. «Взрослые» романы, как правило, реалистичны, «молодежные» же книги и киносценарии довольно часто находятся «на грани» с фантастикой. Однако если говорить о подростковой и юношеской фэнтези — то в этой области литературы Коршунов, безусловно, является одним из «живых классиков» Германии. Книги «Ведьма, на помощь!», «Его зовут Жан», «Когда приходит Унугугу», «Мечта имеет цену», «Маленка» и др. выдержали множество переизданий и продолжают издаваться до сих пор. Так, несколько месяцев назад на прилавках немецких книжных магазинов в очередной раз появился новый выпуск повести «Нарисованный дракон», впервые опубликованной еще в 60-е гг.

В коршуновской фэнтези порой есть «классические» образы вроде ведьм, драконов, эльфов и троллей, однако даже они действуют в совершенно неклассических условиях. Но чаще в книгах фигурируют совершенно оригинальные персонажи, то являющиеся чисто авторскими находками, то разработанные на основе... героев русских сказок! Вообще же миры Ирины Коршунов, относятся ли они к «городской» или «лесной» фэнтези, очень необычны.

О Малыше (маленьком меховичке) написаны две короткие повести, обе — можно сказать, в соавторстве с художником *Рейнхардом Михлем*: все их издания сопровождаются его многочисленными иллюстрациями, ставшими уже неотъемлемой частью этих историй. В дальнейшем «Реальность фантастики» планирует познакомить читателей со второй частью этой мини-дилогии.

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

ТАНЦУЙ, ЭСМЕРАЛЬДА...

ЭСМЕРАЛЬДА ШЛА ПО КАРНИЗУ ОНА ВЫСКОЛЬЗНУЛА В форточку, открыв ее когтистой лапой, оставив позади свет, тепло и уют. Высота будоражила ее. Возле пожарной лестницы можно будет перескочить на тополь, а по нему взобраться на крышу. А там... о! Там — полная луна, там — холодный ночной ветер, мелькание летучих мышей, треск старой черепицы под лапами и призывный вой самцов, готовых сразиться за нее. Там — весна! Весна, и страсть, и нескончаемая жгучая молодость.

Впрочем, что молодость... в ней ли счастье! Счастье — в гибком зверином теле, что так ловко и послушно взбирается по растрескавшейся коре старого тополя, так уверенно пробегает по ветке, перепрыгивает на покатую крышу... счастье вскипает в каждой клеточке, то непередаваемое счастье движения, от которого в наслаждении стонут мышцы и поет душа. Скачок — и вот она, ее гибкая, четкая, изящная тень, отброшенная на скат крыши полной луной, сексуальная, полная жизни... супер!

А вот еще одна рядом... новенькая? В чужое время?! Эсмеральда повернула голову и взглянула в упор в яркие зеленые глаза. Знакомые глаза. Мелисента! И каким чертом ее сюда занесло?

— А, Эсмеральда, — тон Мелисенты откровенно недружелюбен, — так это тебя там ждут?

— Да уж не тебя, — отпарировала Эсмеральда. — А что, ты хотела попиратствовать?

— Больно надо, — фыркнула нахалка Мелисента. — Мне просто вдруг интересно стало глянуть, чем ты сейчас зарабатываешь.

— Плати и гляди, — усмехнулась Эсмеральда. И, горделиво задрав пушистый хвост, направилась к ожидающей ее группе. Нет, работа — супер! А стерва Мелисента просто завидует...

И — завывания сцепившихся в схватке претендентов, мелькание летучих мышей, и одуряющая полная луна, и жгучая, дикая страсть, и холодный предрассветный ветер... вот жизнь! И — спокойная уверенность на самом дне сознания. Уверенность, что позади — тепло и уют. Логовище. Дом. Тыл.

Логовище ждало свою хозяйку. Тепло и уют встретили ее возвращение. Тепло и уют, они оставались неизменными, лишь иногда Эсмеральда меняла какую-нибудь мелочь. Она была консервативна и не одобряла перемен. Лишь одну вещь она с удовольствием выкинула бы из своего логовища, и лишь над нею была она не властна. Маленький электронный календарь, вмонтированный рядом с выходом. Он был неумолим и равнодушен. И сейчас Эсмеральда кинула на него короткий, но яростный взгляд. Послезавтра. Нет, уже завтра! Отвернувшись, Эсмеральда занялась переоде-

ванием. Пленительное кружево рукавов, золотые пуговицы корсажа, алая юбка, высокий каблук... о, упоение! Ну, завтра, так что ж... это ведь ненадолго, всего день. А потом снова — жизнь! Настоящая жизнь!

В испанской программе главное — руки. От плеча до кончиков пальцев, до ногтей в кровавом лаке — у каждого движения свой смысл, и каждое — искус, и таинство, и устремление.

Эсмеральда любила танцевать. Но испанские танцы она не просто любила. Она отдавалась им страстно и трепетно. Она забывала обо всем. Хота, и веселая гальярда, и павана, сардана, алеманда, и фламенко... о, фламенко! Больше, чем просто танцы, больше, чем просто любовь!

И в этом была опасность.

Мелисента была серьезной противницей. О ней говорили, и это было правдой, что она никогда еще не теряла голову. Зеленые глаза ее смотрели то задумчиво, то хищно, но холодная трезвость не покидала их никогда. От Мелисенты можно было ждать всего. Любого подвоха, любой пакости. Эсмеральда понимала это. Понимала ровно до того момента, как прошла, филигранно взметнувши алой юбкой, первую дорожку страстного фламенко.

Потом понимание кончилось. Начался полет. Полет тела, полет души... не здесь и не сейчас была она... но Мелисента была здесь и сейчас. Трезвая стерва Мелисента, точно выверенным движением, взмахом кисти на развороте, отбросившая кастаньеты — вроде бы под ноги, а на деле — в точку под коленной чашечкой соперницы. В ту самую точку, от тычка в которую рефлекторно дергается нога и сбивается дыхание. Конечно, она рисковала, она неминуемо теряла несколько очков! Но ненавистная Эсмеральда должна была потерять больше.

Позже, просмотрев повтор — раз, и другой, и на замедленной, и покадрово, — Эсмеральда заметит и поймет. Но тогда... какое ни создавай себе тело, как ни остри рефлексы, что-то да останется от тебя настоящей. Эсмеральда, та, которая настоящая, двадцать лет не чувствовала своих ног. И та, которая танцевала сейчас, не почувствовала неожиданного удара. Она летела, она отдавалась танцу страстно и трепетно — и она выиграла. Выиграла финал открытого всесетевого конкурса «Танцуй!» и главный приз. Сто пятьдесят тысяч.

Потом она блистала на устроенном в честь финалисток банкете. И флиртовала напропалую с кем ни попадя — о, конечно, ничего серьезного, но зато как весело! И заключила контракт на полгода, шикарный контракт, причем умудрилась при этом забить время для не успевшей пока надоесть крыши. А потом, только она вернулась к себе, только растянулась на софе в блаженной истоме, только подумала о чашечке кофе... неумолимый календарь взвыл дурным голосом, и Эсмеральду выбросило в реал.

В темной, упиравшейся единственным окошком в заводскую стену комнатушке царил запах кофе. Дочка постаралась, подумала Эсмеральда... впрочем, нет! Здесь

она не Эсмеральда! Она глубоко вздохнула, попросила сипло: «И мне налей, пожалуйста», — и только тогда открыла глаза.

Что ж... все то же. Тот же полумрак, та же заводская стена, та же сиделка в старомодном белом колпачке на давно не мытых волосах, та же медсестра из социального обеспечения. Унылый ежемесячный ритуал — произвести (слово-то какое, тьфу...) тот же рутинный осмотр и подписать тот же, слово в слово, акт, подтверждающий ее инвалидность... все то же.

— Я принесла печенья, — нарочито будничным голосом сообщила дочка. — Соленые крекеры, ты же их любишь.

— Только кофе, — ворчливо отозвалась она. — Что новенького?

— Свет опять подорожал, — первой включилась записная нюня сиделка. — А за светом, конечно, телефон, транспорт...

— Будут строить новую электростанцию, — сообщила медсестра, неторопливо допивая свою чашку. — Губернатор выступал на той неделе. Сказал, все средства будут выделены из местного бюджета и за счет добровольных пожертвований. И ни один киловатт потом не уйдет на сторону.

Дочка хмыкнула. И сказала как бы просто так:

— Выборы через два месяца.

Умная... вот только, как часто бывает у умных, не слишком удачно устроенная в жизни...

— У тебя-то как?

— Подумываю, не родить ли третьего.

— Боже! Тебе мало?!

— Обещают ввести льготы на образование. Если трое и больше.

— Ах, обещают... ну-ну.

И это — умная?! Боже, куда катится мир...

Осмотр много времени не занимает. Как всегда. Еще по чашечке кофе, с печеньем, под скучные жалобы сиделки, под задумчивым взглядом замотанной нудной семейной жизнью дочки... какое все-таки счастье, что она успела пробить достаточно мощный компьютер, когда соцобеспечение еще занималось трудоустройством инвалидов, что она успела зацепиться за парочку мест в Сети, где можно найти работу... да не просто работу, а заработок! Что бы делала она сейчас...

— Мама, у меня к тебе разговор, — деловито начала дочка, как только они остались одни. — Я проверила твой счет. И навела кое-какие справки.

— О чем?

— Ты можешь пройти курс лечения. Нормального лечения, настоящего. Ты сможешь ходить... ну, может, не так чтобы очень уверенно, но хоть по квартире!

Ходить, эхом отозвалось в голове.

— И сколько это будет стоить?

— Сто сорок тысяч. Видишь, у тебя еще останется.

— Останется, — эхом отозвалась она.

— Я все узнала. Ты можешь лечь уже завтра, предоплата у них всего десять процентов, остальное еженедельно. Вот, я даже договор у них взяла, посмотреть. Месяц в клинике, потом месяц на...

Тренькнул сотовый, прервав возбужденную дочку на полуслове.

— Да? Да. Ага... Ага... Хорошо... да, хорошо, сейчас. Мама, я смотаюсь домой на пару часиков и сразу обратно к тебе. Ты дождись меня, ладно? Я там разберусь и сразу...

— Не волнуйся. Решай свои проблемы, я пока почитаю, — она вынула из дочкиных рук договор, — подумаю...

Дежурный поцелуй, негромкий хлопок двери.

Подумаю...

Ходить!

Вряд ли очень уж... так, по квартире... но — ходить.

Сто сорок тысяч — ладно, заработаю.

Но — два месяца!

Сто сорок тысяч — и два месяца. Два месяца *здесь*. Два месяца *вовне*. В реале.

Полетит к черту контракт. Полетят все зацепки, все! Два месяца — это срок!

Но — ходить!

Ходить — *здесь*?

Эсмеральда шла по карнизу. Она выскользнула в форточку, оставив позади свет, тепло и уют. Высота будоражила ее. Она дошла до пожарной лестницы, распахнула крылья и взмыла в ночное небо...

СЕРГЕЙ СЛЮСАРЕНКО

КТО-ТО ПРОЛЕТЕЛ НА ЗАКАТЕ...

* * *

Я ВЕЛИКИЙ ВОИН ПЛЕМЕНИ НГВОНДЕЛУ, НКОМО-БОЛЬШОЕ-копье, прежде чем прозвучала на закате мбила, надел лучшие ожерелья и приготовился к ночной пляске. Племя знало, что десять буйволиц и пятнадцать леопардовых шкур готовы для выплаты выкупа за мою невесту Заугаду-наступающую-на-горшки, но столько же предложил и Мнамаду-зеленое-ухо. И мудрый вождь Нгвонделу, Мамаду-синий, по совету нксамтваны решил — кто в танце будет неутомим, тот и получит Заугаду. И как только пламя костра достигло небес, и рокот мбилы заполнил мое сердце, я вырвался на утоптанную тысяч предков площадку. Я был прекрасен, я прыгал выше Мнамаду, я был лучше его. Заугада будет моей новой женой!

Серый гул разнесся над индлу. Но я, Нкомо-большое-копье, не пал ниц перед этим шумом! Я был красив и смел! Никакой небесный звук не мог меня испугать. Новый бог летел в ночном небе, извергая гром и свет. Я, Нкомо-большое-копье, громко сказал богу — не приближайся, ибо мое копье-ассагай длиннее твоего, мой нкуду самый марбидьо в племени, и я убил больше всех леопардов. Новый бог остановил свой глупый бег в небе и слушал меня. Я потребовал, чтобы новый бог, прежде чем он засунет себе хвост в пасть от страха и улетит, подарил мне много новых буйволиц и еще больше красных бус — тех, что белые люди дают за прозрачные камни, и чтобы Заугаду понесла от меня в этот вечер, и чтобы вождь отдал власть мне. Глупый новый бог долго меня слушал, а потом засунул хвост в пасть и растаял! Он был глупый и слабый бог. Он никого не убил и ничего не дал. Истину говорят вожди: все, что с неба не дождь, — бесполезное.

* * *

Сидели мы, значит, с пацанами, Андрюха к тому времени уже сгонял, и по банке мы пропустили. Люська ржала, как дура, над каждым анекдотом и была готова на все. Мы с пацанами еще наскребли и кинули чман — кому бежать. Санек не сильно сопротивлялся и метнулся в сельпо. На этот раз зацепило классно, и пацаны решили, что надо погулять. Тем более, вешенские совсем оборзели и вчера на танцах кадрили наших девок. По пути мы еще взяли браги и к клубу пришли хорошо поддатые. В клубе, как всегда, было полно вешенских, так мы, слово за слово, наваляли им. Но их тоже было до фига, потом, как мы уже от них чесали через посадку, я здорово поцарапал рожу... В общем, классно погуляли. Что видел? Где летало? Да ни фига не летало...

* * *

Как председатель ассоциации по встрече инопланетных цивилизаций штата Огайо в настоящем письме представляю вниманию регионального сообщества отчет о контакте, имевшем место в Кенте, штат Огайо 05.19.2*** года.

Как уже сообщалось в газете «Близкие Контакты третьего Вида», ассоциация принимала участие в процедуре встречи пришельцев согласно протоколу, принятому общим собранием членов ассоциации от 12.03.1976 года, предусматривающего следующую процедуру встречи:

1. Подготовка группы встречи, включающей, кроме Председателя региональной ассоциации, его заместителя и кооптируемых президиумом трех рядовых членов ассоциации, победительницу конкурса «Мисс Черный Кливленд», а также профессора Жидкокристаллического института О. Лаврентовича, как специалиста по топологическим парадоксам неэвклидовых пространств.

2. Изготовление торжественных баннеров с текстами «Добро пожаловать в Огайо», «Да здравствует дружба между народами», «Мак Дональдс — генеральный спонсор встречи», а также достаточного количества поролоновых ладоней для приветственного размахивания, окрашенных в цвета флага Соединенных Штатов.

3. Сообщения в Совет безопасности ООН, Общество по наблюдению НЛО ДОСААФ России и в аналогичные организации.

Информации, поступившей из компетентных органов, было достаточно для определения точного времени начала мероприятия. Следует отметить, что излишняя активность масс-медиа привлекла внимание различных, официально не признанных организаций, и что хуже — частных граждан. На месте, предназначенном для приема прибывающей делегации, была отмечена повышенная концентрация граждан. Бурную деятельность развила группа «Пострадавшие от похищения НЛО», представители которой требовали денежной компенсации, а также общества «Свидетели конца дней человечества» и «Истинные свидетели пришествия Инопланетян». Следует отметить непозволительное поведение членов последней организации, переодевшихся пришельцами и облучавших небо с помощью нефункционирующих самодельных антенн, собранных из пришедших в негодность систем спутникового телевидения. Только усилиями организационного комитета удалось избежать крупных беспорядков и загрязнения окружающей среды. За счет фондов ассоциации были установлены биотуалеты, организована продажа гамбургеров и пепси-колы.

К сожалению, по техническим, не зависящим от организаторов причинам, провести встречу в полном объеме не удалось. Не соблюдая процедуру, определенную ассоциацией, инопланетный корабль совершил непонятную эволюцию и отбыл в неизвестном направлении. Следует отметить находчивость и смелость приглашенного профессора, в этот момент сумевшего продемонстрировать небу заранее подготовленную бумагу с петицией о соблюдении прав малых народов, крупных морских животных, а также о примате политкорректности.

* * *

Pronto! Giovanna!

Алло, Джованна! Это я, Лиана, как дела? Послушай, что скажу! Ты завтра на пляж собираешься? Нет? А почему? Нет, никто не заставляет купаться, море еще холодное, всего 24 градуса! А, как всегда шутишь! Как? Франческо? А он, что, поссорился с Александрой? Ну, ты даешь! Послушай, тут вчера такое было! Этот русский, ну да — который у Симони по контракту, ну да, которого он за лазер выменял, нет, это — другой русский, такой — пижон, ну, ты видела, он как-то приезжал, их начальник. Да, конечно, бравый! Так вот — тот самый лазер, на который его выменяли, не работает, конечно. Симони злой, он этому русскому сказал, что ему зарплату поднял, чтобы тот за лазер заплатил, на самом деле никто ему ни лиры не заплатит, так вот он, этот русский, и говорит — я могу починить лазер, но мне нужен старый телевизор, три свечки кладбищенских и паяльник! Он еще и паять умеет! О, мама миа! Эти русские совершенно не при своих! Он говорит — ему не важно, сколько заплатят, ему важно слово, которое он дал, чтобы Симони лазер привезти. Ну, в общем, завтра на пляже будет и Мимо, и еще этот мальчик, ну ты помнишь, мы ходили на дискотеку в Римини, когда я на конгресс ездила, так вот этот второй мальчик — очень симпатичный, не упусти момент... Что русский? Какой? А! Я забыла! Он взял что-то из телевизора и еще какие-то проволочки и починил его! Нет не телевизор! Лазер! Не знаешь, что такое лазер? Ну, не важно. Короче, ты на пляж идешь?.. Ой, Джованна! Какая красота ! Ты не поверишь! Прямо передо мной, над морем, какая-то штука зависла! Красиво! Помнишь тот американский фильм?! В нем так же было, там еще разные, странные существа вылезали из такой же штуки. Ну, так вот, ты мне объясни, ты пойдешь завтра на пляж? Какую пасту? С тыквой? Да просто! Значит так, берешь кусочек тыквы, которая красная, и режешь ее кубиками, примерно полсантиметра на полсантиметра, вымачиваешь 4 часа, потом добавляешь оливкового масла, только чуть-чуть и лучше не первой давки, потом главное, чтобы была не грано падано, а пармижано, и потом ты это в сковородке... Кто? Над морем? Сейчас посмотрю... Нету уже — улетел — еще чуть видно — но улетает, так вот, потом берешь фарфалле и...

* * *

Сегодня, по сообщению телеграфного агентства УНИАН, состоялась пресс-конференция подполковника Шкифенко, ответственного за связь с общественностью. Во вступительной речи подполковник довел до собравшихся корреспондентов гражданских изданий информацию о последних событиях, связанных с реформой армии независимой Украины. Кратко, в течение двух часов, Шкифенко доложил основные показатели роста показателей выполнения нормативов личного солдатско-сержантского состава в период летнего периода подготовки. По окончании доклада полковник ответил на вопросы гражданских лиц. На вопрос о якобы имеющихся слухах относительно перехвата инопланетного летающего средства подполковник Шкифенко разъяснил присутствующим следующее:

1. Украинская армия не производила вылетов в указанный день в районе, упомянутом журналистами.

2. Войска ПВО не имеют на вооружении самолетов, рассчитанных на перехват низколетящих скоростных целей.

3. Украинские локаторы не фиксировали несанкционированные объекты в упомянутой выше зоне, а также в других зонах.

4. Все ракеты, выпущенные перехватчиками войск ПВО в указанной зоне в указанное время, были учебными и достигли только учебных целей со стопроцентным поражением.

5. Слухи о попадании украинской ракеты в жилой дом в г. Бровары никем не подтверждены и основаны лишь на показаниях жильцов разрушенного дома. Как сообщила генеральная прокуратура, вопрос о возбуждении уголовного дела будет рассмотрен только тогда, когда пострадавшие смогут представить в качестве доказательства ракету, которая, по их мнению, разрушила вышеуказанное строение. С учетом этого, металлические фрагменты неизвестного происхождения, окрашенные в цвет морской волны, не могут рассматриваться в качестве улик, даже если на них наличествует номер изделия.

* * *

Маня пришла с прогулки, и, как всегда взахлеб стала рассказывать о виденном ею в скверике.

— Я на пузе с горки съезжала, а Тему няня на горку не пускала, и он плакал громко-громко, как салют. А у Маши, которая не наша, была коляска с куклой большая, а Маша ее давать не хотела. А потом разрешила, и я с ней бегала и даже не упала. А потом мальчик пришел, он был не злой, я не знаю, как его зовут, он неправильно разговаривал. Непонятно, но в голове понятно. И папа его был не злой, только брови не добрые. Я ему сказала, головой — ты почему не смеешься, смеись! И он смеялся, и брови добрые стали, а говорил неправильно. Мальчик мне сказал, что ему сказки нравятся. Я ему говорила, как три пососенка волка боялись, а потом не боялись, а радовались, и про Винни Пуха, и он смеялся. И еще мыльные пузыри мне подарил. А потом уходил, а я «до свиданья» не хотела говорить, чтоб не уходил, и не сказала, а он ушел с папой...

Маша стояла на балконе и самозабвенно выдувала на прохожих мыльные пузыри из новой пузырильницы. Пузыри были красивые — круглые, кубические, призмы с внутренними полостями и еще всякие. Один до сих пор висит у меня над столом. Прохожие стали ловить пузыри руками, и у тех, кому это удалось, — сбылись самые заветные желания... Феномен множественного аномального суицида был описан в литературе чуть позже...

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ДЕРЕВЕНСКИЙ КИБЕРПАНК

ГЛЕБ БАРАНКИН УПАЛ В КАРТОФЕЛЕУБОРОЧНЫЙ КОМБАЙН. С утра хлебнул беленькой, споткнулся и спланировал в барабан. Робот Мишка, который в отдалении занимался ремонтом сеялки, примчался через секунду и сунул в зубчатый механизм правый манипулятор. Действительно, чего ему? Роботы боли не чувствуют. Сплющил себе пару металлических суставов и все. На МТС у Щукина Васьки ремонта на пару часов. Да и Баранкин почти не пострадал. Ну, сломал три ребра, ногу вывихнул — мелочь, одним словом. Однако на чадящем планероллере примчался участковый Крынкин и составил протокол. А еще через день на всех, даже отдаленных хозяйствах захрипели факсы, и из них полезли предупреждения и угрозы.

— Техосмотр! Аттестация! — разволновались фермеры. — Лучше бы закупку на картофель подняли!

На следующее утро справный мужик Макар Разливахин поцеловал в теплую лопатку спящую жену, поправил одеяло на кроватке розовощекого пацана, крикнул с крыльца Прохора, дал указания насчет полевых работ, оседлал механического таракана и умчался в поселок. А уже к обеду с пакетом апельсинов заявился к Баранкину. Глеб почесал забинтованный бок, буркнул недовольно:

— Ты бы еще клубники приволок!

— Ты лучше скажи, как это тебя угораздило? — чихнул Макар, выставляя на стол поллитру. — Жили, не тужили, картоху выращивали, и на тебе. Какого лешего ты на комбайн полез?

— А хрен его знает, — с досадой звякнул об стол стаканами Глеб. — Что-то Мишке пытался доказать. Я как выпью, всегда на рожон лезу. Пару раз даже драться с Мишкой пытался!

— Ну и кто кого? — сглотнул водку Макар.

— А никто! — махнул рукой Глеб. — Мишка с дураками не связывается. Парень что надо!

— Подставил ты своего Мишку, — плюнул в сердцах на пол Макар. — И меня, и всех. И себя. Да еще Крынкин — дурень, в протоколе упомянул, что Мишка тебе жизнь спас. У самого же на усадьбе трое роботов вкалывают! Абзац нашим роботам. Размагнитят к ядреной фене весь личный состав!

— Это как же размагнитят? — удивился Глеб. — Мишка у меня испокон веку. Он же из лесу пришел!

— Это мы с тобой, Глеб, здесь испокон веку! — Плеснул еще водки Макар. — А роботы все пришлые. Беглые они. Когда эти техосмотры на материке ввели, они к нам и по-

дались. Их немерено в болотах утопло. Да и те, что дошли, только благодаря Щукинскому МТС функционируют. Но без них мы тут загнемся!

— Знамо дело, загнемся, — осторожно потрогал сломанные ребра Глеб. — Макар! А не хрен ли с этим техосмотром? Посмотри на Мишку! Железяка хоть куда! Я узнавал у Крынкина, наши роботы в розыске не числятся. Их списали давно. Ну, поставят новые операционки. И что?

— Операционки! — встал Макар. — Вот и будет у тебя в хозяйстве не Мишка — робот универсал, а операционка. Нет в твоей операционке никаких сельских функций!

— Погодь? — нахмурился Глеб. — А кто ж технику обслуживать будет? У меня десять гектар бульбы. Кто жука будет собирать? Навоз таскать? Сурепку компостить? Мне чего ж? Самому пуп рвать?

— Рви! — кивнул Макар. — А хочешь, специальную программу покупай. В министерстве. Только она тебе обойдется в два урожая. На каждый твой агрегат — отдельная программа. Лопату в манипуляторах держать — и то программа будет нужна!

— Чего ж делать-то? — растерялся Глеб.

— Не знаю, — нахмурился Макар. — Я к Щукину пойду. Если Васька ничего не придумает, прямо хоть на болотах скрывайся.

— В трясине?! — расстроился грузный Глеб. — Утопну я.

— То-то и оно! — выругался Макар. — Лучше бы ты на болота спьяну ходил, а не на комбайн лазил.

До фермы Макара инспекция дошла через неделю. Геликоптер притащил камеру, сбросил ее у плетня, затем исторг из кабины чиновника.

— Клюев! — представился тот, вытирая пот со лба.

— Разливахин, — ответил Макар и спросил, как бы не догадываясь. — А вы, собственно, кто?

— Из министерства я, — не оценил шутку чиновник. — Дерьмо ваше приехал разгребать.

— Можно, — кивнул Макар. — Только его сначала на поле надо вывезти, а потом уже и лопатить.

— Вывезем, — успокоил фермера Клюев. — Инструкции получили?

— Ну? — прищурился Макар. — А если я с ними не согласен?

— А согласия как раз и не требуется! — повысил голос Клюев. — Постановление правительства и без согласия работает. А то развели тут, понимаешь! В округе полтыщи бесхозных роботов!

— Отчего же бесхозных? — не понял Макар. — Все при деле.

— Это ваш? — резко спросил Клюев, ткнув пальцем в младшего Разливахина, пытающегося заглянуть в окна камеры.

— Вроде, — кивнул Макар.

— А не боитесь, что ребенок среди роботов гуляет? — раздраженно раздавил комара у себя на лбу чиновник.

— Вы это, — Макар поморщился. — Бросьте. Оно понятно, железка железке рознь, но у нас такого не бывает. Народ здесь мирный. И роботы мирные. И вообще, шли бы вы за мной на терраску. Супруга чай заварила с липой, посидим, мож, я чего и уразумею. Все одно роботы с поля только через час вернутся. А то нас тут комары пожрут.

Чиновник поперхнулся, прикончил ещё одного комара и согласился. Разговор заладился не сразу. Однако после чашки ароматного чая Клюев немного оттаял.

— Не глянулся я местному населению, — пожаловался он. — Словно я не на перепрограммирование роботов гоню, а под пресс! Камеру — душегубкой прозвали! Про нарушения авторского права вообще не говорю!

— Какое право? — насторожился Макар. — В ваших рассылках прописано, что операционка устанавливается бесплатно!

— А драйверы? — поднял брови Клюев. — Землекопательный, навозоубирательный, разбрасывательный? Прополочный? Поливочный? Да мало ли! Я уж не вспоминаю про тракторный! И ни копья!

— Погодь, — поднял руку Макар. — Не устанавливаем мы никаких драйверов! Ни поливочных, ни протирочных. За что платить?

— Не устанавливаете? — усмехнулся чиновник. — Только не надо мне ботву на уши вешать! В качестве бесплатной опции и в старой операционке, и в новой — только переноска тяжестей и штабелирование. Все остальное — платное. А у вас роботы, я сам видел, только что уроки у детей не проверяют.

— И уроки проверяют, — озадачился Макар и окликнул жену. — Маша! Слышь-ка? Принеси-ка нам бутылочку, а то без поллитры не разберешься.

Под бутылку разговор пошел легче. А под вторую собеседники плавно перешли на «ты». Клюев навалился на стол грудью и, гоняя по тарелке вилкой маринованный масленок, терпеливо объяснял тоже порядком захмелевшему Макару.

— Пойми! Вот ты говоришь, что драйверы вы не используете, поскольку сами роботов обучаете.

— Ну, — согласился Макар.

— Вот! — хрюкнул чиновник, отчаявшись управиться вилкой и засосав масленка прямо с тарелки. — И это самое страшное! Ты думаешь, так нужны все эти техосмотры? Э, брат! Тут все очень хитро! Мера вынужденная! Раньше ведь как? Загрузили в робота программу, потом еще одну. Память добавили. Оперативку. Он и служит. А теперь изволь раз в год все это стереть и заново загрузить! Ты понимаешь, железки эти за два-три года начинают зачатки искусственного интеллекта проявлять! У них привычки появляются, увлечения, пожелания! Сначала пожелания, а потом требования? А там, глядишь, дойдет до избирательного права? Отдельного жилья?

— С чего бы в них этим зачаткам появляться? — не понял Макар. — Брак чтоль какой в программах ваших? У нас ведь, как в фермерстве: если картошку в землю не бросишь, то ботва из гряды не полезет, разве только сорняк!

— То-то и дело, что сорняк! — стукнул по столешнице стопкой Клюев. — Я точно не знаю, засекречено это все, но слухи ходили разные. То ли военные что намудрили,

то ли аура такая заразная у человечества. Только всякий робот на хозяина своего очень смахивает!

— А и то верно, — задумался Макар. — Вот у Глеба Баранкина — Мишка! Копия хозяина! То пашет как трактор, технику старую восстанавливает, а то смотришь, сидит на завалинке и в небо пялится! Хорошо, хоть не пьет!

— Был копией хозяина! — хихикнул Клюев. — Размагнитил я его. Теперь он зазря в небо пялиться не будет!

— Однако он Глебу жизнь спас! — нахмурился Макар.

— Спасение жизни человеку, если в программе это спасение не предусмотрено, является опасным фактором, который угрожает существованию человечества! — погрозил пальцем чиновник. — А то затеяли тут спасательство, ешкин кот. Именно с этих правил робототехники вся эта петрушка и заварилась!

Прохор привел бригаду роботов с поля после обеда. Покачиваясь от выпитого, Клюев их пересчитал, сверился с записями, удовлетворенно хмыкнул и приказал загружаться в камеру. Роботы нестройно повернулись и направились к душегубке. Когда последний залез внутрь, Прохор обернулся и вопросительно направил окуляры на Макара. Разливахин расстроенно махнул рукой.

— Куда ты, Прохорушко? — заголосила со двора жена.

— Дядя Прохор! — закричал пацан.

Прохор замер на мгновение, затем решительно поставил железную ногу на порог душегубки, поднялся внутрь и захлопнул за собой дверь.

— Активация! — заплетающимся языком пробормотал Клюев, выуживая из кармана пульт и нажимая на красную кнопку. — Через десять минут они будут невинны как младенцы!

Геликоптер вернулся за Клюевым к вечеру. Роботы идеальной шеренгой стояли во дворе. Чиновник бродил вокруг них с тестером и удовлетворенно кивал.

— Отлично! Смотри-ка, а программа легла как надо! Теперь загружай, что хочешь, и пользуйся. Министерство распространяет программы для тружеников сельского хозяйства со скидкой десять процентов!

— Понятно, — кивнул Макар. — Только уж мы как-нибудь по старинке. Обучим!

— Обучайте, — ухмыльнулся Клюев и, уже садясь в геликоптер, крикнул. — Только через год я опять к вам в гости!

Едва летательный аппарат пошел к лесу, как из-за посадки раздался топот, и верхом на механическом таракане появился Щукин Василий. Спрыгнув, он бросился к роботам и принялся резво вытаскивать из них аналитические блоки.

— Ничего не перепутал? — тревожно спросил Макар.

— Нет, — торопливо ответил Васька. — Хотя условия конечно полевые. Ничего. К следующему году у меня запасных блоков не пять десятков будет, а на каждого робота в округе. На, обратно сам вставишь. Только не перепутай. Я надписал на каждом, кто где.

— Слышь, Васька, — Макар нахмурился. — Интересно, что они там испытали в этой душегубке?

— Не знаю, — развел руками Щукин. — Я ж все больше по технике, программы пользую постольку-поскольку. Но думаю, что это вроде как смерть. Их же там проникающим магнитным шарашат, потом только перезагружают. Хрен его знает, Макар. Только они все одно этого не вспомнят. Я когда из них блоки в обед на поле вытаскивал, они в буфер себе по минимуму слили, чтобы до душегубки дойти, но чувствовали все по-настоящему. Ну, я поехал! Надо до темноты в поселок успеть, чтобы разнюхать, куда наш инквизитор завтра отправится! Спасибо за таракана, только я его приторможу у себя на недельку, гироподвеску надо отладить, все кишки вытряс!

Макар проводил взглядом Щукина, выбрал из кучи блок с надписью Прохор, вставил его в приемное устройство, щелкнул крышкой. Робот вздрогнул, медленно сфокусировал окуляры, пригляделся к Макару, спросил:

— Кто ты, человек?

— Да ты что?! — побелел Разливахин. — Ты что, Прохор?!

— А ничего, — издал рокочущий звук робот. — Шучу я, Макар!

— Дядя Прохор! — бросился с крыльца пацан.

— Ты это, — Макар присел, разбирая остальные блоки. — Ты, Прохор, зла на людей не держи. Сложно все. Понимаешь?

— Пытаюсь, — признался Прохор, наклонившись, чтобы ребенок мог взобраться на его широкие плечи. — Одного я только не пойму, когда же ты свое обещание выполнишь? Уж месяц, как грозился новые обои для ремонта моего домика привезти! Деньги я тебе заплатил, замечаний ко мне нет, чего завтраками кормишь?

— Ну, так это, — с досадой почесал лоб Макар. — Подожди еще пару дней. Вот только пруха эта уедет, да Щукин таракана вернет. Вот те крест!

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО СВИНОПАСА

И разошлись они в разные стороны. Бросился один из них в реку Синанн, а другой — в реку Сиур. Два года провели они под водой. Первый год провели они в реке Синанн и пытались там пожрать друг друга, а второй год провели в реке Сиур.

Потом превратились они в двух оленей, выбрал себе каждый стадо из молодых олениц и бились они друг с другом за то, кому быть первым.

Потом превратились они в двух воинов и сражались друг с другом.

Потом превратились они в двух призраков и пугали друг друга.

Потом...

О ссоре двух свинопасов[1]

...ПОТОМ, КОГДА УЖЕ НАСТУПИЛ ВЕЧЕР И КОЕ-КТО ИЗ ЗРИТЕЛЕЙ заскучал, чародеи превратились в двух великанов, волосатых и свирепых. Один был рыжий, второй — седой, оба размахивали сучковатыми дубинами размером с городскую ратушу, утробно рычали и попукивали от переизбытка чувств.

Народ оживился, торговцы пирожками и пивом снова забе́гали по проходам, предлагая свой товар. Дуэль между магами длилась долгонько, многие проголодались.

Великаны тем временем принялись охаживать друг друга дубинами — только щепки во все стороны летели! Впрочем, согласно древнему незыблемому договору, ничто не должно было угрожать жизням тех, кто пришел на турнирное поле. Поэтому щепки, долетев до зрительских рядов, вспыхивали и сгорали в фейерверке искр, и даже смрад от диких тварей, в которых превращались маги, не беспокоил зрителей.

Словом, развлечение что надо! Особенно под пирожки да пиво.

Конечно, был и тревожный момент: если бы чужой маг победил городского, последнему пришлось бы уйти, а это грозило неприятностями. Пришлецы, устраиваясь на новом месте, старались любым способом доказать свое превосходство: требовали особого внимания, повышали плату за свои услуги... Потому-то чаще всего и были такие маги бродячими, неустроенными: рано или поздно город находил способ избавиться от чересчур притязательных «помощников».

Однако жители Иллгайрэта верили в своего мага, и если волновались, то совсем чуть-чуть. Сам магистр Финдбеннах отнесся к появлению соперника с изрядной долей иронии. Пошутил: хорошо, что пришел, а то давненько не было в городе развлечений!

Гостя проводили к башне Финдбеннаха. Там и состоялся разговор — достаточно громкий, чтобы его слышал не только слуга, явившийся вместе с магом-чужаком, но и кое-кто из простых смертных. Оба мага были до крайности скупы на слова — они

[1] «Похищение быка из Куальнге» /пер. Т.Михайловой. — М.: «Наука», 1985. — С. 113-114.

обменялись приветствиями, после чего рыжий чужак произнес ритуальную формулу вызова на поединок. Условились начать следующим утром. Правила обычные, никаких особых условий ни магистр Финдбеннах, ни рыжий выдвигать не стали.

Это был двадцать седьмой поединок магистра за последние двести лет, и начался он, как и предыдущие двадцать шесть. Поутру на турнирное поле вышел громадный седой бык, стукнул копытом о землю и заревел, вскинув к небесам голову, увенчанную четырьмя рогами. В быка Финдбеннах превратился сразу же, как только вышел из башни, — и весь путь по улицам городе проделал в этом облике. Под ноги ему бросали цветы, женщины поднимали детей, чтобы те могли прикоснуться к шелковистой шерсти.

Рыжий чужак по имени Фриух провел ночь на постоялом дворе, а едва рассвело, ушел со своим слугой в священную рощу, находившуюся рядом с турнирным полем. Когда Финдбеннах издал свой яростный клич, Фриух вышел из рощи, обернулся вепрем и помчался навстречу сопернику. Они сошлись на поле, бык и вепрь, — и поединок начался.

Давно жителям Иллгайрэта не доводилось видеть таких сражений! В кого только ни превращались маги, что только ни выдумывали, дабы одержать победу! Пернатый спрут сходился в поединке с дикобразом, гигантский лев отбивался от грифона, сонмище муравьев атаковал рой ос; воины в блестящих на солнце доспехах, исполинские червезмеи, мантикоры, химеры всех мастей сшибались друг с другом, но никто не мог победить: там, где Фриух был сильней, Финдбеннах оказывался изворотливей, на хитрость магистра рыжий отвечал своей хитростью, на заклятье — заклятьем, удар когтей встречал щитом, ядовитый плевок — водопадом...

День пролетел незаметно. Только когда над турнирным полем взлетели два дракона, золотистый и снежно-белый, зрители обратили внимание, что давно уже наступила ночь. И все как-то сразу поняли: шуткам да забавам конец. Вот-вот окончательно выяснится, кто станет служить Иллгайрэту, а кто — покинет его навсегда.

Огнедышащие чудовища на миг замерли в воздухе, величественно взмахивая крыльями, а потом набросились друг на друга. Внизу сотни людей следили за ними, затаив дыхание.

* * *

— Ты гляди! Из великанов стали драконами. Ого-го, теперь точно что-то будет!

Хозяин постоялого двора пританцовывал у окошка, до боли закусив нижнюю губу. Денек у него выдался тяжелый: посетителей почти нет, оно и понятно, все люди нынче собрались на поле, ему и самому туда охота податься, да нельзя: все-таки «почти» и «нет» — не одно и то же.

За столиком в самом углу сидели трое. С виду — ничего особенного, но, конечно, дурни, каких поискать. Магический поединок их почти не занимал. Сперва-то еще поглядывали в окно, однако, казалось хозяину, больше для приличия; потом и вовсе забыли о турнире. Знай, болтали да еды-питья требовали. Но — платили; приходилось отвлекаться. Вся прислуга-то сейчас была на трибунах, торговала пирожками, он один остался на постоялом дворе. А теперь из-за этого страдал.

Маги, превратившись в драконов, воспарили в небо. Вот-вот начнется самое захватывающее — и надо же такому случиться: именно сейчас мочевой пузырь хозяина решил, что от выпитого пива надобно срочно избавиться! До отхожего места бежать недалеко, но оно на задворках, оттуда поля не видать! Ай, да что за дело, можно б выйти и под стеночкой... того... но ведь отвернуться нельзя, самое же интересное! Ночь на дворе, значит, вот-вот все решится.

Ах, нельзя отворачиваться!

Ой, терпеть больше нет сил!

— Вы, хозяин, вышли б, не страдали, — подал голос старший из троих. — Клянусь, за это время ничего особенного не случится.

— Ага, не случится! — запальчиво воскликнул тот. — Неужели не знаете: как раз тогда все самое главное и происходит, когда отворачиваешься!

И тут же, не выдержав, махнул рукой, ругнулся вполголоса и побежал к двери, неуклюже переставляя ноги.

Выскочил.

Зажурчал.

Дверь за ним с тихим хлопком закрылась, и засов сам собою скользнул в пазы.

— Недоверчивый народ, — посетовал тот из посетителей, что был помоложе.

Третий, совсем мальчишка, дерзко хмыкнул и потянулся за очередным куском пирога с бараниной. Он, мальчишка, вообще все время молчал и работал челюстями, как и полагается воспитанным, неглупым слугам.

— Обратно ломиться-то не станет? — спросил тот, что помоложе.

— Нет, — ответил седой. — Он будет поединок досматривать и на какое-то время обо всем забудет. А потом — забудет только про нас, я сделаю, не впервые. — Седой усмехнулся: — Дед у него, помню, был с махонькой искрой *таланта*, всегда ухитрялся что-нибудь да вспомнить. Встретит меня на улице, робеет спрашивать, но — любопытный! — уходить тоже не хочет. Так и стоит, смотрит мне вслед, пока не уйду. Однажды я решил подразнить его, спросил: «Чего задумался, Илиах?» «Да вот, магистр, не знаю, то ли схожу я с ума, то ли не схожу. Вспоминается что-то... но если не схожу, значит, так вы сами хотели. Я уж спрашивать о том не буду, вы просто ответьте: заразился я безумием или нет».

— И что ты ответил?

— Пообещал: если он действительно начнет сходить с ума, я ему об этом сообщу, — и старик громко захохотал.

Его собеседник тряхнул копной рыжих волос:

— Забавно. С этим так же поступишь, если что-нибудь вспомнит?

— Не вспомнит. Но и рисковать я бы не хотел. Если придется вымарывать из его памяти слишком многое, можно навредить, а это ни к чему. Знаешь, какое первое правило свинопаса? «Дорожи каждым своим подопечным!» Так что, — подытожил седой, — давай-ка займемся делом. Драконы продержатся в небе еще какое-то время, потом будут фениксы, а дальше, надеюсь, итог станет ясен и мы просто отобразим его в зримых образах.

Они отставили в сторону кружки, сели прямо, переплетя кисти «крестом», и впились друг в друга взглядами. Так продолжалось какое-то время, в течение которого, казалось, *ничего не происходило*. Мальчишка-слуга, усыпленный Фриухом одним движением руки, тихо похрапывал и всхлипывал во сне.

Рыжий первым вздрогнул и помотал головой, приходя в себя. Ослабевшей ладонью утер со лба пот.

— Молодец, — сказал ему седой. — Хорошо держался. Говоришь, Донн, когда учил тебя, был доволен?

— «Донн» и «доволен» — два несовместимых слова! Старый зануда только и делал, что ворчал: то не так, это не этак.

— Узнаю характер Бурого! — засмеялся Финдбеннах. — А все-таки ты зря ушел от него, он бы еще многому тебя научил.

— Да — если бы прежде не замучил до смерти своими причудами. Но я все равно ему благодарен. Бурый — один из лучших магов. Хотя вы, пожалуй, будете посильней.

— Глупости! — резко произнес Финдбеннах, вставая. — Ты судишь по себе, но ты еще не превзошел своего учителя. Если захочешь продолжить спор, возвращайся сюда лет через сорок, а до того побродди по свету и хорошенько приглядись к людям, поживи среди них. Пока же — прощай.

Финдбеннах достал из кошелька на поясе серебряную монету и положил на стол.

— Но магистр! — обиженно воскликнул Фриух. — По уговору, платит проигравший.

— Вот и заплатишь. А монету при случае передашь Бурому Донну.

— Только монету? А на словах?..

— Скажешь, что все забыто и уже не важно, кто ошибался. Бурый поймет. — И Финдбеннах, попрощавшись, вышел во двор, чтобы позаботиться о воспоминаниях падкого на зрелища хозяина.

В ночном небе белый феникс одолевал рыжего.

* * *

— А дракон, ты видел дракона? Хорош был, верно?

— Хорош, — признал мальчишка.

Фриух и его слуга шли прочь от города по ночной дороге. Согласно условиям поединка, сразу после его завершения они должны были покинуть Иллгайрэт.

— Пожалуй, за последние несколько турниров это твой лучший дракон. Но Финдбеннахова феникса ты так и не превзошел. — Мальчишка помолчал, подбрасывая в воздух серебряную монетку. Зависнув у него над головой, она на мгновение превращалась то в мотылька, то в воробышка, а потом снова становилась монеткой и падала в подставленную ладонь. — И ты мог бы продержаться подольше! — сварливо заметил Бурый. — Конечно, если бы не был так упоен величием собственного дракона!

— Но, учитель...

— «Но, учитель»! — передразнил маг. — Скажи мне, Фриух, ты хоть понял, что сегодня Финдбеннах преподал тебе очень важный урок?

— Понял, конечно, — обиделся рыжий. — Первое правило свинопаса, верно?

— Ну, значит, есть еще надежда, что я не зря потратил на тебя столько лет! Только не радуйся раньше времени: ты слишком безответственен, чтобы можно было поручить тебе заботу о горожанах. Быть магом — это не только владеть *силой*, но и знать, как и когда ее применять. И главное, о чем надлежит помнить каждому из нас: те, за кого мы в ответе, — простые люди. Ты уже сейчас неплохо владеешь *силой*, но слишком гордишься этим. Тебе недостает смирения. Прав был Финдбеннах: тебе надо походить по миру, пожить среди обычных людей. Тогда и поглядим...

— Позвольте вопрос, магистр?

Донн кивнул, и рыжему показалось, что из-под иллюзорной мальчишечьей личины проступило другое, настоящее лицо: густые брови, крючковатый нос, колючий взгляд карих глаз.

— Скажите, что просил передать вам Финдбеннах? Что «забыто»?

— А, это!.. Было у нас одно давнее недоразумение, — туманно отозвался Донн. — Повздорили мы когда-то, молодые были, горячие. Пожалуй, я навещу старика, когда ты станешь достаточно взрослым, чтобы можно было хоть ненадолго оставить тебя без присмотра.

И кстати, — добавил он, прищурившись, — что это ты имел в виду, когда говорил про «старого зануду»?

2004

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ДАС ИСТ ФАНТАСТИШ!
(НЕМЕЦКАЯ ФАНТАСТИКА: МЫСЛИ СВОЕВРЕМЕННЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ)

В отличие от фэнтези, которая по-прежнему широко издается и пользуется популярностью, научная фантастика в нынешней Германии находится в состоянии затяжного кризиса.
(Франц Роттенштайнер, Phantastikstrasse//«Если», 2004, №6)

ЧТО МЫ ВООБЩЕ ЗНАЕМ О НЕМЕЦКОЙ ФАНТАСТИКЕ? «МЫ» — это все вместе: писатели-фантасты, литературоведы, критики... издатели... массовый читатель, наконец?

Вопрос не праздный. Рядовые потребители из немецких фантастов вспомнят, наверно, лишь Герберта Франке: скорее именно *вспомнят*, чем смогут назвать какое-либо конкретное произведение. И немудрено: переводы этого автора публиковались у нас очень редко, на нынешних прилавках его не встретишь. Нам, правда, успели обьяснить, что Франке — единственный из ныне живущих немцев, добившихся в фантастике международного признания. Ну, какое-то время это действительно было так, но теперь за пределами ФРГ понемногу становятся известны и другие немецкие фантасты. Сумеют ли наши любители жанра их назвать? Ведь книга Андреаса Эшбаха «Видео Иисуса», ставшая пусть и локальной, но все-таки международной сенсацией, у нас не переводилась, снятый по ней двухсерийный фильм до русскоязычного зрителя тоже не дошел; о прочих его шедеврах («Квест», например, или «Звезда Кельвина», не говоря уж о находящихся именно сейчас в фокусе европейского внимания книгах «Триллион евро» или «Проект „Марс"») речь тем более не идет. Фильм писателя-режиссера Райнера Эрлера «Плоть» у нас как-то мелькнул в годы перестройки (лет на десять позже, чем его увидели не только немцы, но и американцы) — а вот одноименный роман внимания переводчиков и издателей не привлек. Может, и поделом ему, тем более что фильм о преступной торговле человеческими органами вместе с созданной по его сценарию книгой — да, именно в такой последовательности Эрлер работал! — *фантастикой* был в момент его создания, но не сейчас. Однако у Эрлера ведь таких фильмороманов полным-полно — и с некоторыми из них наш зрителечитатель фантастики, даже взыскательный, ознакомился бы с удовольствием. Скажем, со «Сладкой катастрофой», фантастичность которой отнюдь не утратилась с годами.

Вообще, из германской кинофантастики мы знаем, кажется, только бегущую Лолу (кстати: случайность ли, что режиссер ее Томас Тыклер принадлежит к той самой

«баварской школе», у истоков которой стоит Эрлер?). Правда, реализованных современных проектов тут не в пример меньше, чем в Голливуде — но со сценариями и литературной первоосновой дело обстоит приличней. Например, любопытная ситуация сложилась с фильмом «Маленький вампир», он же, в нашем прокате, «Вампиреныш». Голливудская экранизация Ули Эделя от 2002 г. не просто собрала приличную кассу, но и запомнилась совершенно нестандартным подходом ко вроде бы избитой до кровавых синяков теме. Но вот о причине этой «нестандартности», то есть о немецком литературно-иллюстративном первоисточнике (Анжела Зоммер-Боденбург и Амелия Гляйке образовали тут столь же неразрывный «тандем», как, допустим, Я. Гашек и Й. Лада — при сотворении образа бравого солдата Швейка), наши зрители и слыхом не слыхивали. О читателях же тем более речи нет!

Кого еще вспомнят читатели? Вольфганга Хольбайна (или, по нашей традиции, «Гольбейна»)? Фамилия его, может быть, чуть-чуть и на слуху — а вот книги... Ну, название двух из них в статье Роттенштайнера приведено — и вряд ли наш рядовой потребитель знает что-либо, кроме этой пары названий. А ведь только в издательских планах на 2004/2005 год фигурируют десятка четыре его «сольных» работ (считая переиздания, конечно). Да вдобавок еще — соавторские книги, с женой Хейнке (теперь, став *звездой*, Вольфганг все больше пишет один, но начинали они вместе!) и с коллегами по цеху: Бернардом Хенненом (три их совместных романа, образующих мини-цикл «Грифоний год», сейчас издаются в рамках одного «утолщенного» тома) и с Карлом-Ульрихом Бургдорфом (недавним плодом этого сотрудничества стал «Остров звездного зверя», по жанру — боевиковая технофэнтези, а по *направлению* — книга-игра, не очень прижившаяся у нас разновидность творчества).

Может быть, образованные читатели вспомнят еще Курда Лассвица. Но скорее уж как «чтение прадедушек».

Все? Пожалуй, все. Во всяком случае — из классической фантастики. У нее ведь есть свой мэйнстрим, и туда не очень-то входят произведения, скажем, «на грани» литературной сказки или этакой вот чертовщинки. Во всяком случае, для нас. А для немцев — чуть ли не совсем наоборот.

Впрочем, наша критика и издательская практика уже четко определились с мнением: мэйнстрим немецкой фантастики узок, популярность ее самых «раскрученных» авторов определяется прежде всего не оригинальностью их мыслей и стиля, а ориентацией на малотребовательные читательские круги. И вообще эта популярность большей частью локальна.

Не считаю это мнение верным. Но для него, бесспорно, есть очень веские основания. Какие именно?

Так сразу и не ответишь. Ответа этого мы не найдем даже в той самой статье австрийского критика «Phantastikstrasse», с цитаты из которой начинается наше исследование. Хотя в любом случае, эта статья и «целевой» номер «Если», где она была опубликована, дают о немецкой фантастике самую полную информацию, что была опубликована у нас за последние годы. И если сейчас нам придется спорить с позицией Франца Роттенштайнера (придется!) — все же для начала признаем его высокий профессионализм.

...Как ни странно, проблемы немецкого «мэйнстрима фантастики» (хоть SF, хоть фэнтези) в ряде случаев остаются незамеченными и самими немцами. Очень характерен эпизод, случившийся при попытке пригласить на «Звездный Мост-2004» представителей литературного семинара при Ганноверском университете: в несколько раз менее мощного, чем харьковский или киевский КЛФ, — зато с платным входом. В ответ на это приглашение — где содержалась информация о вступительных взносах, а также была фраза, что «по европейским стандартам эта сумма чрезвычайно мала», вскоре пришел официальный ответ, суть которого сводилась к тому, что «...Вы правильно указали, что, по германским меркам, сумма выплат очень невелика: она едва ли покроет даже наши расходы на поездку. Однако, если нам будет доплачено еще примерно столько же, мы сможем откомандировать на ваш конвент дипломированного и остепененного филолога-языковеда, который в доступной форме растолкует вам, дикарям, что такое фантастика». Ну, именно слово «дикари» там, положим, отсутствовало — но смысл был именно такой...

Чувствуется: эти университетские специалисты очень высокого мнения о немецкой фантастике. Настолько высокого, что у них не возникло никаких сомнений: на варварский Восток их могут приглашать только в виде очень-очень почетных гостей. А ведь вполне можно бы и знать, что, пусть *на самом деле* улица немецкой фантастики далеко не столь узка, как представляется австрийскому критику, с нынешним российским проспектом она не сопоставима.

Но с чем она все-таки сопоставима — и по набору авторов, и по количеству ежегодно выпускаемых книг, и, в какой-то степени, по их направленности?

Как ни парадоксально — с... нашей фантастикой. Такой, как она была в самые недавние из кризисных лет, незадолго до «бума» 1996 г. Конечно, налицо масса поправок с учетом общеевропейских норм (о них — чуть ниже), но и сходство налицо. Явное предпочтение, которое издатели оказывают громким и полугромким «импортным» именам, в первую очередь, конечно, американским — хотя доля англичан, испанцев и голландцев (среди последних есть даже не *переводные*, а немецкоязычные авторы) повыше, чем в СНГ-шном вале начала 90-х.[1] Нежелание искать собственные таланты — при том, что если немецкий фантаст все-таки попал «в обойму», у него без особых колебаний напечатают даже относительно слабые вещи. Пестрота и непоследовательность издательской политики. Наконец, упор на фэнтези, а не на SF.

Хотя... тут, пожалуй, как раз пришло время поспорить с Роттенштайнером. Действительно ли с сайенс фикшн в Германии (и с *немецкой* сайенс фикшн как таковой) дела обстоят так плохо? Или это все-таки очень характерный (и очень нам знакомый!) для ряда критиков подход, когда лишь сайенс фикшн негласно считается чем-то «настоящим», поэтому само присутствие на рынке *смежных жанров* может быть воспринято лишь как признак упадка?

[1] Если в выходных данных книги немецкого издания значится: «перевод с английского», можно быть уверенным — оригинал действительно „Made in Great Britten». Во всех остальных случаях будет значиться «перевод с американского» или даже «с австралийского» (о переводах канадских и новозеландских авторов не скажу — возможно, просто видеть пока не доводилось). Любопытная и, на непривычный взгляд, даже забавная манера!

Если сопоставить количество вышедших и заявленных издательствами к выпуску книг — то соотношение окажется гораздо более благоприятным для фикшн, чем *у нас*. Например, по числу названий издательские планы одного из крупнейших немецких концернов Bastei/Luebbe на 2004-2005 г. почти уравнивают SF и фэнтези: у последней оказывается перевес где-то в 10%. По количеству авторов соотношение тоже небезнадежное: в первом случае — за 40, во втором — за 60. Конечно, прежде всего — преводы *с американского*, но не только. Допустим, тот же Хольбайн в Bastei/Luebbe-вской сайенс фикшн анонсирует 4 «сольных» тома (правда, в фэнтезийных сериях — аж целых 29, да и все соавторские работы у него здесь). Зато нога Эшбаха на территорию фэнтези никогда не ступала, так что все 7 его книг, заявленных на этот период этой издательской группой,[2] относятся к SF-категориям.

(Отметим в скобках, что деление на категории в Германии не всегда идентично нашему. Та же «сайенс фэнтези» почти без исключений считается одним из SF-жанров; не чуждается SF и «готики». Впрочем, немецкая «готическая фантастика» самых разных направлений, развиваясь *у себя дома*, сумела дать неожиданные плоды. Нам, привыкшим видеть в ней главным образом заумно-мистическое или низкопробно-душещипательное чтиво, трудно поверить сему факту — но придется. Ведь такое отношение связано прежде всего с тем, что русскоязычный субстрат, обжегшись на этой тематике еще в пору детства жанра, в дальнейшем потреблял только отбросы «готики».

И совсем, СОВСЕМ иная, чем у нас, роль отводится в Германии детско-подростковой фантастике — где, между прочим, очень велика доля писателей европейских вообще и немецких в частности. Но это тоже уж очень особый вопрос, явно требующий особого же рассмотрения.)

У других издательств обычно сходный подход. То есть серии, состоящие только из фэнтезийной литературы, встречаются куда чаще, чем научно-фантастические, —

[2] И Bastei, и Luebbe существуют также «порознь», хотя самостоятельные программы у них куда менее масштабны, чем совместные. Причем, хотя «совмещение» происходит скорее на базе издательства Густава Люббе, вкус к фантастике этому дуэту привил менее могущественный партнер, «Bastei»!.

[3] Существует еще одна причина тяги к «мечу и магии», характерная для современной Германии. Как и везде, батальные сцены — наиболее простой ключ к успеху для остросюжетных произведений, рассчитанных на массового читателя. Но дело в том, что при описании эпохи «автомата и бластера» немецких авторов охватывает исторически обусловленный пацифизм. Поэтому входящие в моду девочки вроде А. Шаумлёффель(«Забытые боги») и Х. Вольф («Игральный камень богов») без малейшей опаски действуют на территории рыцарей, драконов и волшебников, а мальчики вроде Б. Хеннена («Эльфы») или М. Хайтца («Война цвергов») столь же решительно отправляются в, соответственно, толкиновские и околотолкиновские миры. Но когда доходит до технических миров, хоть отдаленно напоминающих Землю века 20-го и далее — смущенно тушуются даже опытные авторы. Сколь ни агрессивен Хольбайн в «магически-мечевом» пространстве, на страницах своего SF-цикла «Милосердие» он ведет себя именно так, как требует название цикла. Х. Д. Кляйн, известный, по немецким меркам, мастер космической SF, в романе «Феномены», начав действие на борту орбитальной станции, по ходу погони за пришельцами нефэнтезийно переносится, от греха подальше, в Древний Египет. А тот же Эшбах, в «Видео Иисуса» вынужденный действовать на территории современного Израиля, очень неумело и, что называется, «без души» описывает реалии бытия на грани военных действий. Примерно тот же грех и в опубликованных в «немецком» спецвыпуске «Если» рассказах Эрлера и Фрея: переводчикам пришлось немало постараться, затушевывая тяжеловесную натужность, регулярно выпирающую у этих вообще-то умелых профессионалов в описаниях милитарных эпизодов.

но крупные концерны стараются соблюдать баланс. Не говоря уж о том, что, хотя издаваемая в Германии фэнтези, даже «своя», гораздо меньше отличается от общезападных стандартов (характерной для лучших наших авторов размытости оценок почти нет, непривычных сюжетов тоже не густо, а вот классических мечей и магии — с избытком), все же хватает и произведений пограничного жанра. Кроме того, ряд писателей регулярно пробует силы в нескольких жанрах одновременно.

Это вообще для немецких фантастов скорее правило, чем исключение. Причем такой подход характерен и для авторов, работающих в малой форме: как раз им-то, в отличие от романистов, присуща и фэнтезийная нестандартность. Скажем, **Эрик Симон**, рассказ которого представлен на страницах этого номера, — постоянный участник «твердых» SF-антологий, что и неудивительно при его профессиональной принадлежности к служителям *королевы наук*, физики. Одна из его наиболее замеченных критикой повестей (или все-таки больших рассказов?) ***«Триптих (между Землей и Луной)»*** — не просто «твердая» SF, но и вообще как бы не фантастика, а бытовое описание «ЧП из ближайшего будущего», нарочито подогнанное под многократно обыгранные в литературе и кинематографе реалии. Наверно, так бы воспринимался «Аэропорт» Хейли читателями 1930-х гг. И наряду с этим для Симона характерно погружение в очень странные миры с псевдосредневековым колоритом, лично мне чем-то напоминающие ранние, «пограничные» эксперименты Дяченко. Почти столь же отмеченный немецкой критикой ***«Охраняемый периметр»*** (на мой взгляд, лучший из симоновских рассказов) — именно из этой серии. А выполненный в соавторстве с Дмитрием Макаровым рассказ «Погонщик облаков», скорее, из разряда притчевой фантастики. Это, пожалуй, отметим как дополнительную особенность многих немецких авторов: смелое и порой непривычное вторжение притчи во все области творчества. Наиболее умных издателей оно не пугает...

Кстати, о крупных и мелких рыбах немецкого книгоиздания. А заодно об обещанной «пестроте и непоследовательности», характеризующей издательскую политику.

«...Сегодня эту литературу регулярно выпускают лишь три издательства. Прежде всего, это «Heyne», которое всегда лидировало на немецком НФ-рынке, а сегодня почти наполовину сократило свой ассортимент, и «Bastei/Luebbe», а также издательство «Argument», которое в своей серии «Социальные фантазии», выходящей под издательской маркой «Ariadne»; не только переиздает классику жанра <...> но и дает дорогу новым произведениям немецких авторов.

В недавнем прошлом на рынке НФ плодотворно функционировали «Goldmann», «Knaur», «Moewig» и «Suhrkamp» <...>

В наши дни тиражи научно-фантастических книг в мягкой обложке редко превышают несколько тысяч экземпляров...»

(Франц Роттенштайнер, Phantastikstrasse)

Прежде всего — о тиражах: определить их не так-то легко, немецкое законодательство не требует обязательного раскрытия в выходных данных книги этой «ком-

мерческой тайны» (именно так!). Обычно секрет раскрывается лишь при последующих допечатках: обнародываемый при этом общий объем тиража как бы служит подтверждением успеха. Тогда-то и удается выяснить размеры «первого завоза»: обычно он составляет 4 — 7 тыс. Не так уж мало для первой книги «нераскрученного» автора, даже по российским меркам, — а ведь мы говорим о стране, по численности населения близкой скорее к Украине! И «единоязычные» ее соседи (Австрия и отчасти Швейцария), пусть и входят в общее читательское пространство, поставляют совсем малую долю дополнительных покупателей...

В случае же, если допечатки уже пошли — то даже в последние год-два не будет редкостью совокупный тираж в 10 — 15 тыс. за 2 — 3 «завоза»; при большом, по германским меркам, успехе их бывет и 5 — 6. Тираж знаменитого «Видео Иисуса» к началу 2003 г. составлял 14294 экз. (речь идет именно о допечатках в рамках одного издания), а гораздо меньше известная за всеми рубежами «Солнечная станция» добралась уже до 24259 экз. У Хольбайна, *чемпиона Германии*, тиражи сейчас доходят и до 28323 экз. Противоестественная для наших стандартов точность объясняется тем, что допечатки делаются в соответствии с требованиями рынка, вплоть до полного его насыщения.

Но гораздо серьезней вопрос о ведущих издательствах. Честно говоря, НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ, каким образом можно не заметить издательство «Blanvalet». Я сразу после выхода ***«Phantastikstrasse»*** для интереса подсчитал количество книг этого издательства на прилавках книжных магазинов Ганновера. В крупнейшем из них оказалось 103 blanvalet-овских томика издания 2003-2004 гг.; в других магазинах цифры вплотную приближались к сотенному рубежу — но перечень книг не вполне совпадал, поскольку на самом деле издательский ассортимент в три с лишним раза обширней. Да, преимущественно это фэнтези, причем «с американского» — однако для фикшн место тоже находится. Правда, отличить «историческую» SF от такой же фэнтези не всегда легко (у нас тоже!), но ведь есть и вполне космическая... А книги издания 2002 г. и ранее в широком доступе найти тоже не слишком легко — но опять-таки вряд ли труднее, чем у нас...

(Чтобы сразу определиться — несколько слов о «книгах в мягкой обложке». *У нас* это теперь является синонимом «покета», дешевого, непрочного, на 1 — 2 прочтения. Что само по себе резервирует нишу для непрестижных или, в крайнем случае, «дополнительных» серий, выходящих вдогонку хорошо раскупающимся *кирпичам*. Но на Западе это не так! Современные издательские технологии позволяют придать высокую стойкость мягкой обложке и скреплению переплета — так что в таком виде выходит ОЧЕНЬ значительная доля литературы, причем не карманного, а вполне обычного формата. Включая и престижные серии: у распространителей среднего звена — основная наша проблема! — не выработалась на это злокачественная аллергия, а у покупателей для нее тем более оснований нет. В фантастике сейчас исключением является скорее *кирпич*, характерный для серий не просто престижных, но почти «подарочных», с соответствующим оформлением и ценой.

Эксперимента ради я года полтора эксплуатировал один «мягкий» немецкий то-

мик в совершенно нещадных условиях: дорожное чтение, перевозка в плотно набитых сумках, роняние на пол... даже передача в руки увлекающемуся фантастикой подростку, причем не на минуту, а на несколько недель! Эта книга не только «жива» до сих пор, но и товарный вид утратила не окончательно. А твердообложечные детища крупнейших российских издательств при таком обращении распадаются на составные элементы за, дай Бог, втрое меньший срок.)

Не представляю я, как можно было не заметить и продукцию издательства «Piper» — разве что в очередной раз антифэнтезийный комплекс сработал, хотя именно в piper-овской программе велик процент книг, выходящих за рамки жанра: и в «сайенс фэнтези», и в историческую почти фикшн. Но даже если это «грех» — то он с лихвой окупается ориентацией на немецких фантастов. Частью это уже давно издающиеся, но, по мнению издательства, недостаточно оцененные мэтры, которым «Piper» сейчас предоставляет шанс войти в высшую лигу. Таковы, например, Моника Фельтен, специализирующаяся по «темной» фэнтези, и недавно умерший Ханс Бемман.

Но гораздо значимей шанс, предоставляемый начинающим писателям: в этом «Piper» обгоняет большинство коллег, включая и «Heyne». Среди открытых издательством «молодых звезд» есть не только довольно-таки стандартные, при всем профессионализме, фэнтезийщики вроде Маркуса Хайтца с его, на настоящий момент, уже четырьмя «Войнами цвергов», но и совсем юные кандидаты в мастера необычного стиля. Например, Фрея, Грэфин фон Корфф,[1] отроковица 1986 г. р.: ее иронически-сказочный роман «По ту сторону волшебного пáстбища» многие знатоки сразу поставили в один ряд с текстами Асприна и чуть ли не Прачетта. Даже если эти сравнения завышены, они все же о многом говорят.

(Тут самое время отметить, что в немецкой фантастике набирает силу «молодая волна». То есть авторов 1980-х гг. р. пока немного, но вот середина и даже вторая половина 70-х — не редкость. Похоже, вот-вот погоду начнут определять люди, полностью сформировавшиеся уже в объединенной Германии. Может быть, наш «бум-1996» имеет шанс повториться — с десятилетним разрывом?)

Весьма успешно действуют также издательства «Klett-Cotta» и «Fischer», а также ряд других, включая все-таки сбавивших (но не до конца!) обороты «старичков» «Knaur» и «Ullstein» (последнее, правда, действует «в русле» «Heyne»). Может быть, пестроте их отнюдь не тесного мирка способствует тот факт, что в Германии не очень сложилась (пока?) традиция эксклюзивного «закрепления» автора, даже успешного, за каким-то одним издательством, даже богатым. В результате фантастикой до сих пор балуются и издательства-малыши, регулярно прогорающие, обновляющиеся, меняющие политику — и серьезные, но «нефантастические» фирмы, которые вдруг ненадолго могут увлечься понравившимся им проектом, остыть, снова увлечься... Вот и еще одна черта сходства с нашим книгоизданием первой половины 90-х!

[1] Это не претензиозный псевдоним: приставка «фон» вполне уместна — ведь и первая часть ее фамилии означает, ни много ни мало, «графиня». Да, это именно бывший титул, «родовое прозвание», ставшее фамилией только в поколении родителей Фреи. В современной Европе даже фантасты генеалогией теперь не меряются — но... все равно любопытно!

Но активнее всех печатают фантастику — да, фантастику, а не только сказки! — издательства детско-подростковой направленности. «Arena» и «Omnibus», «dtv junior», «Loeve», «Dressler», «Oetinger», уже упоминавшийся «Fischer»... Собственно, почти все ранее упоминавшиеся фирмы имеют «детский сектор» фантастики!

(Удивляться ли этому в гарриПоттеровские времена?)

Любопытно, что многие немецкие фантасты, очень успешно трудившиеся на этой ниве и именно на ней заслужившие основное признание, «перескакивают», не порывая окончательно с юной аудиторией, и на иные направления. Довольно часто при этом они расстаются с амплуа «светлых сказочников», создавая мрачно-трагические вещи! Хотя и в собственно подростковой, даже детской, литературе Германии юным читателям расточаются отнюдь не только лучезарные улыбки...

(Опять же: удивляться ли всему этому нам, выросшим на Булычеве? Да ведь и на Брэдбери тоже — если не погружаться еще глубже, до Джеймса Барри включительно... а может — до «ласковых» сказок неадаптированных братьев Гримм?)

Ранее об этом уже был обещан *особый* разговор. Но, пожалуй, он состоится уже в рамках продолжения.

Там же поговорим и о причинах, которые определили специфику немецкой фантастики как таковой.

(Окончание следует)

БОРИС СТРУГАЦКИЙ: «МЫ ОДНОЙ КРОВИ — ВЫ И МЫ»

***Борис Стругацкий** не нуждается в представлении. Под руководством знаменитого писателя в 2002-м году в Санкт-Петербурге был создан «толстый» российский литературно-художественный журнал **«Полдень, XXI век»**, полностью посвященный фантастике. Редакция «Реальности фантастики», задумавшая рассказать о наиболее интересных изданиях-коллегах, выходящих в других странах, решила начать серию таких материалов со знакомства с детищем Б. Стругацкого. На обложку «Полдня» вынесены слова «Новый мир русской фантастики». О концепции издания, истории этого любопытного проекта, о нынешнем положении дел в журнале «Полдень, XXI век» и о том, зачем вообще нужны фантастические журналы, с мэтром побеседовал **Владимир Ларионов**.*

— Борис Натанович, расскажите о вашем журнале. Какова основная идея, концепция издания?

— Концепция — простейшая: создать по возможности постоянно действующую издательскую базу для фантастических произведений малого формата (рассказ, повесть), причем фантастика понимается предельно широко — фантастический реализм, остраненная проза, научная фантастика, альтернативная история, сказка... Весь диапазон от Лема до Кафки включительно. Уэллс, Чапек, Воннегут, Шварц, Ионеско, Булгаков, Гоголь, Шекли — ах, какой журнал можно было бы издавать, имея в своем распоряжении таких авторов!

— Несколько слов об истории проекта. Как все начиналось?

— Ничего интересного. Нашелся предприниматель, предложивший идею «журнала Бориса Стругацкого», собрались энтузиасты, взялись (более или менее дружно), выпустили несколько номеров, потом знамя подхватил знаменитый журнал «Вокруг Света», под эгидой коего мы и продолжаем наши труды. Хвастаться особенно нечем, но журнал у нас получается необычный, такого в России (да и в мире, наверное) больше нет. Чем мы и гордимся, благо гордиться особенно больше нечем.

Ориентировались ли вы и ваши единомышленники, задумывая «Полдень, XXI век», на какое-то реально существующее (или существовавшее ранее), российское или зарубежное периодическое издание?

— Нет. Подобного издания я не знаю. Впрочем, я не великий знаток мировой журналистики.

— Каковы критерии отбора произведений в ваш журнал? Что вы понимаете под фантастикой?

— Фантастическим я называю всякое литературное произведение, автор которого в качестве сюжетообразующего художественного приема использует элементы необычайного, невероятного или невозможного вовсе. Фантастика, понимаемая таким образом, образует широчайший спектр от Фламмариона, Жюля Верна и Уэллса до Шекли, Шварца и Кафки. И любое произведение такого вида может быть у нас опубликовано, но при одном важном условии — оно должно понравиться главному редактору. Одобрение главреда — это и есть основной (и, наверное, единственный) критерий отбора.

— Что вы думаете о роли в литературном процессе журналов вообще и «Полдня» в частности? Зачем нужны журналы? Должен ли журнал каким-то образом формировать вкус, создавать «литературную моду»?

— Журнал должен удовлетворять потребность читателя в интересном для него (читателя) чтении. Задача формирования вкуса (а тем более — формирования мировоззрения) никакому журналу не под силу. Журнал должен удовлетворять уже существующий вкус и поддерживать уже сложившееся мировоззрение. Рассчитывать на большее — бесполезная амбиция и погоня за иллюзией.

— Кстати, на какого читателя ориентирован «Полдень, XXI век»? Каким вы видите своего читателя?

— Это — квалифицированный читатель: он любит не только читать, но и перечитывать. Это — любитель литературы самого широкого плана: он любит не только фантастику, а в фантастике любит не только, скажем, фэнтези или НФ. Это — читатель-реалист: в литературном произведении он более всего ценит сцепление выдумки с реальностью и отнюдь не ищет в литературе способа убежать от реальности в мир иллюзий. Насколько я могу судить, такие читатели составляют определенное меньшинство, но по абсолютной величине их не мало, я думаю — сотни тысяч. Так что, на тираж в десять тысяч мы можем рассчитывать.

— Каково соотношение литература/критика в журнале Бориса Стругацкого? Знаю, что вы не публикуете рецензии. Почему?

— Я не считаю себя в праве выставлять оценки (отметки) и выстраивать рейтинги. Нет такого права и у нашего журнала. Всякая рецензия есть просто более или менее многословное, более или менее изящно изложенное признание в любви (или неприязни) автора рецензии к рецензируемому произведению. Никакая рецензия (ну, скажем так — почти никакая) не содержит в себе ничего, кроме заявления «нравится» или «не нравится». Никто и никому еще не сумел доказать, что данное произведение «плохо» или «хорошо», — просто потому, что Menzura Zoili так пока и не изобретена, и никто не знает, что это значит: «плохо» («хорошо»). Можно доказать, что произведение лживо;

что оно противоречит известным фактам; что оно малограмотно (с той или иной точки зрения). Но невозможно доказать, что оно плохо. Поэтому наш отдел публицистики содержит главным образом (и даже, пожалуй, только) статьи и эссе мировоззренческого плана на тему «Фантастика и Мир».

— Предпочитаете работать с известными авторами?

— Это не очень существенно. Хотя при прочих равных условиях известный автор, разумеется, предпочтительнее. Читающая публика любит известных авторов.

— А на кого из авторов «Полдня» вы рекомендовали бы обратить внимание читателей журнала «Реальность фантастики»?

— «Оценки не выставляются, рейтинги не выстраиваются, рецензии не публикуются». Уверен, что читатели «РФ» сделают свои выводы без моих подсказок.

— Кстати, как вы относитесь к тому, что наши журналы иногда практически одновременно публикуют одни и те же произведения?

— Вообще говоря, это не очень хорошо. Мы стремимся этого избегать, но не всегда нам это удается. Впрочем, ФОРМАЛЬНО ничего страшного не происходит: «РФ» — украинский журнал, «Полдень» — российский. Почему бы им, собственно, и не пересекаться? Время от времени.

— У вас за плечами тринадцать выпущенных номеров «Полдня» (не считая пилотного выпуска). Подготовлен и уже отправлен в типографию последний в нынешнем году, шестой, номер. Борис Натанович, что вы чувствуете сейчас, после двух с лишним лет работы на посту главного редактора журнала?

— Я жду. Жду новых имен. Новых повестей и рассказов. Новых сюжетных поворотов. Новых идей. Жду Уэллса XXI века.

— Что-то изменилось в политике журнала за это время, ведь появился практический опыт? Наверное, я неудачно формулирую вопрос, концепция журнала остается, по-видимому, неизменной. Попробуем вот так: какой главный вывод сделал для себя Борис Натанович Стругацкий за эти два с половиной года?

— Ничего утешительного. Два с лишним года прошло, а стоять на своих ногах мы так и не научились. Но, может быть, еще научимся?

— Почему выбрали именно такую периодичность — шесть номеров в год?

— Именно на такую периодичность хватает у нас сейчас материала. Станут больше писать — станем чаще выпускаться.

— Вы упомянули о новом учредителе и издателе «Полдня». Прошел примерно год, как вы перешли под крыло ООО «Издательство "ВОКРУГ СВЕТА"». Это как-то повлияло на журнал?

— На журнал — нет. На продажу — да, и существенно! Впрочем, кое-что все-таки изменилось: мы стали лучше платить — гонорары известных («раскрученных») авторов возросли, как минимум, вдвое.

— Готовя предложения в номинационный список конференции «Интерпресскон», я испытал некоторое затруднение: как теперь обозначать географическую принадлежность журнала «Полдень»? Он в Москве или в Санкт-Петербурге? Издательство-то московское...

Владимир Ларионов передает Борису Натановичу свежий номер «Реальности Фантастики»

— Я бы сказал так: это питерский журнал, формирующийся в Питере и печатающийся в Москве. Можно писать: Санкт-Петербург — Москва, Россия.

— *Борис Натанович, в чем, на ваш взгляд, более всего сегодня нуждается фантастика, каковы ее самые насущные проблемы?*

Никаких действительно существенных проблем я не вижу. Писатели — работают. Издатели — публикуют. Читатели раскупают охотно. Что еще нужно литературе? Все прочее зависит от нас и только от нас. Издатели должны стать культурнее. Читатели — придирчивее. Писатели — самокритичнее. Вот и все дела.

— *Спасибо за искренние и исчерпывающие ответы! От редакции и читателей «РФ» — искренние пожелания успехов и процветания коллегам из журнала «Полдень, XXI век», здоровья и плодотворной работы его главному редактору!*

— От имени редсовета журнала «Полдень, XXI век» — успеха, удачи и процветания коллегам из журнала «Реальность фантастики»! «Мы одной крови — вы и мы!»

© Беседовал Владимир Ларионов, октябрь 2004 год.

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ОДИН КОРОЛЬ, ОДИН МЕЛЬНИК И ЦЕЛАЯ КОМПАНИЯ ЭЛЬФОВ

Раткевич Э. Г. Ларе-и-т'аэ: Фантастический роман. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «Люкс», 2004. — 446 с. (Заклятые миры)

Страну эльфов в нашей фэнтези трудно миновать. После хорошо известной «ориентальной» фантастики «Деревянного меча» к эльфийской тематике обратилась и Элеонора Раткевич. Действие двух ее последних книг «Таэ эккейр!» и «Ларе-и-т'аэ» разворачивается на «посттолкинском» пространстве, то есть в мире, где живут люди, эльфы и гномы. Даже названия книг, способные вызвать поначалу некое недоумение, являются фразами эльфийского языка.

У действительно талантливого автора даже самая заезженная тема и даже самый известный образ может выглядеть неповторимо и самобытно — ведь талант, собственно, во многом и заключается в самостоятельном взгляде на мир. Но я не буду сейчас разбирать, чем эльфы и гномы Элеоноры Раткевич отличаются от других. Скажу только, что любителям эльфов эта книга должна понравиться, несмотря на несходство с «каноном». Знаете ли вы, что человек, искренне полюбивший эльфа, получает дар вечной юности, а если любовь окажется взаимна — то и вечную жизнь? Зато какие драмы подстерегают неосторожных и неверных — ведь и разлюбить по заказу нельзя, и что будет делать человек с ненужной ему бесконечной дряхлой старостью? Не все так просто в красивой сказке — но зато *как* она красива!

Главной отличительной чертой всех книг Э. Раткевич всегда была неповторимая и яркая душевная теплота, уникальная человечность самого стиля, в которой ей нет равных. Она оригинальна и в этом, и в отношении содержания книг. Сюжет «Ларе-и-т'аэ» ни в чем не похож на привычные нам произведения «героической» или даже «культурологической» фэнтези. Миру грозит экологическая катастрофа — наступление пустыни. Чтобы предотвратить всеобщую гибель, королевства людей и эльфов должны «всего лишь» сплотить ряды. Молодой король Найлисса, Лерметт, собирает в своей столице высоких гостей — глав союза Восьми Королевств, великого аргина степей и эльфийского принца Эннеари. Идут переговоры. От начала до конца ничего, кроме этих переговоров, не происходит. Ни далеких походов, ни сражений. Только встречи, разговоры, приемы, балы, прогулки... Но какие страсти кипят на фоне прекрасных зданий и дивных садов Найлисса, как яростно бьются Добро и Зло, эгоизм и самоотверженность, коварство и великодушие! Автор не интересуется политикой и не заостряет внимания на том, в чем именно состоят личные инте-

ресы королей. Ее волнует, сумеет ли каждый из них преодолеть эгоистические побуждения и постоять за общее дело.

Непреложный и безусловный гуманизм составляет основу самого мироустройства Э. Раткевич. Мы к такому не привыкли. Предателей и трусов здесь награждают золотыми ножнами, чтобы им стало стыдно, — и им действительно становится стыдно. Пленных пиратов король берет к себе на службу, и в дальнейшем они показывают пример верности и доблести — как будто в пираты когда-то попали по чистому недоразумению. А король распивает вино в трактире в компании эльфов и мельника — и все находят это как нельзя более правильным. Все законы и обычаи этого мира пронизаны бережным отношением к человеку и его чувствам, наполнены доверием к человеку и его совести. Скажем, лошади пасутся без присмотра, со специальной лентой на шее — если кому-то срочно понадобится лошадь, он возьмет ее, а деньги или залог положит в кошель на ленте оставшейся лошади. Не верите? А вот на то она и фантастика.

И надо сказать, что население мира полностью оправдывает оказанное доверие. Это мир, в котором поистине «плохих людей нет». Молодой и старый, король и кузнец, ректор и студент, человек и гном — каждый на своем месте отлично понимает, как ему надлежит поступать, по чести, совести и для общего блага. Несколько мерзавцев только подтверждают правило — но уж в душах этих мерзавцев нет ни единого светлого проблеска, поэтому и сочувствия их заслуженно печальная участь не вызывает. Но воздадим и им должное — если бы не происки злобных дураков, то сюжета не получилось бы. Прочим героям осталось бы только пожать друг другу руки, обменяться клятвами в вечной дружбе и идти дальше творить доброе и вечное. Строить прекрасные здания, растить сады, плести кружева, изучать магию в гномьем университете...

Стиль книги радует настоящими красотами. *«Говорят, в Найлиссе зимы снежные, весны пронзительно знобкие, а осень так и вовсе бесстыжая — стоит холодному ветру ее обнять, и она тут же послушно оголяется, сбрасывая листву, не в силах дотерпеть, пока зима укроет дерзкую наготу ветвей от нескромных взглядов»*. Удивительные яркие, свежие метафоры, точные наблюдения составляют несомненное достоинство книги. В упрек ей можно поставить разве что ненужное местами многословие. Не раз, не два и даже не десять нам разжевывают и растолковывают то, что мы уже прекрасно поняли, растягивают на полстраницы объяснения и рассуждения, где хватило бы одной-двух фраз. Если уж автор упомянул какой-то предмет, то он поделится с нами решительно всеми обстоятельствами, которые имеют или предположительно могут иметь к нему отношение. Впрочем, подробную проработанность мира многие читатели ценят очень высоко, не требуя, чтобы все упомянутые детали имели отношение к смыслу повествования. Любителей прописанных миров заверяю: здесь есть и история, и география, и архитектура, и магия, и манера одеваться, и обычаи, и музыка, и танцы... все, что душе угодно.

В мир Восьми Королевств хочется детей отправить на каникулы — там с ними ничего дурного не случится и плохому их там не научат, и жить они будут в атмосфере добра, душевной теплоты и искренности, возведенных в абсолютный закон мироздания. Иной раз поразительный гуманизм этого мира смотрится наивно, неп-

равдоподобно — а может, просто у нас, привыкших к другому, безнадежно расстроен «душевный компас»? А может, человек создан именно для такой жизни — доброй, с бережным отношением друг к другу? Такие книги нужны хотя бы для того, чтобы напомнить: кровавые разборки, которые мы привыкли считать «настоящей жизнью», вовсе нормой жизни не являются, не должны являться. И Элеонора Раткевич, как добрая и заботливая фея, создает для нас другой мир. Если вы устали от чернухи, если хочется доброты и красоты во всем — вам сюда.

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

САРАНТИЙСКИЙ МЕД (И НЕМНОГО ДЕГТЯ)

Гай Гэвриел Кей. Дорога в Сарантий. / Пер. с англ. Н. Ибрагимовой. — М.: В. Секачев, Изд-во Эксмо, 2004. — 512 с. (Меч и магия)

Среди авторов фэнтези, пожалуй, найдется не так уж много тех, кто не был замечен в сладостном грехе «эпопеизма», тех, кто пишет не циклы и сериалы, а всякий раз новые романы, с новыми героями и новыми мирами. Гай Гэвриел Кей... формально принадлежит именно к большинству. Он тоже начинал свою писательскую карьеру с трилогии: с достаточно нашумевших (а на мой взгляд — не слишком удачных) «Гобеленов Фьонавара» (1984–1986). Мир, похожий на толкиновское Средиземье, понравился многим любителям фантастики — и тем неожиданнее был следующий роман этого поэтичного, обстоятельного канадца: «Тигана» (1990) изображала почти наш мир, за названиями и именами легко угадывалась Италия эпохи Возрождения с ее вечно враждующими мелкими государствами... а магия? — ну что магия? «Все-таки это фэнтези!»

Новые книги только утвердили за Кеем славу автора оригинального и глубокого. Каждый его роман — абсолютно самодостаточен и может читаться отдельно от других, но при этом действие их происходит в одном мире, просто в разные эпохи и в разных странах. «Песнь для Арбонны» (1992), «Львы Аль-Рассана» (1995), дилогия «Сарантийская мозаика» («Плавание в Сарантий» (1998) и «Властитель императоров» (2000)), «Последний солнца луч» (2004)... — Кей не спешит с написанием книг, но каждая из них становится бестселлером. Увы, не спешили с переводом его романов и наши издатели; тем отраднее видеть на прилавках «Дорогу в Сарантий».

На сей раз за основу Кей взял Византийскую империю, впрочем, как обычно, изменив топонимы и добавив в роман толику магии. Главному герою, мозаичнику Каю Криспину, предстоит неблизкий путь, на котором его ожидают встречи и с алхимиком, способным творить говорящих, *одушевленных* птиц-игрушек, и с древним сви-

репым богом, а в конце концов — Сарантий, великий город величайшей империи. Город, преисполненный интриг, соперничества, зависти...

Кей, как всегда, остается мастером художественного слова, но в новом романе проявляет себя еще и талантливым «сюжетником». Скажем, появившаяся в начале путешествия у Кая Криспина говорящая птица-амулет вполне соответствовала амплуа «ехидного спутника главного героя». И тем необычнее оказалась та роль, которую на самом деле отвел ей автор.

Кроме того, Кей всегда — мастер деталей. Перед написанием очередной книги он несколько лет изучает ту или иную культуру, а также вид искусства, который становится как бы основным для данного романа. В «Сарантии» это мозаика, но не только она. Скажем, очень «вкусно» описан быт возниц сарантийского ипподрома — причем Кей не торопится вывалить на читателя целый ворох лишних подробностей, он умеет двумя-тремя щедрыми мазками изобразить то, для чего иным авторам нужны десятки страниц. Добавьте сюда «перемигивание» с другими писателями. Чего стоит хотя бы такой пассаж: *«Ибо нет необходимости, нет справедливости в том, чтобы дети умирали от чумы, или юных девушек разрезали на куски в лесу, или продавали в горький час за хлеб на зиму.*

Если это и есть мир, каким бог — или боги — создал его, тогда смертный человек /.../ может признать его и почтить силу и бесконечное величие, которые в нем существуют. Но он не признает, что это правильный мир, и не покорится, будто он — всего лишь пыль или ломкий лист, сорванный с осеннего дерева, беспомощно летящий по ветру» (Привет Ивану Карамазову! ☺)

Словом, роман рекомендуется к прочтению как нетипичная, умная и вместе с тем увлекательная фэнтези.

А теперь позвольте добавить в эту бочку меда пару ложек дегтя. Во-первых, перевод названия перевран: в оригинале было «Плавание в Сарантий» — как перекличка со стихотворением У.Б. Йейтса «Плавание в Византию». Тем более это важно, что выражение «плавание в Сарантий» не раз фигурирует в романе и является ключевым. Тем более, что упомянутое стихотворение, равно как стихотворение «Византия» того же Йейтса сподвигли автора на написание романа. (И, кстати, фигурируют в эпиграфах, но при этом переводчицей не узнаны и, соответственно, даны в подстрочнике). Во-вторых, еще один эпиграф, уже из «Повести временных лет», тоже переведен с английского (из-за чего смысл немного перевран). В-третьих, издатели поленились и не напечатали карту к роману, которая не нужна, если вы четко представляете себе карту юстиниановой Византии и способны наложить на нее выдуманные Кеем топонимы, — а иначе просто-таки необходима. Ну, и в-четвертых, постоянное «кивание головой» (как будто можно кивать чем-нибудь еще!). Это у Ибрагимовой еще в «Львах Аль-Рассана» вашего покорного слугу донимало; ну и в «Сарантии» все то же.

Если не обращать внимания на этот деготь, мед очень даже вкусный получился. Ждем второй бочки, то бишь, окончания дилогии.

Bonus: Карту к «Плаванию» можно скачать здесь: **http://www.brightweavings.com/books/sarantine.htm.**

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

«КАК ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, ТОЛЬКО ЛУЧШЕ»

Терри Пратчетт. Только ты можешь спасти человечество. М.: Изд-во ЭКСМО, СПб: Изд-во Домино, 2004. — 240 с.

Похоже, детская фантастика у нас снова входит в моду. Можно как угодно относиться к Роулинг, но именно ее книги оторвали детей от компьютеров и телевизоров, вернув к чтению не «потому что задали в школе», а «потому что интересно!» Парадокс, но отечественные фантасты за редким исключением все больше работают на молодежную и взрослую аудитории. Взять бы им пример с зарубежных мастеров... да вот хотя бы с Терри Пратчетта.

Его повесть «Только ты можешь спасти человечество» (1992) недавно вышла на русском и является началом трилогии про Джонни Максвелла. Две другие книги тоже должны в скором времени оказаться на наших прилавках, но пока поговорим о «Только ты...»

Пратчетт, как всегда, верен себе: ему удается удивительным образом совмещать неглупый «английский» юмор и серьезные, в общем-то, проблемы. И это при том, что детская фантастика чаще всего пишется именно по формуле: «Меньше актуальных проблем, больше приключений и морализаторства!» Заметьте, главные герои таких книг обычно либо дети из успешной семьи, либо круглые сироты (ау, Гарри!). Так или иначе, они попадают в иной, фантастический/сказочный мир или же обнаруживают, что жизнь в нашем мире полна волшебства. И дальше авторы, сознательно или нет, выводят ребенка — героя, а вместе с ним и читателя — из круга привычных, «сиюминутных» проблем. Спасти планету от гнусных кракозябров, победить злого чародея и стать принцем в сказочной стране, наконец, просто «вжиться» в скрытое для обычных людей общество волшебников и стать кем-то значительным в нем — а в ежедневной жизни по-прежнему получать тычки от двоюродного брата... Этот набор формул, в общем-то, невелик и не сказать, чтобы так уж плох. В конце концов, подобные типовые сюжеты позволяют говорить о вневременных, «вечных вопросах»: о дружбе, предательстве, ответственности, проблеме выбора. Нужно ли все это ребенку? Разумеется!

Но эскапизм хорош в меру. И мечты о том, что «я тоже стану волшебником», вряд ли помогут разобраться с теми самыми «сиюминутными» проблемами. С тем, что родители ссорятся и вот-вот разведутся. С тем, что твой лучший друг водится с уличными хулиганами. С тем, что по телеку ежедневно показывают бомбежки, в которых гибнут живые люди.

Пратчетт как раз и ценен, даже *полезен* тем, что пишет об обыденной жизни, вплетая в нее фантастическую историю. Завязка этой истории безыскусна: Джонни Максвелл обнаруживает, что пришельцы из компьютерной игрушки ведут себя неправильно и самым наглым образом сдаются на милость победителя (т.е. Джонни) вместо того, чтобы палить

по нему изо всех лазерных пушек! Впору воскликнуть сакраментальное: «Ну-у, я так не играю!» — и инсталлировать игрушку поинтереснее. Но Максвелл не из таковских, он хочет разобраться до конца — и в результате, конечно, Джонни получит на свою голову целый ворох приключений. Некоторые из них как бы и не страшные, а некоторые...

Но не будем пересказывать содержание книги. «Только ты...» из тех повестей, которые нужно читать, причем аннотатор на обложке не врет: «Бывают такие детские книги, которыми и взрослые зачитываются».

Не слишком политкорректный, чуть более морализирующий, чем в «Плоском мире», Пратчетт остается еще и прекрасным юмористом:

«Однажды Холодец написал игру под названием «Полет к Альфе Центавра». На экране были точки. И все. Потому что, пояснил Холодец, игра идет в ***реальном*** *времени (о котором до появления компьютеров никто и не слыхивал). Он узнал из телепередачи, что полет к Альфе Центавра занимает три тысячи лет, и написал программу так, чтобы того, кому достанет терпения три тысячи лет держать компьютер включенным, в конце концов вознаградило появление посреди экрана сперва точки, а потом надписи следующего содержания: «Добро пожаловать на Альфу Центавра. А теперь валите отсюда».*

В общем, крайне рекомендую к прочтению и дарению детям. «Только ты...», как ни странно, мне лично понравилась даже больше, чем его «взрослые» «Страта» и «Темная сторона солнца» (см. рецензии в ноябрьской «РФ»-ке за 2004 г.). Не потому ли, что на сей раз Пратчетту удалось написать очень злободневную, но не сиюминутную детскую книгу, что по нынешним временам большая редкость...

КИРИЛЛ ПОЛЯКОВ

СТЫЛЫЙ ПИРОГ С ДЕМОНОМ

Александр Бачило. Академонгородок. М.: ЭКСМО, 2004. — 384 с. (серия «Русская фантастика»).

Александр Бачило знаком читателям «РФ» своими рассказами «Дом на холме» (см. №2 за этот год) и «Остров» (№10/2004). Последний занял второе место на «Рваной грелке-2004» (первое — Сергей Лукьяненко!). А новый «роман в происшествиях» (по терминологии автора) включает в себя оба вышеупомянутых рассказа, общее количество которых равняется 13, — и здесь просматривается заданная «демоническая» направленность произведения!

Сюжетная завязка такова: демон по имени Стылый Морок потревожен шефом Владыкой в своем тихом почивании под землей для чертовски ответственного за-

дания. Настали тяжелые времена для Тьмы — Тартару диктует условия сама Вселенная, и чтобы удержаться на плаву, необходимо использовать людей, как бы это ни претило догматам Тьмы. Ей предстоит лезть вон из своей обожженной кожи, дабы убедить людей в существовании потустороннего мира и существ, его населяющих. Если человечество поверит в демонов и иже с ними — они будут существовать, и человечеству придется потесниться на Земле, а вот если материализм, вкупе с рационализмом, победят в людских душах — тогда пиши пропало, демон, тебя попросту не будет существовать... И началась битва на всех уровнях человеческого бытия за веру, за такую, казалось бы, зыбкую веру! Ведь если человек во что-то верит, значит, это «что-то» непременно существует, или, в крайнем случае, осуществится! Чувствуете гордость за мощь своего воображения?

Рассказы расположены в хронологическом порядке, и развитие борьбы предстает перед нашим взором в ярких и живых сценах-зарисовках. Появляются и исчезают за поворотом самые разные персонажи (и сам Бачило появляется однажды в роли инженера), каждый со своими проблемами и требованиями, со своей «правдой», оригинальный и неповторимый. Все рассказы самостоятельны по теме, персонажам и даже миру («Остров» вообще происходит в альтернативной по отношению к романной реальности), но, тем не менее, косвенно связаны между собой конкретными образами, именами, и подчинены общей теме. Почти все имеют оригинальную развязку, уже заметна манера автора не спеша подкармливать читателя вкусненькими подробностями, чтобы слюнки потекли, подводя к самому лакомому кусочку (чаще всего это последняя страница, или даже предложение), который преобразует картину мира в нечто ошеломляющее. И так с каждым «черепком», кусочком мозаики, собрав которые получишь нечто отменное и жутко интересное. Стиль лично мне напоминает стиль рассказов Василия Шукшина — простой язык, даже немного блатной, необычные интересные персонажи и ситуации.

Книжка оформлена хорошо, в присущей «Русской фантастике» ядовито-броской цветовой гамме обложки, а глаз радует белизна бумаги (за счет небольшой толщины). Единственное нарекание по поводу рисунка на обложке: в романе калека-собиральщик бутылок не одноногий, а просто хромой.

Автор копает глубоко: во что же человеку, в конце концов, верить? стоит ли выбирать счастье «в инъекции» взамен жестокой действительности? может ли победить любовь даже в темной по своей природе душе? как выглядит мучение в аду (пытки в геенне огненной, оказывается, индивидуальные, а уж представления иностранцев о пекле *очень* оригинальны!)? бывает ли бесплатный сыр и жилплощадь? стоит ли пренебрегать народной мудростью? надо ли испытывать судьбу, пытаясь ее изменить? как разрешается парадокс путешествий во времени? Эти и другие интереснейшие проблемы раскрываются на фоне борьбы Добра и Зла в каждой человеческой (и даже демонической!) душе.

Жанры рассказов самые разные: тут тебе и социальная драма, и любовная, и мистика, но с обязательной долей хорошего ужастика (убийства и превращения

в вампиров). Но, что интересно, из-за этого роман вовсе не стал хуже, не потерял свою художественную ценность, а стал более напряженным, остросюжетным, поэтому не даст заскучать за книгой ни интеллектуалу (по ходу чтения приходят на ум оч-чень интересные мысли), ни любителю быстрого действия (только успевай читать, аж страницы дымятся!), а уж тем более простому читателю (просто интересно читать, и точка).

А борьба Стылого Морока за человеческую веру продолжается... Помни!

«Беда в том, что мы *знаем* о существовании людей, а они в нас только *верят*. Или *не* верят. Тут можно повернуть и так и этак. Понимаешь?»

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ

Алексей Хаврюченко. Исповедь от дракона: Фантаст. рассказы. — М.: АСТ, 2004. — 288 с. (сер. «Звездный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»)

Дебютный сборник молодого киевского фантаста может пройти незамеченным в потоке поразительно похожих покетбуков. Этого не хотелось бы: книга Алексея Хаврюченко «Исповедь от дракона» — яркая заявка на свою тему, свою интонацию. Пока что — заявка, а дальнейшее зависит от автора... и от издателей тоже.

Книга делится на две почти равновесные части: «Pseudohistorica» и «Фэнтези и не очень». Определения, казалось бы, расплывчатые, но на самом деле совершенно точные. *Псевдоистория:* смутно (или явно) знакомый антураж, в котором разворачивается не совсем то (или вовсе не то), что нам привычно по учебникам; диапазон — от иронической «альтернативки» до «повести о благородном покойнике». *Не только фэнтези:* полная жанровая свобода, переплетение будней химического факультета и мистики, компьютерной игры и сказки, студенческой жизни и выбитых в камне иероглифов. Но разнобоя не возникает — разве что пара юморесок смотрится пришельцем из какой-то совсем другой книги.

Елена Хаецкая недавно бросила на поживу критикам очень удобный термин: «монризм» (в честь вымышленного романиста Керка Монро). Означает он не эпигонство (боже упаси), но — чуть ироничное использование кирпичиков романтической литературы. Классические примеры — «Три мушкетера» и «Одиссея капитана Блада».

Рассказы Хаврюченко — типичный «монризм». На их страницах нет героев, столь же ярких, как Питер Блад, но есть другое: в «псевдоисторических» декораци-

ях разыгрываются сжатые почти до уровня притчи эпизоды Большой Истории, а вернее — взаимодействия истории и человека. Именно разыгрываются: Хаврюченко умеет не только рассказывать, но и показывать, причем зачастую — с разных точек зрения. Одна из главок рассказа «Память» (несколько видоизмененная хроника Великой французской революции) полностью построена на диалоге вернее, полилоге героев, таком стремительном, что мы и не замечаем, как перед нами проносятся события не одного часа и даже не одной недели. Неудачник из одноименного рассказа выигрывает сражение, которое должен был проиграть (он остается неудачником даже в миг победы!). Игрушечный дракон снова и снова пролетает над игрушечным замком — играет-то в игру не он. Неумолимый ход истории — и неизменная личная ответственность. Не случайно книга открывается «фантастическим очерком» «За что мы любим историю?»: риторика школьных учебников призвана доказать, что единственно-возможным вариантом было объединение восточной Европы под властью татар. На самом же деле возможность *другой* истории есть всегда...

Автор крепко усвоил заповедь Юлии Латыниной: «В хорошо написанной сцене должно быть полстраницы, два афоризма и один убитый»; недаром эти слова вынесены в эпиграф к «Повести о благородном покойнике», которая написана в подражание «Вейскому циклу» московской писательницы, и надо сказать, что по изощренности интриг и точности стилизации повесть эта едва ли не лучшая в сборнике. *«Жил в эпоху Хун человек по имен Син, и чтил он семьдесят две небесных заповеди, предан был государю, но не ладил с его подданными. Также чтил он Господа, но презирал его слуг. Он уподоблял Бога миру, а мир — хлебу, и считал, что все люди равны, а потому должны получить по крохе хлеба и частице Господа... Но потом, когда Сина казнили как бунтовщика, его ученик по имени Коша стал проповедовать, что мир подобен хлебу, а бог подобен стальному ножу, и прежде чем делить мир, нужно срезать с него цвель. Сам же Коша был по крови хисийцем, а отец его был чиновником военного ведомства на службе у короля, но имущество свое пропил. Оттого Коша не только знал, как выглядит цвелый хлеб, но и зачем делают стальные ножи».*

Юморески, как я уже сказал, удаются Хаврюченко меньше, что вовсе не означает, что ему чуждо чувство юмора, весьма язвительное к тому же. Безумный мир цикла «Повествование о Розовом Драконе» строится на сочетании фэнтезийных и близких нам реалий; в результате доклад королевского казначея звучит следующим образом: *«Витек, пахан Пиволийска, взял под свою крышу хутора Селийск и Рычиолли... Бригаду Бешеного Джека, что ходит под Витьком, видели около Усть-Переволокитска. Ваше Величество, Витек явно зарывается. Прикажете обломать?»* И хорошо, что цикл этот (к сожалению, рыхлый) не сводится к набору шуток. *«Вот так оно»*, — звучит в финале печальный вздох рассказчика — и вздох, оправданный повествованием.

Не берусь предсказать дальнейшую писательскую судьбу Алексея Хаврюченко. Зависеть она будет прежде всего от того, какими он сделает своих героев: воздвигнет ли их на романтические котурны, превратит в изящные стилизации или сделает полностью трехмерными. Решать ему. Судить — читателям.

АЛЕКСАНДРА АЛЬТМАН

АВАНТЮРИСТ ФЕДОР ЧЕШКО

Чешко Федор, Урман. — СПб.: Издательство «Крылов», 2004. — 448 с. Серия «Историческая авантюра».

Чешко Федор, На берегах тумана. Книга первая. Посланник Бездонной Мглы. — СПб.: Издательство «Крылов», 2004. — 320 с. Серия «Фантастическая авантюра».

Чешко Федор, На берегах тумана. Книга вторая. Виртуоз боевой стали. — СПб.: Издательство «Крылов», 2004. — 320 с. Серия «Фантастическая авантюра».

Чешко Федор, На берегах тумана. Книга третья. Витязь Железный Бивень. — СПб.: Издательство «Крылов», 2004. — 320 с. Серия «Фантастическая авантюра».

Зачастую создание параллельных и альтернативных миров становится для писателей-фантастов самоцелью и даже чем-то вроде профессионального состязания. Кто оригинальней, кто точнее, кто подробней... Львиная доля общего объема книг посвящается детальному описанию жителей, социальной системы, государственного строя, природы, быта и т.п. Безусловно, этот фактор крайне важен, и небрежно выписанный антураж сильно портит многие произведения. Но — на то он и фон, чтобы служить сценой для героев! В подобном писательском соревновании харьковчанин Федор Чешко наверняка был бы одним из первых, но автору удается не ограничиваться талантливым описанием параллельных реальностей. Простите за излишний пафос, но в центре книг Чешко в первую очередь — человек. Во всем многообразии своих переживаний и страстей. Человек-космос, человек-галактика, человек непонятый и непредсказуемый — вот он, подлинный параллельный мир Федора Чешко. Мир, достойный самого пристального внимания, самого скрупулезного анализа. Красной нитью через любой сюжет у писателя проходят эмоциональные и нравственные переживания героев, их психологические трансформации.

И в «Урмане», и в трилогии «На берегах тумана» главные персонажи — чужаки поневоле. Кудеслав Мечник по прозвищу Урман после долгих странствий вернулся в родовую общину, но вернулся уже другим человеком. Это знает он сам, это чувствуют сородичи, это используют враги. Чужой среди своих... В дру-

гом романе загадочный паренек пересекает границу между двумя разделенными туманом мирами. Первый раз он платит за это памятью, превращаясь в полного несмышленыша. Позже память возвращается, но тогда мальчик платит за это душевным покоем. И опять-таки по обе стороны тумана он — чужак. На каждом берегу — по семье, по обе стороны тумана — друзья, нуждающиеся в защите и помощи, на обоих берегах он оставил возлюбленных.

Практически в каждой главе, в каждой сцене автор подчеркивает, что его герои существуют одновременно в двух плоскостях — внутреннего конфликта и конфликта социального. Во многом благодаря этому книги Федора Чешко динамичны — читая их, ощущаешь эффект присутствия. Даже многочисленные ретроспекции в «Урмане», в котором почти половина сюжета состоит из воспоминаний Мечника, не утомляют, как это часто бывает. Потому что построены не на аморфных «а помню, как-то выхожу я...» — каждый эпизод даже из далекого прошлого оказывается необходимым логическим элементом. Не зря романы Чешко изданы в сериях «Историческая авантюра» и «Фантастическая авантюра». «Урман», начинающийся как типичная фэнтези, быстро трансформируется в политический детектив с обязательными подозреваемыми, многочисленными противоречивыми версиями, неожиданными поворотами, догадками, подтверждениями и шокирующей развязкой. В относительно небольшой общине писатель свел не просто персонажей — он сталкивает архетипы, целые системы ценностей. Чешко по-новому преподносит вечный спор шараповых и жегловых о средствах, а также об оправдывающих или не их оправдывающих целях.

Читая эти книги, невольно радуешься, что годом издания значится 2004. В советские времена за такие речи автор непременно попал бы на беседу в соответствующие органы. Уж больно много намеков в этих «сказках». И у средневековых вятичей, и по обе стороны загадочной Мглы — человеческая природа остается неизменной. Сильные манипулируют слабыми и не гнушаются никакими средствами. Вчерашние кукловоды неожиданно оказываются пушечным мясом, под личиной врага может скрываться тайный союзник и наоборот; кто есть кто, читатель будет гадать до последней страницы. Войны во имя мира и стабильности, религия на службе властей — обо всем этом Чешко пишет без лишних рефлексий и отсылок к «демократическим ценностям». Скорее вслед за диссидентом Аксеновым он призывает «не быть покорной глиной в корявых лапах этого государства».

Еще более буднично, нарочито скупыми словами автор пишет о любви. Без патетики, но с трепетом. Героям Чешко удается осмыслить, понять и идентифицировать себя в этом мире только в контексте любимого человека. Персонажи живут в разных культурных и экономических системах, разговаривают на несхожих языках, поклоняются разным богам, но одинаково не существуют без любви. Более того, потерю возлюбленного Чешко приравнивает к предательству. И для хмурого воина Кудеслава, и для пришедшего из-за тумана мальчика Лефа любовь — единственная точка опоры.

И все-таки нельзя не восхититься талантом писателя выдумывать удивительные миры. В полной мере Федору Чешко удалось показать свое умение ярко и достоверно выписать незнакомую цивилизацию в трилогии «На берегах тумана» (изданный тремя книгами, он, фактически, является одним цельным романом и несколько лет назад уже издавался под одной обложкой). Описанные миры совершенно логичны в пределах своих внутренних законов — фантастично только их происхождение. Великая Катастрофа, череда Ненаступивших Дней (когда солнце не всходило и ночь не сменялась днем) — причину всех этих несчастий читатель узнает уже ближе к концу книги. И сразу становится понятно, почему Катастрофа пишется исключительно с большой буквы и почему к прозе Чешко, помимо прочих, нужно применить и такое прилагательное, как «философская».

Романы Федора Чешко — это великолепный, богатый язык, нестандартный сюжет, прописанные до мельчайших подробностей миры, яркие типажи. Конфликт, авантюра, интрига — все это есть в его книгах, и читатель никогда не знает, что произойдет на следующей странице. Довольно характерные для современной литературы смешение жанров, многозначность и многослойность — и в основе несомненное писательское чувство меры и стиля.

МАРИЯ ГАЛИНА

ЗАВТРА ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ

М. Каганская, З. Бар-Селла, И. Гомель. Вчерашнее завтра. Книга о русской и нерусской фантастике. — Москва: Изд-во РГГУ 2004. — 328 с.

В советское время один мой знакомый купил своей маленькой дочке пластинку с постановкой «Кота в сапогах». Через пару дней он у нее эту пластинку отобрал и стал слушать сам, периодически восклицая: «Ну, ребята! Ну, дают! Вы только послушайте, на что они намекают».

В похождениях маркиза Карабаса он усмотрел антисоветский подтекст.

Самое смешное, что, быть может, так оно и было. С одной стороны, сами режиссеры и драматурги «отвязывались» в мультиках и детских радиопостановках («Куда идет король, большой секрет,/ А мы всегда идем ему вослед,/ Величество должны мы уберечь/ От всяческих, ему ненужных встреч»), с другой — наметанный глаз советского интеллигента усматривал намек даже там, где его не было.

* * *

Последние пятнадцать лет отучили нас от высокого искусства читать между строк (будем надеяться, что и впредь эта способность нам не понадобится), но, как и всякое искусство, оно сохранило своих верных поклонников...

Выпущенная Российским гуманитарным университетом книга Майи Каганской, Зеева Бар-Селлы и Иланы Гомель «Вчерашнее завтра. Книга о русской и нерусской фантастике» представляет, как говорится в аннотации, «исследование теоретических и литературных аспектов жанра научной фантастики». В ней «*впервые* предложена теоретическая модель генезиса жанра, а именно, принципиальное тождество концепций, характеризующих *все без исключения* (курсив мой. — ***МГ.***) произведения жанра и доктрин поздней гностики».

Похоже, что нам обещают потрясающее открытие, хотя лично я о родстве фантастики и гностики что-то где-то уже слышала, и, боюсь, не я одна. Впрочем, не удивительно, что для исследователей это оказалось открытием, если учесть, что они далеко не всегда сопровождают свои статьи справочно-библиографическим аппаратом и практически никогда — ссылками на работы фантастоведов.

При этом в тексте попадаются грубейшие методологические ошибки. Так, М. Каганская в статье «Роковые яйца» утверждает:

«Что до:.. симбиоза НФ и детектива, то он... типичен и для жанра в целом и для Стругацких («Отель "У погибшего альпиниста"») в частности. Хотя с точки зрения классического детектива этот союз так же подозрителен, как союз рыжих, и автор, переносящий мотив, разгадку, а заодно и виновника преступления в ~~космос, должен подлежать~~ дисквалификации (см. «За миллиард лет до конца света»; на том же недостойном приеме основан роман Ст. Лема «Следствие», в силу чего, вероятно, и не переводился на русский язык), — мезальянс неизбежен».

Иными словами, Каганская упрекает фантастов, что они нарушают правила «Клуба детективов», — но кто из фантастов утверждал, что в этом клубе состоит? Что же до романа Лема «Следствие» (это тот, где из моргов Англии по необъяснимым причинам начинают убегать трупы), то он скорее всего долгое время не переводился именно по причине своей мистической интриги, но все-таки был переведен и опубликован в «Лениздате» в 1990-м году. Я вполне могу предположить, что «Роковые яйца» Каганской были написаны раньше, но ведь сам сборник вышел в 2004-м!

Сами же «Роковые яйца» Каганской, занимающие несколько листов печатного текста, посвящены теме «подкидышей» «каммереровского» цикла Стругацких. Позиция самой Каганской, что называется, вполне «пострругацкая», но интерпретация текста выглядит примерно так:

«Уход к звездам, как синоним смерти, — одна из древнейших поэтических метафор, отчего «звездолет» — этот предмет первой научно-фантастической необходимости — сразу приобретает гротескно-трагические

очертания, особенно вблизи пронумерованной как почтовый ящик концлагеря Черной Дыры ЕН 200056...

Словосочетание «посмертный ребенок — при всей грамматической правильности — не слишком укоренено в языке и реальности. Зато современный русский язык давно обогатился устойчивой идиомой «посмертная реабилитация». Да, Стелла Абалкина и Вячеслав Цурюпа были посмертно реабилитированы, на что недвусмысленно указывает именно номер Черной Дыры — 200056, который я уверенно дешифрую как XX-56, то есть XX съезд КПСС, имевший место, точнее, время, в (19)56 году!

...день рождения Левы приходится на 6 октября. 6 октября 1973 года началась четвертая арабо-израильская война, известная как Война Йом-Кипур, или Война Судного Дня.

Для доказательства предлагаю вместе с М. Каммерером, взглянуть на лист 66-й личного дела Абалкина Л. — донесение, адресованное Экселенцу и касаемое Левы. На обороте донесения Каммерер видит «какой-то печатный текст арабской вязью».

«Я поймал себя на том, — вспоминает он, — что чешу в затылке, и вернулся к листу №1 — то есть к исходным анкетным данным подследственного. Иными словами, следователь чувствует какую-то связь между арабской вязью и обстоятельствами Левиного рождения, но понять, в чем она, не может».

Иными словами, статья, которую, по словам самой Каганской, отличает «неподдельная легкость и художественное остроумие» (она и на самом деле очень смешная), расшифровывает «Жука в Муравейнике» как некое «Послание Стругацких к евреям», смысл которого состоит примерно в следующем: «евреи, помните, что вы избранный народ, за которым, стоит лишь вам осознать свою национальную идентичность, начинают охотиться всякие Каммереры и Экселенцы».

Самое забавное, что такая, основанная на вполне произвольных допущениях, трактовка — наподобие толкования значка «Эльбрус» на сгибе локтя у одного из «найденышей» как символа дивизии «Эдельвейс» — действительно может быть в текст ***вчитана***. Любой достаточно сложный текст позволяет «вчитать» в себя множество смыслов (зачастую взаимоисключающих), и тема «опасной инаковости» может не без оснований ассоциироваться с «еврейским вопросом». Но сводить текст к одному, пусть и важному для интерпретатора, но, в конечном счете, произвольному смыслу — это все равно, что рассматривать «Солнце всходит и заходит» как отражение солярного мифа.

* * *

Во второй части сборника трех авторов, соединенных между собой, как говорится в предисловии, «внутрисемейными узами», Э. Бар-Селла язвительно анализирует то «Тайну двух океанов» Адамова, то какой-то роман-гипотезу «Ведь-

ма» Юрия Тупицына (из текста статьи я даже не смогла понять, когда и где эта самая «Ведьма» вышла). И даже обширная и вполне внятная статья, посвященная «Солярису» Лема, в сущности, повторяет собой тезис Вл. Гакова из статьи «Мудрая ересь фантастики» — предисловия к сборнику «теологической» фантастики «Другое небо» (М., 1990). Цитируя для иллюстрации своих положений Фому Аквинского и Дж. Фрезера, Э. Бар-Селла Гакова, естественно, не упоминает.

При этом Бар-Селла, человек интеллигентный и демократически настроенный, кроет Адамова и Тупицына, что называется, за дело. Но, как мне кажется, с некоторым опозданием... Точно так же, как запоздала его теологическая трактовка «Соляриса», о которой не писал уже только ленивый.

* * *

Илана Гомель, третий участник сборника, во-первых, объясняет нам, что Стругацкие активно использовали в своих текстах метод аллегории, во-вторых (в отличие от Каганской, обрушившейся на фантастов за их неумение строить детективные сюжеты), рассматривает всю фантастку как некий ***онтологический детектив*** (в чем я, пожалуй, могу с ней согласиться). Правда, опирается она при этом на тексты 50-х — 80-х годов, как и в остальных своих статьях — «Лолита в Стране Чудес (секс в американской научной фантастике)» или «Супермен в массовой культуре».

Увы, ни «Левая рука тьмы» Урсулы Ле Гуин, ни «Опрокинутый мир» Приста, ни романы Фармера и Филиппа Дика к «современной литературе», как заявлено в анонсе, никакого отношения не имеют, ибо уже несколько десятилетий, как классика.

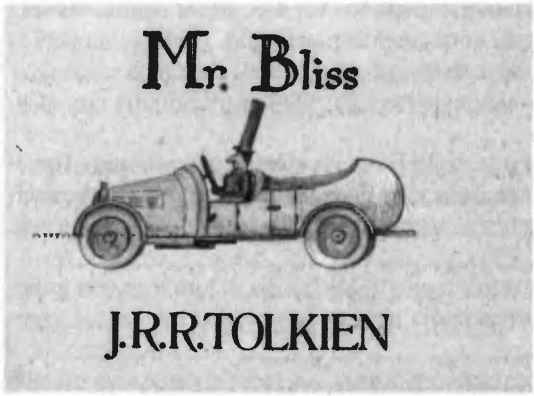
Аннотация книги предназначает ее для «студентов филологических и политологических специальностей, изучающих непрямые способы внедрения идеологий в общественное сознание...»

Лично я могу тоже порекомендовать эту книгу, но скорее, как иллюстрацию своеобразного типа мышления диссидента 70-80-х, чем как взвешенный научный труд.

СКАЗКА ТОЛКИНА ОЖИЛА В РОССИИ

ПРЕДПРЕМЬЕРНЫЕ ПОКАЗЫ ДАВНО УЖЕ СТАЛИ ХОРОШЕЙ традицией большинства отечественных конвентов. Вот и на харьковском «Звездном мосту» у всех участников была возможность посмотреть новый российский **мультфильм «Мистер Блисс»**, снятый по одноименной сказке самого **Дж.Р.Р. Толкина**. Показ состоялся в одной из аудиторий Харьковского национального университета, на базе которого традиционно проходит «Мост». Довольно большая аудитория оказалась заполнена не только гостями фестиваля, но и обычными студентами, которых, как известно, хлебом не корми — дай пары прогулять!

Удивительно, но детская сказка была принята даже взрослыми очень тепло. Никто не отпускал ехидные комментарии, не зевал и не норовил во время показа выйти из зала.



На первый взгляд, по качеству изображения мультфильм не способен тягаться ни с классическими диснеевскими, ни, тем более, с современными, выполненными с использованием компьютерной трехмерной графики. Вместе с тем, сознательный отказ от навороченных визуальных эффектов привел к поразительному результату: более полно, живой и очень теплой, душевной, воспринималась сама история-сказка. Да, и самое главное: практически все рисунки в мультфильме — авторские, то есть, самого Толкина. Он некогда сделал для издания «Мистера Блисса» множество иллюстраций — их и использовали создатели мультфильма.

О чем же «Мистер Блисс»? Об одном джентльмене, который решил приобрести себе автомобиль, — и что из этого вышло. Зрителей ждут автокатастрофы, травмированные пассажиры, темный лес, разбойники-медведи, бегства и погони... но в финале, конечно, все закончится хорошо.

Более чем получасовой мультфильм выполнен в т.н. флэш-технологии, или, согласно анимационной терминологии, «перекладке». В этом случае нарисованный персонаж нарезается на кусочки, которые потом так или иначе сдвигаются, для каждого кадра отдельно. Раньше «перекладку» делали вручную, сейчас —

на компьютере. Это очень трудоемкий процесс, например, Юрий Норштейн делал свою «Сказку сказок» таким методом более 10 лет. Ну а команда «Мистера Блисса» уложилась ровно в год.

Делали мультфильм всего-то шесть человек: Светлана Таскаева — редактор перевода, автор сценария; Геннадий Тищенко — режиссер, соавтор сценария, аниматор, голос за кадром; Стас Тунев — главный аниматор проекта; Антон Круглов — композитор и звукорежиссер; Дмитрий Матвеев — основное озвучивание, голоса персонажей; и, наконец, Игорь Хазанов — координатор проекта, переводчик текста, короче — big boss ☺.

Как раз **Игоря Хазанова** я и решил подробнее расспросить об истории создания мультфильма, а также о других российских проектах, связанных с Толкином.

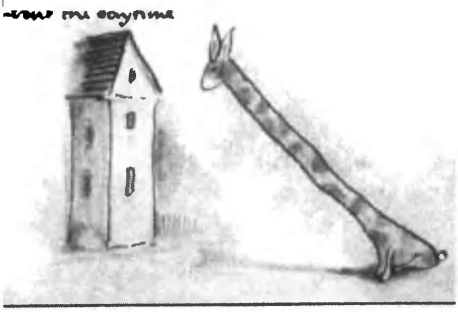
— Давайте начнем наш разговор не с мультфильма, а с некоего «TTT», к которому Вы, насколько я знаю, имеете самое непосредственное отношение. Расскажите, что это за «странная» аббревиатура?

TTT — это Неформальное творческое объединение «TolkienTexts Translation», которое создано, как видно из названия, с целью перевода на русский язык произведений Дж.Р.Р. Толкина, в первую очередь, конечно, тех, которые пока не опубликованы в России.

TTT возникло в недрах эхо-конференции SU.TOLKIEN в сети FidoNet в январе 1998 года. К тому времени общий уровень подписчиков эхи уже был достаточно высок, и многие обсуждаемые вопросы стали требовать для своего решения углубленного изучения малоизвестных в России и СНГ текстов Дж.Р.Р. Толкина. В то же время доступ к оригиналам этих текстов имели лишь единицы. Отчасти проблема решалась благодаря существованию отрывочных переводов отдельных глав, сделанных энтузиастами и размещенных в Интернете. Но разрозненность и неполнота таких переводов не позволяла принять их в качестве полноценной основы для изучения. Творческое объединение и должно было заполнить эту лакуну.

— И чем сегодня может похвалиться TTT?

— В общем-то, довольно многим. К концу третьего (!) года существования TTT, в полном соответствии с законами «развитой Мэрфологии» («Неточно спланированная программа требует в три раза больше времени, чем предполагалось; тщательно спланированная — только в два раза») был переведен на русский язык и издан I том «Истории Средиземья» («Книга Утраченных Сказаний, часть I»). В конце 2001 года вышла электронная версия этой книги. Затем были переведены и изданы (сперва в бумажной, затем также в электронной версиях) «Книга Утраченных Сказаний, часть II», «Неоконченные предания». Плюс «Детский сборник», куда вошли сказки «Мистер Блисс», «Роверандом» и



«Рождественские письма» — письма Рождественского Деда, которые каждый год приходили по почте к Рождеству детям в семье Толкинов. Плюс диски: с фильмом «Портрет Дж.Р.Р. Толкина» («A portrait of J.R.R.Tolkien»), с радиопостановкой «Властелина Колец» студии Mind's Eye, с аудиоверсией «Сильмариллиона» студии Ph&Ph.

Сейчас ведем переговоры с издательствами, заинтересованными в публикации этих книг. И активно занимаемся переводом III — VI томов «Истории Средиземья».

Подробнее о нас, о наших целях, задачах и свершениях вы можете узнать на нашем сайте **www.ttt.by.ru** или **www.tolkien.ru/ttt**.

— Скажите, а как решаются проблемы с правами и на книги, которые переводит и выпускает «ТТТ», и на мультфильм?

— С книгами — пока никак. Ни одному издательству в России, насколько нам известно, да и в Украине тоже, пока не удалось получить права на «Неоконченные» и серию томов «Истории Средиземья». Официальная причина отказа — нежелание Кристофера Толкина разрешать перевод на языки, которых он не знает. Хотя отец его русский понимал, и много славянских корней прослеживается в придуманных им именах и языках...

На мультфильм — сейчас уже отослан запрос, через английскую юридическую фирму, на права. Будем надеяться — надежда умирает последней.

— Тиражи «Неоконченных преданий» и первых двух томов «Истории Средиземья», насколько я понял, уже закончились. Будут ли допечатки? Есть ли надежда, что книги выйдут бóльшим тиражом и по доступной цене?

— Пока нет. Мы не планируем перепечаток — мы смотрим в будущее. Сейчас идет плотная работа над 3 и 4 томами. Так что — ловите миг удачи. Пока есть в наличии «Детский сборник» — заказывайте и покупайте, чтобы не переплачивать впредь.

Если найдется внешний спонсор, или заинтересованное издательство сможет пробить права — мы готовы к сотрудничеству. Наши претензии скромны, главное — это бережное отношение к тексту, сохранение нашей редактуры.

— Если можно, расскажите подробней о серии книг «Tolkienistica Rossica Magna». (Прим.: постоянные читатели «РФ» знают о первой книге в этой серии, «Толкин глазами русских» М. Хукера, по нашей рецензии в майском номере за этот год)

— Серия была основана нами в связи с тем, что российская толкинистика, по нашему мнению, уже доросла до того, чтобы «собственных Шиппи и быстрых разумом Уайтов рождать». То есть российская толкинистика вошла в пору ос-

мысления и исследования творчества Профессора. Сейчас уже вышел второй том серии – книга Павла Парфентьева «Эхо благой вести: Христианские мотивы в творчестве Дж.Р.Р. Толкина». Можно заказывать.

– А откуда возникла идея создания мультфильма «Мистер Блисс»?

– Я познакомился с режиссером мультфильма – Геннадием Тищенко в 2002 году через Олдей. Когда я узнал, что он не только художник, но и превосходный (без преувеличения) режиссер-мультипликатор, я, конечно, загорелся идеей сотворить что-нибудь эдакое. Вначале, в воспаленном воображении мелькали образы анимированных Турина, Бэрэна и других героических личностей. Но в процессе работы над «Детским сборником» я понял, что первым оживет мистер Блисс.

– Почему же имено он? Ведь отечественному читателю лучше знакомы другие сказки Толкина...

– Во-первых, нам почти ничего не приходилось дорисовывать, графика полностью авторская, что упрощало творческий процесс и устраняло трудности с различным «видением» персонажей. Во-вторых, «Мистер Блисс» – законченное произведение, не требующее серийности и т.д., не обязывающее к продолжениям. И, в-третьих, это сказка и мультфильм *для детей*.

– С какими трудностями столкнулся коллектив при работе над мультфильмом?

– Конечно, с техническими. Это первый в мире, насколько мы знаем, полнометражный мульфильм, выполненный во флэше. Было сложно запустить процесс, но благодаря мастерству участников – все проблемы мы преодолели.

– Довольны ли вы полученным результатом?

– Вроде бы – да. Я доволен. Остальные – спросите у них.

– Итак, первый показ был на «Звездном мосту». Но знакомство было обоюдным: участников фестиваля с мультфильмом, Ваше – с «Мостом». Каковы Ваши впечатления? Это Ваш первый конвент – или?..

– «Звездный мост» – велик и невероятен. Он фантастичен! Это потрясающий сплав воли и энтузиазма оргкомитета, для меня – в лице моих любимых Олдей, с поддержкой властных структур и бизнесменов. Да, я впервые был на конвенте – все выглядело какой-то версией Олдевского же романа «Нам здесь жить», с его удивительной эклектикой, и разворачивающейся в тех же декорациях Харькова.

Открытие в специально законченном к сроку Дворце Студентов Юракадемии, где дежурили в проходах духовные родственники того самого Ипполита

Марселино. Мэр города и губернатор, не призывающие гнать эту шантрапу из города, а благосклонно одобряющие мероприятие! Гаишники, пропускающие под знак по бэджику фестиваля! Фейерверк и катание на воздушных шарах!

Прекрасный толкиновский семинар, проведенный Алиной Немировой в университете. Выставка фантастических рисунков.

Гостиница «Харьков», живо напомнившая мне Бейрут, после обстрела линкором «Нью-Джерси», и серебряные монеты, вручаемые при голосовании.

Я очень рад, что фестиваль так вырос и окреп, и надеюсь, что его жизнь будет долгой и счастливой.

— Понравилась ли Вам в целом реакция зрителей на мультфильм?

— Опять же — да. Зал был полон, сидели в проходах и стояли у дверей. Народ смеялся в нужных местах, дети не отвлекались, не было впечатления затянутости. Получилось динамично и весело, с легким оттенком светлой грусти.

— Каковы дальнейшие планы — и в отношении мультфильма, и в отношении других возможных экранизаций?

— Все будет зависеть от решения адвокатов Толкин Эстейт по «Блиссу». Если удастся получить права и допустить мультфильм к широкой публике — то мы продолжим работу. В планах — «Рождественские Письма» (в «Детском сборнике» «Письма Рождественского Деда») и 14 стихотворений из Алой книги, особенно «Последний корабль», а также моя особая любовь — стихотворение «Дракон прилетел», оба варианта. Если нет — то, возможно, тоже продолжим работу, но уже не в ближайшем будущем.

— Будет ли еще возможность увидеть «Мистера Блисса» у отечественного зрителя (даже в случае отрицательного ответа от Толкин Эстейт)?

— Да. Планируется такой же некоммерческий показ на «Зилантконе» в Казани. А также, разумеется, на семинаре ТТТ и ТО СПб в Питере, зимой. А дальше — будет видно. Возможен осенью-зимой некоммерческий показ в Москве, в арендованном кинотеатре. Но пока точно не решили.

Смотрел мульфильм и брал интервью Владимир Пузий.

КОСТЯНТИН РОДИК: «ТІ, ХТО СТАВИТЬ СОБІ ЗА МЕТУ БУТИ ПЕРШИМИ, СТАЮТЬ НИМИ!»

Як редакція «РФ»-ки й обіцяла, ми по можливості знайомимо наших читачів із різними поглядами і думками на вітчизняну фантастику. Цього разу ми звернулися до президента Всеукраїнського рейтингу «Книжка року», незмінного головного редактора щодватижневика «Книжник-ревю», а також «за сумісництвом» — голови «порталівського» професійного журі в номінації «україномовна фантастика». Знайомтеся: Костянтин Родик, людина, яка чи ненайкраще знається на вітчизняних книжках.

Про його погляд на фантастику, на стан жанрової критики, на те, чи є шанси в «молодих і нахабних» пробитися сьогодні в Україні, — читайте в нашому інтерв'ю.

— Кость Костьович, давайте розпочнемо з сакраментального запитання: що для вас є фантастика?

— Усе залежить від точки зору. Фантастикою називають як цілком самодостатню, серйозну літературу, так і звичайнісіньке читво, яке можна охарактеризувати як «психологічний вентилятор для мізків» — не більше.

Взагалі-то фантасти дуже часто створюють собі штучні, тепличні умови і говорять про твори своїх колег, судячи їх не по «гамбургському рахунку», а в масштабах тусовки. А будь-яку книжку, на мою думку, слід оцінювати з інших позицій: це література чи ні. Бо розподіл на Велику Літературу і фантастику — хибний. Інколи так і хочеться спитати: хлопці, якщо ви такі круті в фантастиці, то чому не виходите змагатися на загальнолітературних теренах?..

І тут ми приходимо до ще однієї проблеми. Даючи визначення, треба орієнтуватися на якісь загальновизнані, сталі критерії. «Що таке фантастика?» Візьмемо за приклад Жуля Верна. Чим принципово «20 тисяч льє під водою» відрізняється від «Трьох мушкетерів»? Це такий самий звичайнісінький пригодницький твір, де, дійсно, трошки модифіковано реальність. Але матриця в основі обидвох текстів лежить одна й та сама.

Взагалі вся література — це якась мандрівка, або психологією, або рефлекс
Той самий Жуль Верн — мандрівка рефлексами людини, її реакціями на зовнішній світ — великий, невимірний. А, скажімо, Достоєвський і Толстой — це мандрівка психологією.

— І фанатастика — ...

...може розповідати про обидві ці мандрівки.

Наприклад, в чому полягає сутність творчості наших Дяченків? Я для себе її визначаю як «модельний» реалізм. Вони моделюють якісь ситуації і намагаються дослідити, як реагуватиме людська психіка на ті чи інші несподівані обставини. Наскільки це фантастика? Це експериментальна література, присвячена нерозгаданим секретам психіки.

І самі Дяченки — та й не вони одні — не дуже радіють, коли на них вішають ярлик «фантастів». Більше того, коли хтось із подібних авторів хоче і робить спроби зірвати цей ярлик, вони дійсно добиваються визнання у так званій Великій Літературі. Дивіться, той же Пєлєвін неодноразово номінувався на престижні «загальнолітературні» премії.

— А чи взагалі ця проблема не полягає в позиціонуванні творів?

— Звичайно! Хіба «Орфографія» Бикова — фантастика? І в україномовній номінації минулорічного «Порталу» премію здобула «Мальва Ланда» Винничука, а про його належність до фантастики можна сперечатися. Але всі ці згадані твори — це безумовно література.

І тому вихід у космічні координати не є карт-бланшем, такою собі індульгенцією. Уявити собі майбутнє можна тільки зі шматочків нашої сьогоденної реальності. Жодних інших варіантів просто немає в голові. Можна зробити надзусилля і сконструювати щось «аж таке!» — але якщо препарувати це «аж таке!», в результаті все одно побачимо шматочки того, що людина вже знає.

Тож на атомарному рівні фантастика — все одно звичайнісінький реалізм, який дуже вдало маскується.

На жаль, дуже часто маскується саме не література. Але не можна казати: от є література, є не-література, і остання — явище суто негативне. Наприклад, ті ж жіночі романи виконують компенсаторну функцію, а не просто «засмічують мізки». І фантастика, очевидно, теж почасти виконує цю ж функцію, «провітрює голову». Нехай воно буде, голову теж треба «перевітрювати».

Але якщо поглянути на фантастику з точки зору мистецтва, то саме це поняття зникне: в ній залишаться література і читво, яке виконує «перевітрювальні» та компенсаторні функції.

— І як давно ви «перевітрювали» свою голову, і чим?

— Останнє з серйозної фантастики, що я повністю прочитав, це «Лестничная площадка» Яни Дубинянської, це Арєнєв — «Бісова душа», «Уехал рыцарь милый мой...» Дяченків. Ну а навесні «Портал» був, то приходилося читати багато різних книжок...

Тепер на черзі — Бенедиктов, про якого кажуть як про доволі перспективного, стоїть у мене уже рік на «першочерговій» полиці «Штурмфогель» Лазарчука, другий «Дозор» (фільм подивився, тепер хочу порівняти аналогії переводу тексту в іншу мистецьку площину), там же — «Варан» Дяченків. Їх же «Рубеж», їх же, у співавторстві з Валентиновим і Олді; лежить давно, але вийшла нова книжка, і під цим «інформаційним приводом» я його нарешті прочитаю.

Словом, фантастику я читаю доволі активно — і не дуже дивлюся на ярлики.

— Чи не бачите ви парадоксу в тому, що фантасти намагаються вийти за межі «гетто», яке, по суті, є більшим (адже і наклади більші, і відомість), ніж «гетто» «Великої Літератури»?

— Думаю, справа в традиції. Мені здається, на Заході відчуття ущербності порівняно з серйозними літераторами у фантастів не існує. А у нас фантаст — письменник другого сорту. Мабуть тому, що на давніх українських, а точніше, російських імперських теренах література творилася елітою для еліти; для мас існували лубочні картинки, така собі паралітература. Тільки Пушкін усі ці лубки перевів на мову еліти, він же вперше ввів у широкий обіг поняття літератури як професії.

І є певні упередження щодо фантастики, адже «там усе вигадано».

— Власне, у всій художній літературі — «все вигадано».

— Так. Але оцей стереотип і оце ставлення живучі.

Що ж до накладів... Сьогодні дійсно вони падають, якщо взяти «серйозну», або психологічну прозу чи усілякі постмодерністські витребеньки. Але асортимент при цьому зростає.

— Це стосується України чи...

— Переважно — загалом ситуації в світі, хоча Україна повільно рухається в цьому ж напрямі. Просто тут потрібен надпотужний мікроскоп, щоб побачити ці процеси, — але побачити їх можна.

Відбувається те ж, що і з будь-яким товаром. Як зараз до півсотні видів зубної пасти, так і різних книжкових серій стає дедалі більше. Наклади меншають, кожен стає «вузькопрофільним» читачем і може чітко знайти книжку саме для себе. Очевидно, це відбувається і з фантастикою.

— А якщо поглянемо на інший бік медалі — на критику, наскільки вона впливає на сучасний літературний процес і на масову думку читача?

— Впливає і впливатиме, хоча, можливо, не так, як за часів Пісарєва і Добролюбова. Між іншим, «Отечественные записки» виходили накладом 2 тис., причому тисяча залишалася в архівах нерозрізаною. Виходить, всього тисяча примірників могла формувати тогочасний літературний процес.

Зараз, звичайно, критика впливає по-іншому. Коли ми спілкувалися з Орханом Памуком, він сказав: «Критики ображаються, що книжка може стати бестселлером без їхньої участі». Це не так, але це не настільки очевидно, зокрема, для наших видавців. Спливання на поверхню нових імен на нерозвинених, як в Україні, ринках відбувається дуже повільно. Щоб вивести на орбіту масового знання того чи іншого письменника, треба щонайменше, при докладенні певних зусиль, півтора року. Потім уже ім`я працюватиме на себе.

Всі з чогось починали. Курков стояв на Андріївському узвозі з плакатиками: «Автор продасть свої книжки»; не відразу пробилися Дяченки — лише поступово нині найвідоміші наші письменники «потрапили в пресу». Сьогодні лінійка актуальних, часто згадуваних, авторів більша, ніж років чотири тому, — і вона й далі збільшується. Але самі видавці дуже рідко займаються нерекламним просуванням книжок у засобах масової інформації.

— Та чи взагалі може бути подібна інформація не рекламною?

— Для простоти скажемо: не рекламне — значить, неоплатне. От у Москві на вересневому книжковому ярмарку був круглий стіл між видавцями і журналістами з питання, як просувати книжку так, щоб не відразу за це просування платити. На російському ринку є речі, про які навіть не дискутують, вони приймаються апріорі. Наприклад, одержання новинок від видавництва журналістом, який постійно пише про книжки, пересилання книжок у видання, які мають постійні книжкові рубрики, — це просто не обговорюється. Наші видавці, здається, взагалі розсилками не займаються.

І саме значною мірою видавці винні в тому, що сьогодні стан української критики оцінюється як кризовий, адже вони — чи не найбільш зацікавлені особи! — не стимулюють цей процес. Вони в розпачі: «Немає критики!» — але самі для цього нічого не роблять.

— Повертаючись до української фантастики — які проблеми ви зараз бачите і в текстах, і в виданні, і в критиці?

— У нас, на відміну, від, скажімо, Німеччини не може бути такого: сьогодні відомий критик або просто публічна людина сказала про книжку хороше слово — завтра цю книжку розкупили. Чому? Бо немає інтегральних (з точки зору народної популярності) осіб. Якщо Клінтон каже: «Я читаю таку от книжку», — все, гаплик, треба друкувати додатковий наклад. А якщо скаже Данилович... уявіть собі. Він сам видав книжку, і то вона лежить на складі.

— А якщо скаже Ступка? Бенюк? Той же Курков?

Я вважаю, що це обов`язково *мусить* працювати. Але в українському суспільстві таке працює дуже повільно. На жаль, довіра до публічних осіб сильно підірвана.

Що ж до критики, яка хоч якось формує ці інформаційні хвилі...

Найперше: на етапі вибору «кого рецензувати», найбільше значення має зовнішній вигляд видання. Якщо перед рецензентом лежить десяток книжок, і імена авторів йому ні про що не говорять, звичайно ж, віддаватиметься перевага оригінальному оформленню. Умовно кажучи, між «Алфізикою» та брошурованою книгою віддаватиметься перевага саме «Алфізиці», це зрозуміло. Ну а далі вже все залежить від тексту...

— Які перспективи ви бачите напередодні чергового «Порталу» і чергової номінації «Краща україномовна фантастика»?

— Збільшення цікавості до конкурсу — це керований процес. Дуже добре, що «Реальность фантастики» здобула «євроконівський» приз — це ще один інформаційний привід сказати про себе. А далі все дуже просто: чим більше говоритимемо — що буде «Портал», що експерти оглянули вже стільки-то пропозицій і т.д., — тим більше інформаційні хвилі будуть розходитися. І неодмінно спрацює наша українська «жаба»: «Чому про нього пишуть? Хіба я не можу зробити книжку так або навіть краще?!» І писатимуть — хай не на цей рік, на наступний, але...

...Але не секрет, що книжки виходять надто повільно і пишуться щось не у великих кількостях.

— Звичайно. Україномовні фантасти взагалі мають цілу низку саме «своїх», тільки для них характерних перешкод і проблем.

Письменник, який не друкується, стає злим, жовчним, поганим письменником. От скажімо, коли ми оглядали книжки, що минулого року номінувалися на «Порталі», там був «Матріополь» Тарнавського — в автора є стиль, він володіє словом, але ця книжка написана 10 років тому. Вона пролежала, він її взяв і віддав до друку, я так думаю, й не перечитуючи. Справа не в застарілих реаліях, але в застарілому дусі письма, так зараз писати не можна — і читати так написане уже не будуть.

Тут і друга проблема — невігластво наших видавців. Вони звикли працювати в радянські часи, коли не треба було думати, тільки виконувати тематичний план. А сьогодні, виходячи на ринок, він мусить хоча б прорахувати потенціал незбитковості цієї книжки. Бо бестселлер спрогнозувати неможливо, ні в нас, ні в Америці: треба випустити десять книжок, з них одна, можливо, стане бестселлером, а шість будуть на грані збитковості. Це нормально.

Але для цього треба випустити цих десять книжок, а коли за рік випускаєш чотири і вважаєш всі чотири бестселлерами... І при формулі «чотири книжки на рік» до фантастів просто ні руки, ні розум не доходять. Гроші простіше заробити на черговому перевиданні «Кобзаря» чи «Велесової книги». Тож через нерозуміння тенденцій, які існують на ринку, і через атрофацію м'язів ризику українські видавці в переважній своїй більшості на фантастику сьогодні не ставлять.

Тому фантаст, що пише українською, потрапляє в замкнене коло: його не друкують, російською він не хоче працювати, з різних причин, — чи з любові до мови, чи просто боїться вийти на той ринок.

А так... ну, за великим рахунком той же Тарнавський задоволений. Книжка його вийшла в, скажімо так, непровальному вигляді. Невисокі амбіції задоволені.

— Але ж такі невисокі амбіції — якраз запорука до того, що автор писатиме в стіл і видавитиметься раз на десять років?

— Це ще одна родинна пляма нашого пострадянського суспільства. «Письменник — месія, виразник і охоронець отого самого міфічного народу» — ці формули надто сильно вжилені у свідомість і роблять свою «чорну справу».

В результаті письменник вважає себе «благодєтєлєм народу», навіть якщо книжку його не купують, вона лежить на складах, списана, потрапляє до бібліотек, а потім до пунктів збирання макулатури, бо нікому не потрібна.

А позиціонувати себе на ринку і ставити завдання бути першим — у нас небагато тих, хто на це здатен. Ті, хто ставить собі таке завдання, дійсно стають першими. І я впевнений, що мусить прийти нове покоління — якраз спрямоване на успіх, котре, якщо здолає усі професійні перешкоди, досягне своєї мети. Цьому, я впевнений, сприятимуть і книжкові видання на кшталт «Книжника-ревю», і ваш журнал.

Бесіду підтримував Володимир Пузій

СЕРГЕЙ ПОЯРКОВ:«СЪЕЗДИТЬ НА ЭКСКУРСИЮ В ГОЛЛИВУД И ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЭНН МАККЭФРИ – ВПОЛНЕ РЕАЛЬНО!»

Сергей Поярков – один из самых известных, успешных и талантливых художников, чье появление на людях всегда по своим последствиям напоминает эффект от взорвавшейся бомбы. Уточним: бомбы ускоренного и только созидательного действия. Творческая энергия Пояркова способна поразить и заразить кого угодно.

Только действительно состоявшиеся, цельные люди могут так активно поддерживать своих коллег, делиться с ними собственным опытом. Опыт Сергея наверняка будет интересен не только художникам-иллюстраторам, но и вообще всем, кто только начинает профессионально заниматься творчеством: не важно, написанием ли стихов, прозы, музыки или картин.

Поэтому наш журнал решил посвятить беседам с Сергеем несколько интервью. И первое из них – о престижном Хаббардовском конкурсе, на котором Поярков стал сперва победителем, а потом – членом жюри.

– Сейчас проводится масса самых разных профильных конкурсов, в том числе – в фантастике. В чем уникальность Хаббардовского?

– Этот конкурс был основан известным писателем Роном Хаббардом более двадцати лет назад. По признанию журнала «Локус», это самый значительный в своем роде конкурс в мире. Это конкурс-тандем «Иллюстраторы будущего» и «Писатели будущего». Но, конечно, примат за писателями, потому что Хаббард был и остается знаменитым фантастом, написал кучу бестселлеров, по ним сняты голливудские фильмы, в т.ч. «Поле битвы – Земля» с Джоном Траволтой.

Хаббард, будучи сверхпопулярным фантастом, который знал, как тяжело начинающему писателю пробиться, учредил такой конкурс – именно чтобы помочь молодым авторам. Он также понимал, что не менее сложно художникам, иллюстраторам. При этом очень важно, как книга представлена, как сделана ее обложка. Поэтому и появился конкурс-тандем, где писатель и художник идут рука об руку.

– А судьи кто?

– Судьи на этом конкурсе – исключительно мировые звезды, живые легенды. Из художников: Фрэнк Фразетта и Боб Эглтон. Из писателей – Энн Маккефри, Роберт Сильверберг, Фредерик Пол, Хол Клемент – те люди, которые заслуженно считаются классиками мировой фантастики.

Знаете, иногда в подобных конкурсах бывают «свадебные генералы», которых на самом деле никто не видит, так вот, здесь судей не просто видят. Эти люди, эти мировые величины – не для галочки, они приезжают и читают лекции, семинары, тренинги: писатели для писателей, художники для художников.

И это реальный шанс не просто увидеть этих людей, а как-то с ними посоветоваться, пообщаться, поучиться.

– Так просто?

— В общем-то, да. Ведь участие в конкурсе бесплатное. Боюсь, наших читателей мало будет интересовать писательская часть конкурса: у нас мало англопишущих авторов.

— Но есть ведь переводчики...

— Там нужно по месту писать рассказ. Человек должен сам владеть языком, поэтому в нашем случае этот конкурс больше будет интересен художникам-иллюстраторам. Соискатель туда присылает свои работы в черно-белом виде, ксерокопии или качественные фотокопии...

— Только по почте или можно воспользоваться «мылом»?

— Только по почте. [*Адрес и условия мы приводим ниже. — ВП*]

Конкурс постояннодействующий, ежеквартальный. В каждом квартале побеждает три человека. За год накапливается двенадцать. Каждый из финалистов получает чек на 500 долларов, а также их приглашают на мастер-классы, им бесплатно обеспечивают проезд, проживание, экскурсии и т.п. Но из этих 12 человек каждый получает рассказ одного из финалистов писательского конкурса. Рассказ нужно проиллюстрировать в течение месяца и отослать назад. И вот по 12 отосланным работам определяется тот, кто выиграл Гран-при. А это, кроме роскошного приза — стеклянной призмы с золотой кистью внутри, — еще и чек на четыре тысячи долларов.

— Гран-при можно получит только один раз?

— Гран-при — да. Но участвовать можно до тех пор, пока не попадешь в финалисты.

Кстати, выигравшие конкурс потом могут быть приглашены уже в его жюри. Скажем, из писателей это Дэйв Волвертон. А вот среди художников я оказался первым, кто, получив гран-при, впоследствии попал в число судей. Так что, наряду с другими членами жюри, я тоже читаю лекции о том, как стать успешным художником.

Вероятно, что в следующем году сумма Гран-при увеличится.

— Были ли среди победителей предыдущих лет художники из бывшего Союза?

— К нашей чести нужно сказать, что вторая страна после США по полученным Гран-при — это, слава Богу, Украина. Гран-при получали киевлянин Денис Мартынец , а также Яна Явдощук из Луганска. Более того, есть украинец, который живет в Нью-Джерси и тоже получил эту награду. И, по-моему, этак с десяток человек еще входили в число финалистов.

Та же Россия не может похвастаться подобными успехами. Гран-при не получал никто, участвовали всего несколько человек. Хотя информация о конкурсе туда попадала, я давал.

— Расскажите немного о том, что происходит, когда ежеквартальные победители приезжают в США.

— Помимо заселения в шикарной гостинице, интереснейших экскурсий (например, в Юнивэрсал Студиоз), происходит самое главное — мастер-классы. Даже если вы не выгрываете Гран-при, уже одно общение с мастерами — это своего рода награда.

Вручение каждый раз происходит в разных местах: библиотека конгресса США, зал в НАСА, центральный офис фирмы на бульваре Голливуд, прошлый раз — в гостинице Беверли-Хиллз. Телевидение, пресса, церемония, голливудские

звезды — вот, пожалуйста, там реально можно познакомиться с Дэвидом Кэродайном (хотя вообще-то он сам называет себя Дэвид Кэродин!), с Томом Крузом или Джоном Траволтой.

Ну и, разумеется, это вполне реальный шанс заявить о себе.

Кстати, за год до моего участия был Дэрек Хэгстэд, победитель из Америки, — он тут же получил заказ на иллюстрацию романа Рона Хаббарда «Страх». Мне тоже предложили проиллюстрировать одну из книг Хаббарда. Т.е. там еще есть шанс быть востребованным на месте, что тоже неплохо, особенно для начинающего иллюстратора, — реально проиллюстрировать книжку.

В общем, это очень привлекательная вещь для молодых художников. Я им искренне желаю победы — приехать туда и выиграть. Все шансы для этого у них есть. Поэтому нужно немедленно, прямо сейчас, брать и отсылать работы!

— Эти работы должны быть иллюстрациями к каким-то книгам?

— Они должны быть профильными, фантастическими в самом широком смысле. Это все, что угодно. Я, например, посылал свои работы, которые потом начали выходить в «Огоньке» — это была больше политическая сатира в таком немножко гипертрофированном ключе, фэнтезийном.

Конкурс очень демократичный. Т.е. работы должны быть хоть каким-то краешком в жанре иллюстративном. Это не может быть иллюстрация к Тургеневу. Но, скажем, хорошая историческая иллюстрация (например, к Шекспиру) — она уже где-то сама по себе фэнтезийная. Это, например, может быть милитаристская иллюстрация... И так далее.

Ограничений по фактуре нет. Единственное — нужно посылать черно-белые копии, потому что в книжке иллюстрации выходят черно-белые.

Условия конкурса есть на сайте, по адресу **http://www.illustratorsoffuture.com/rules.htm#illus**. Причем я считаю, их нужно напечатать в журнале сразу на английском языке. И скажу будущим соискателям вот что: «Учитесь, господа, читать по-английски, вам еще рассказ иллюстрировать! Поэтому начинайте с условий конкурса».

Вообще, когда заходит спор между русским и украинским, я говорю: «Еще и английский». По-моему, каждый уважающий себя человек в Украине должен знать три языка: украинский, русский и английский, причем украинский, в свете последних событий, я бы даже поставил на первое место!

На этом мы не ставим точку. Ниже вы можете прочесть условия Хаббардовского конкурса «Художники будущего», а в следующих номерах «РФ»-ки — продолжение беседы с Сергеем Поярковым, где мы поговорим с ним о зарубежных, самых значительных фант-конвентах и о том, насколько просто — или наоборот, сложно? — стать успешным творческим человеком.

Интервью брал Владимир Пузий

$1,500 IN PRIZES EACH QUARTER
QUARTERLY WINNERS COMPETE
FOR $4,000 ADDITIONAL ANNUAL PRIZE
DON'T DELAY!
SEND YOUR ENTRY TO:

L. Ron Hubbard'S ILLUSTRATORS OF THE FUTURE CONTEST
P.O. BOX 3190
LOS ANGELES, CA 90078

1. The Contest is open to Entrants from all nations. (However, Entrants should provide themselves with some means for written communication in English.) All themes of science fiction and fantasy illustrations are welcome: every entry is judged on its own merits only. No entry fee is required and all rights in the entries remain the property of their artists.

2. By submitting work to the Contest, the Entrant agrees to abide by all Contest rules.

3. The Contest is open to those who have not previously published more than three black-and-white story illustrations, or more than one process-color painting, in media distributed nationally to the general public, such as magazines or books sold at newsstands, or books sold in stores merchandising to the general public. The submitted entry shall not have been previously published in professional media as exampled above.

If you are not sure of your eligibility, write to the Contest address with details, enclosing a business-size self-addressed envelope with return postage. The Contest Administration will reply with a determination.

Winners in previous quarters are not eligible to make further entries.

4. Only one entry per quarter is permitted. The entry must be original to the Entrant. Plagiarism, infringement of the rights of others, or other violations of the Contest rules will result in disqualification.

5. An entry shall consist of three illustrations done by the entrant in a black-and-white medium. Each must represent a theme different from the other two.

6. ENTRIES SHOULD NOT BE THE ORIGINAL DRAWINGS, but should be large black-and-white photocopies of a quality satisfactory to the entrant. Entries must be submitted unfolded and flat, in an envelope no larger than 9 inches by 12 inches.

All entries must be accompanied by a self-addressed return envelope of the appropriate size, with correct U.S. postage affixed. (Non-U.S. Entrants should enclose International Postage Reply coupons.) If the Entrant does not want the photocopies returned, the entry should be clearly marked DISPOSABLE COPIES: DO NOT RETURN, and a business-size self-addressed envelope with correct postage (or valid email address) should be included so that the judging results may be returned to the Entrant.

7. We accept only entries for which no delivery signature is required by us to receive them.

8. To facilitate anonymous judging, each of the three photocopies must be accompanied by a removable cover sheet bearing the artist's name, address and tele-

phone number, email address, and an identifying title for that work. The photocopy of the work should carry the same identifying title, and the artist's signature should be deleted from the photocopy. The Contest Administration will remove and file the cover sheets and forward only the anonymous entry to the judges.

9. To be eligible for a quarterly judging, an entry must be postmarked no later than the last day of the quarter. Late entries will be included in the following quarter, and the Contest Administration will so notify the Entrant.

10. There will be three co-winners in each quarter. Each winner will receive an outright cash grant of U.S. $500.00, and a certificate of merit. Such winners also receive eligibility to compete for the annual Grand Prize of an additional outright cash grant of $4,000, together with the annual Grand Prize trophy.

11. Competition for the Grand Prize is designed to acquaint the Entrant with customary practices in the field of professional illustrating. It will be conducted in the following manner:

Each winner in each quarter will be furnished a specification sheet giving details on the size and kind of black-and-white illustration work required for the Grand Prize competition. Requirements will be of the sort customarily stated by professional publishing companies. These specifications will be furnished to the Entrant by the Contest Administration, using Return Receipt Requested mail or its equivalent.

Also furnished will be a copy of a science fiction or fantasy story, to be illustrated by the Entrant. This story will have been selected for that purpose by the Coordinating Judge of the Contest. Thereafter, the Entrant will work toward completing the assigned illustration.

In order to retain eligibility for the Grand Prize, each Entrant shall, within thirty (30) days of receipt of the said story assignment, send to the Contest address the Entrant's black-and-white page illustration of the assigned story in accordance with the specification sheet. The Entrant's finished illustration shall be in the form of camera-ready art prepared in accordance with the specification sheet and securely packed, shipped at the Entrant's own risk. The contest will exercise due care in handling all submissions as received. The said illustration will then be judged in competition for the Grand Prize on the following basis only:

Each Grand Prize judge's personal opinion on the extent to which it makes the judge want to read the story it illustrates.

12. The Contest shall contain four quarters each year, beginning on October 1 and then going on to January 1, April 1 and July 1, with the year ending at midnight on September 30. Entrants in each quarter will be individually notified of the quarter's judging results by mail as long as the entrant has submitted a return envelope or valid email address. The winning entrants' participation in the Contest shall continue until the winner of the Grand Prize judging has been announced.

13. The Grand Prize winner shall be announced at the L. Ron Hubbard Awards Event held in the year subsequent to the year of the particular Contest.

14. Entries will be judged by professional artists only. Each quarterly judging and the Grand Prize judging may have different panels of judges. The decisions of the judges are entirely their own, and are final.

15. This contest is void where prohibited by law.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

НЕ ВЕРЬ! НЕ БОЙСЯ! БЕРЕГИ МОЗГИ!

Сказки бывают страшные, а бывают веселые. Современный западный кинематограф обожает первые, потому что напугать человека и вогнать его в стресс легче, чем рассмешить или воодушевить. Расходов меньше, эффект сильнее. Мы начнем наш видеообзор с оптимистического фильма, потому что он у нас сегодня — единственный подобного рода. Остальные бросают в дрожь.

Царь-рыбец уходит в глубину

Писатель-дебютант Дэниел Уоллес создал роман «Большая рыба: роман мифических пропорций» — произведение любопытное, но, казалось бы, экранизации не поддающееся. Тем не менее сценарист Джон Огаст уговорил студию «Коламбия Пикчерз» купить права на экранизацию — тем более, что стоили они недорого. После долгих приключений сценарий Огаста попал в руки Спилбергу, который поначалу увлекся проектом, потом несколько охладел, но заинтересовал им великого мастера киносказки *Тима Бертона* («Битлджус», «Бэтмен», «Сонная Лощина»). В итоге получилось кино под названием **«Крупная рыба»** (Big Fish, США, 125 минут, «Видеосервис», 2004), напоминающее «Питера Пэна» для взрослых. Итак, Уильям Блум (Билли Крадап — голос в «Принцессе Мононоке») узнает о том, что его отец Эдвард Блум (герой «Перекрестка Миллера» Альберт Финни; в молодости роль сыграл Эван Макгрегор — «На игле») при смерти. Сын зол на отца, поскольку подозревает, что все удивительные истории, которые тот рассказал о себе сыну, не соответствуют действительности. В то короткое время, которое осталось отцу и сыну для общения, Уилли вспоминает старые рассказы отца, слушает новые и вдруг понимает, что, возможно, было немало правды в чудесных историях: и о чудесном знакомстве отца с матерью, Сандрой Триплтон (Джессика Лэнг — «Тутси»; в молодости роль сыграла Элисон Ломан — «Белый олеандр»), и о встрече с поэтом-гангстером Мозером Винцлоу (Стив Бушеми — «Бешеные псы»), и о дружбе с великаном Карлом (Мэтью МакГрори), и о работе в цирке под руководством верфольфа Эмоса Кэлловэя (Дэнни Де Вито — «Близнецы»), и о секретной миссии в Китай, завершившейся знакомством с сиамскими близнецами... и, конечно, о разговоре с одноглазой ведьмой, после которого Эдвард нисколько не боялся жить: знал, что умрет, превратившись в конце жизни в огромную большую рыбу. Для эстетики Бертона характерно смещение границ между сном и явью, реальностью и выдумкой, а потому даже финальное превращение в рыбу выглядит не так уж фантастично. Плеск — и новая ипостась Альберта Финни исчезает в воде...

Черное чудище в темной комнате

В рыбу превратиться, таким образом, непросто: надо готовиться к метаморфозе с детства, прожить целую жизнь, помириться с сыном... Превратиться в вампира гораздо легче. Кус и готово! Правда, картина режиссера *Ричарда Брэндиса* **«В поисках крови»** (Out For Blood, США, 90 минут, «Вест-видео», 2004) убеждает нас в том, что и тут — не без проблем. Вот полицейский Хэнк Холтон (Кевин Диллон — «Взвод»), недавно покинутый женой — автором книг о вампирах Сьюзен Хастингс (Ванесса Энджел), — получает от своего шефа, капитана Джона Биллингса (Лэнс Хенриксен — «Терминатор»), задание: отыскать пропавшую девушку Лейлу Симмонс (Джоди Лин О'Киф — «Хэллоуин: 20 лет спустя»). Девушка, оказывается, превратилась в вампиршу, а самого героя, занесенного на ночную вампирскую тусовку укусил семисотлетний главарь кровососов. Теперь только советы бывшей женушки, хорошо владеющей теорией вампиризма, способны помочь нашему герою остаться человеком и не завершить окончательное превращение в такого же кровососа. Беда в том, однако, что у Сьюзен в этом деле — свой пиковый интерес, и ее интересует не только теория... Традиционная вампирская атрибутика дополняется тут несколькими ранее не известными деталями. Например, для метаморфозы нужен именно укус главаря, укус рядового не считается. Или: ночное убежище вампиров днем охраняют красноглазые людоеды-призраки, которые боятся креста и высоты, но сильны, как зомби. Или еще одна свежая деталь, по сравнению с деталями каноническими: вампиры не только не отражаются в зеркале, но и не фиксируются на кино- и видеопленке. Но вот это уже, граждане, — чистая ересь. Будь так, разве смог бы великий Фридрих Мурнау запечатлеть своего Носферату?

Впрочем, пусть не в зеркале и не на пленке, но вампиров все-таки можно увидеть. А можно ли увидеть бесплотные ночные кошмары? Режиссер *Кей Си Баскомб*, постановщик фильма **«Боязнь темноты»** (Fear Of The Dark, Канада, 86 минут, «Вест-видео», 2004) дает противоречивый ответ: то ли да, то ли нет, как карта ляжет... Тот, кто придумал фразу «Темнота — друг молодежи», не уточнял средний возраст этой самой молодежи. Между тем самые юные граждане прекрасно знают, что темнота самый настоящий враг: там, где нет света, водятся уж-ж-жасные монстры (типа Фредди Крюгера или зомби из «Ночи живых мертвецов»). Свет не дает им возможность проявиться, но едва сгустится сумрак, как в стенном шкафу, под кроватью, по углам обнаруживаются эти адские создания.

Спастись от них можно двумя способами. Либо укрыться с головою одеялом и затаить дыхание. Либо не верить в этих монстров. Второе, увы, сложнее. По сюжету фильма, 12-летний Райан Биллингс (Джесси Джеймс — «Эффект бабочки») уверен, что темнота — живая и в ней водятся чудовища. Поэтому мальчик спит при свете и упрямо не реагирует на советы здравомыслящих брата Дейла (Кевин Зегерс — «Поворот не туда»), мамы (Линда Перл), папы Эрика (Чарльз Пауэлл — «Крикуны»). Но однажды, когда родители уходят, а в доме вырубается свет, брат с подружкой Хизер (Рейчел Скарстен) понимают: опасения мальчика небеспочвенны... В принципе, у Баскомба мог бы выйти неплохой фильм — зря, что ли, ночные кошмары всегда привлекали большого любителя испугать и испугаться Стивена Кинга? Беда, однако, в том, что небольшой бюджет картины не позволил монстрам вылезти надолго и дать зрителям возможность рассмотреть себя получше. Зритель, конечно (в отличие от старших Биллингсов), верит мальчику с первого кадра. Но для фильма ужасов одна вера — неважное подспорье. Нам ужасов подавай, и побольше!

Ужас на крыльях и на колесах

Для американцев автомобиль — не роскошь и даже не средство передвижения. Автомобиль — неотъемлемый жизненный атрибут, как ложка, очки или расческа. И если уж американцу суждено попасть в какую-нибудь ужасную заваруху, то он в пятидесяти процентах из ста попадает в нее либо благодаря своему авто, либо в компании этого самого авто. Нечто подобное происходит с героями фильма *Жана-Батиста Андреа* и *Фабриса Канепа* «**Тупик**» (Dead End, Франция США, 90 минут, «Екатеринбург-арт», 2004). В оригинале, как вы заметили, картина называется еще страшнее, и это неспроста. Накануне Рождества машина с Фрэнком Харрингтоном (Рэй Уайз), его женой Лорой (Лин Шэй), его сыном Ричардом (Мик Кейн), дочерью Мэрион (Александра Холден) и ее женихом Брэдом (Билли Эшер) едет по знакомому шоссе — к родственникам Лоры. Заснув за рулем, Фрэнк е/ падает в аварию, а машина выезжает на незнакомую дорогу, по которой и решено добираться до места. Однако внезапно герои встречают на дороге Женщину в белом (Эмбер Смит) с младенцем — после чего начинаются ужасы и смерти, так что к финалу из всех путников в живых остается лишь о/ Смерть вездесуща, неумолима, играет с людьми в дьявольскую игру: от нее так же невозможно, как и уехать на четырех колесах. Рэй Уайз уже стал кивался с подобным Страхом Господнем в фильме «Джиперс Криперс 2», там тварь, встреченную на пути, можно было хоть попытаться застрел А в

Тупике» у смерти нет лица или фигуры — просто огромная черная машина. Может, все случившееся было коматозным виденьем одного из персонажей? Но авторы фильма не советуют выбирать из всех объяснений самое простое...

А вот режиссер *Брайан Гилберт*, постановщик фильма **«Город проклятых»** (The Gathering, Великобритания — США, 83 минуты, «Пирамида», 2004), дает странным событиям в своем фильме исчерпывающее объяснение. Во всем, оказывается, виновато праздное любопытство людей, оказавшихся не в то время и не в том месте... Однако по порядку. Режиссер вписывает свою ленту в череду религиозно-мистических триллеров («Седьмое знамение», «Стигматы», «Конец света» и др.), где развитие сюжета так или иначе увязывается с христианской церковной догматикой. События двухтысячелетней давности влияют на происшествия дня сегодняшнего. Казалось бы, все предопределено и занесено на скрижали, ничего изменить нельзя. И все-таки находятся люди, пытающиеся помешать необратимому и перевести стрелки на пути из прошлого в грядущее. Итак, в маленьком британском городке найден старинный храм, в котором статую распятого Христа окружают странные барельефы. Ученый Саймон Киркмен (Стивен Диллэйн — «Шпионские игры») узнает о том, что толпа, которая наблюдала за муками Христа, была проклята — и теперь эти скитальцы по векам появляются везде, где предстоит свершиться очередной трагедии. Между тем жена Саймона, Марион (Керри Фокс — «Неглубокая могила»), случайно сбивает на машине странную девушку — американку Кесси Грант (Кристина Риччи). Та страдает от частичной потери памяти и нянчит малолетнего Майкла (Харви Форрестер), сына Саймона. Она обнаруживает, что в городе появились люди, которых она видела на фото с барельефов. Девушка понимает, что в городке намечается ужасное преступление, в результате которого может погибнуть и маленький Майкл. Будущий преступник известен — местный идиот Фредерик Аргайл (Питер Макнамара), в свое время пострадавший от педофилов. Однако девушке никто не верит до тех пор, пока ее опасения не начинают сбываться. Но кто она сама? И почему так легко перенесла удар сбившей ее машины? Зритель довольно быстро догадывается, но все равно создатели кино держат нас в напряжении. Картина любопытна главным поворотом сюжета: оказывается, эти самые проклятые уже не страдают от проклятья, а постепенно начинают ловить кайф от своего статус-кво бессмертных наблюдателей. Ну и, конечно, безошибочным попаданием следует признать назначение на главную роль американки Кристины Риччи. Маленькая красотка с огромными глазами может убедительно сыграть и жертву, и монстра. Как будет угодно авторам картины.

Фирма «Зомби и сын»

Напоследок — еще две пугалки. Картина *Тима Карда* **«Хранитель душ»** (Keeper Of Souls / The Waking, США, 81 минута, «Пирамида», 2004) начинается с предуведомления о том, как в Средние века появился некий Хранитель Душ, который, быть может, является самим дьяволом. Далее зрителя предупреждают, что этот Хранитель шастает среди людей в наши дни... К сожалению, все дальнейшее настолько невнятно, что опознать дьявола среди персонажей картины не представляется возможным. Однозначно можно сказать лишь одно: таковым не является Клифф Паттерсон, которого сыграл сам режиссер. Все остальные — под вопросом. Согласно сюжету, молодая Стэйси Паттерсон (Келли Роуэн — «Любой ценой») видит странные сны-кошмары, похожие на реальность, которые усиливаются после смерти бабушки. Узнав, что старушка завещала развеять ее прах над озером в городке ее детства, Стэйси и уже упомянутый выше Клифф, ее муж, отправляются туда исполнить последнюю волю покойной. Поселившись в пустующем доме дяди и тети местного мрачного старика Слоуна (Р.Дж. Армстронг — «Дети кукурузы»), они не подозревают, что тот — колдун-сатанист, приносящий человеческие жертвы, а его покойные родственники тоже служили адскому Хранителю Душ. В результате все хорошие погибают включая честного шерифа Кулера (Грэхэм Тимбс), а убитые плохие превращаются в зомби. И еще почему-то в кадре присутствуют змеи. И неуклюжие съемки рапидом. И светящиеся в темноте глаза. И много дыма, изображающего туман. Или тумана, изображающего дым. Неясно, зачем дьяволу тратить вечность на всю эту мелочевку. Впрочем, не факт, что в фильме он по-настоящему возникает. Человек в козлиной маске, мелькающий в кадре на последних секундах, — не в счет. Вполне возможно, что он просто член тайного братства Ответивших За Козла...

Превращать людей в зомби умеют не только древние мистические существа или колдуны вуду. Оказывается, науке это тоже доступно. В 1962 году на экраны вышел «Манчжурский кандидат» Джона Франкенхаймера, где советские десантники тайно захватывали в Корее и «промывали мозги» американским солдатам, чтобы потом использовать их в качестве беспамятных наемных убийц или, того хуже, политиков-марионеток. Капитану Бену Марко удается убедить своего бывшего подчиненного — и по официальной версии героя войны Раймонда Шоу, что тот на самом деле марионетка. Поняв свою роль, герой убивает свою мать-шпионку и отчима-негодяя, после чего кончает с собой. В том давнем фильме главные роли сыграли Фрэнк Синатра, Лоренс Харви и Анджела Лэнсбери. Четыре десятилетия спустя режиссер-«оскароносец» *Джонатан Демме* («Молчание ягнят») решил переснять давний шедевр Франкен-

хаймера — и назвал его точно так же, **«Манчжурский кандидат»** (The Manchurian Candidate, США, 127 минут, 2004). Но поскольку мир изменился, сюжет пришлось изрядно переделывать. Во-первых, американских солдат захватывали уже во время «Бури в пустыне» 1991 года. Во-вторых, советский заговор (ввиду исчезновения СССР) был заменен заговором некой невнятной международной корпорации, которую еще пришлось обозвать «Манчжуриан Глобал» — чтобы хоть как-то оправдать название нового фильма. В-третьих, мать Раймонда (ее тут сыграла Мэрил Стрип) из супруги сенатора сама стала сенатором, причем в вице-президенты она уже двигала не мужа, а сына. Вдобавок ко всему как-то перепутались спецслужбы, ФБР, ЦРУ, военная контрразведка, зачем-то возникали и исчезали из тел героев вражеские имплантанты, а финальный выстрел доверялось произвести не Шоу, а Марко. В результате получилась неудобоваримая история, больше похожая на шизофренический бред людей с манией преследования и выводком тараканов в голове. Насколько ясной и страшной была лента Франкенхаймера, настолько необязательной и картонной оказалась картина Демме. Сцена, когда зомби совершает свое первое убийство, в фильме 1962 года действительно впечатляюща. В картине-2004 — заурядна. Единственный сходный вывод, который напрашивается после просмотра обоих фильмов подряд: застрелить президента (или вице-президента) США довольно лёгко. Но если в 1962 году этот вывод был «подкреплен» последовавшей вскоре трагедией в Далласе, то, казалось бы, за четыре следующих десятилетия Америка должна была научиться охранять своих президентов получше... ну, или хотя бы снимать ремейки получше.

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ЧЕРНЫЕ ХРОНИКИ ГАЙДАР-САРАЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНВЕНТ ФАНТАСТИКИ, ТОЛКИНИСТИКИ И РОЛЕВЫХ ИГР «ЗИЛАНТКОН-2004» ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННОГО ШПИОНА

Хроника первая. «Сезнен бейджик кайда?», или «Где ваш пропуск, сэр?»

«Пролетарии всех стран, простите меня!» Эта фраза приписывается великому и ужасному Карлу Марксу, отцу-основателю марксизма и непримиримому критику стоглавой гидры капитализма. Маркс хотел, чтобы все пролетарии на Земле были счастливы, но получилось наоборот. По крайней мере, в России. Судьба учения Маркса — красноречивая иллюстрация простой истины: учение, овладевая массами, во-первых, претерпевает неизбежные изменения, а, во-вторых, начинает жить совсем уже своей жизнью или, выражаясь кудряво, эмансипируется от своего создателя, теряя последние черты родства.

Рыцари на Зиланткоие ведут себя довольно агрессивно. Чуть что — меч из ножен

Отцу-основателю Толкину повезло больше, чем Марксу. Хотя его учение тоже овладело массами, и еще какими (на «Зиланткон» в этом году приехало полторы тысячи человек!), правительств толкинисты не свергали, декреты не вводили и в оврагах не расстреливали. А вот со вторым пунктом аналогия достаточно точная — вряд ли Профессор мог предвидеть, что через много лет после выхода его книг по далекому русско-татарскому городу Казань будут ходить Арагорны под ручку с Галадриэлями. Что в татарско-русском словнике появится понятие «Толкинистлар», то бишь участник фестиваля «Зиланткон». И что среди казанской милиции появятся «наши люди», то есть товарищи родом из Средиземья, готовые до последнего патрона стоять за честь ролевика, случайно попавшего в обезьянник (или, как выражаются в той же Казани, «в тигрятник»), и знающие на иглу текст «Сильмариллиона».

Четырнадцать лет подряд в начале ноября в Казани проходит «Зиланткон». И, я уверен, это только начало. Будь я Профессором, я бы, конечно, гордился.

Хроника вторая. Казань, город сирот и драконьего молока

Кутюрье «Дольче и Габанна» есть куда расти

Знакомьтесь: это — настоящий, а не какой-нибудь там «занавесочный» эльф

Не случайно, совсем не случайно «Зиланткон» — самый безумный конвент из тех, на которых мне довелось побывать, проходит в Казани. (Здесь, наверное, будет к месту маленькое уточнение. У прилагательного «безумный» есть два смысла хороший и плохой, так вот, конвент «Зиланткон» безумен по-хорошему: он весел, бесшабашен и сродни карнавалу в Рио-де-Жанейро, только с поправкой на северные широты). Ведь Казань и сама безумна. Разумеется, в хорошем смысле. Русское и татарское, православие и мусульманство, буддизм и научный атеизм, романтизм и прагматизм, Восток и Запад все они сходятся на фотогеничных казанских холмах в смертельной схватке, которая, я полагаю, никогда не окончится. Атмосфера этого вечного боя способна свести с ума даже самых стойких. Не изменившись, из Казани не уедет никто. Казань не позволит, не отпустит. Иногда это к лучшему — за примерами далеко ходить не нужно, достаточно вспомнить Льва Николаевича Толстого или ректора Казанского университета Лобачевского, отца всем известной геометрии. Иногда — к худшему, и здесь никуда не уйти от имени Володи Ульянова, которому казанский воздух так сильно ударил в голову, что Володенька не вынес и трех недель обучения, бросил университет и вскоре подался в большевизм. И гостей, и своих Казань настраивает на самые шальные мысли. Более того, кто бы и чем не шалил здесь, все это воспринимается адекватно. Двое шевалье затеяли вооруженную драку в фойе ДК Гайдара (то бишь Гайдар-сарая)? Зрители привычно расступаются. Мол, что тут попишешь? Не поделили благородные господа прекрасную даму, теперь все решает меч, и только кровь врага смоет позор... За соседним столиком в кафе девушка, одетая как Царица Савская, вдруг начинает играть на кельтской арфе и петь на ненашем (не понятно даже на каком!) языке. Официантки почтительно умолкают, выставляя на стол перед певуньей порцию мороженого и становятся поодаль с самым почтительным выражением лица. Мол, с удовольствием послушаем, чем не Бритни Спирс! Полуобнаженная, при нулевой температуре воздуха, одалиска переходит дорогу на красный сигнал светофора, ожесточенно размахивая над головой шпагой, — водители понимающе тормозят, уступая путь, и озорно улыбаются. Дескать, все ясно, фея в растрепанных чувствах, дорогу красавице! Словом, какие бы несуразные

(на взгляд непосвященного) вещи не происходили на фестивале и в его окрестностях, все они воспринимаются естественно. Выставка-продажа оружия, где большинство продавцов одеты так, словно только что выпрыгнули из кадров исторического фильма — прекрасно! Исторический бал, куда званы лишь люди в костюмах и масках (а их десятки, сотни!) — замечательно! Молоко дракона в составе алкогольного коктейля — еще лучше, дайте мне скорее вторую порцию!

Владислав Хабаров судит поединок. Ему аплодировали стоя

Кстати, о дойных драконах. Предводитель шведских ролевиков, гость конвента и натуральный швед по национальности, в кулуарах конвента делился с нами шведским опытом. Оказалось, все у них, как у нас (то есть в Казани), а в чем-то даже и хуже (меньше красивых девушек), но одна проблема у русских ролевиков и у шведских — общая. А именно — драконов недостает. И вот, они у себя в Швеции наконец-то нашли решение этой проблемы: к следующему игровому сезону загримируют под дракона шагающую лесозаготовительную машину. Загримируют — это значит изготовят специальный проволочный каркас, приделают к нему лапы, хвост и зубастую-шипастую голову из папье-маше, в горло вставят специальный баллончик, из которого, по сигналу оператора, сидящего в кабине машины, будет исторгаться (или, скорее, изрыгаться) натуральное, разве что холодное, пламя. По приезде в Харьков, шведское видение шагающего лесозаготовительного дракона показалось мне немного... как бы это сказать... комичным. Даже в чем-то профанирующим сакральный образ вредоносной рептилии. Но! Тогда, в Казани, сия безумная идея мне виделась полностью уместной и понравилась до чрезвычайности. «И еще обязательно крылья от дельтаплана к нему приделать! Чтобы летал!» — кричал я, радостно аплодируя. Вот что делает с людьми по-доброму безумный казанский воздух.

Хроника третья. Рыцари с оружием и без

Людей, вооруженных мечами, на «Зилантконе» было так много, что иногда мне начинало казаться, что я, как какой-нибудь Дон Румата или глубоко законспирированный сотрудник Института Экспериментальной Истории, заслан во времена Короля Артура или Ивана Грозного, который, кстати, Казань с успехом штурмовал — чтобы шпионить там за нашими предками с целью ускорения их эволюционного роста.

Рыцарей вокруг Гайдар-сарая наблюдалось за тысячу. Они азартно сшибались на турнирах, пили растворимый кофе, на досуге торговали колюще-режущим оружи-

Автор репортажа Александр Зорич (как всегда, в двух лицах), крепко инфицированный вирусом толкинизма

ем, медвежьими и волчьими шкурами и конной амуницией, пели походные песни и доброе вино (из-за каждой второй закрытой двери раздавались приглушенные звуки гитары и что-то вроде «Йо-хо-хо! И бутылка рома!»), ухаживали за «антуражными» дамами в кринолинах и галантно раскланивались с недругами. Кто-то был одет хуже, кто-то лучше (кстати, именно на «Зиланткоке» я узнал замечательное выражение «занавесочный эльф» — намекну, что речь идет о генезисе ткани для костюма). Кто-то экипирован на тысячу сольдо, а кто-то всего на сто. Но! Мы-то знаем, что главное в рыцаре не костюм, а внутреннее содержание. То есть моральные качества: бескорыстие, способность жертвовать всем ради поставленной цели и вера в идеалы. В наше время прилавочной мудрости и торжества скучных «рыночных ценностей», рыцарей с содержанием еще меньше, чем рыцарей в кольчугах. Но! Только не на Зиланткоке. Именно там мне посчастливилось встретить тех самых, настоящих. Правда, на большинстве из них были джинсы и свитера. Видимо, на то, чтобы облачиться в толковые кожаные доспехи, у них не оставалось сил — их без остатка отняло служение идеалам.

Поясню свою нехитрую мысль. «Зиланткон» — конвент с самым низким из мне известных оргвзносом. Он составляет всего лишь 250 рублей (около восьми долларов). Это почти в пятнадцать раз меньше, чем взнос, который необходимо внести для полной аккредитации на любом другом украинском или российском фантастическом мероприятии. Спонсоров у конвента мало (надеюсь — пока). Казанский Комитет по Делам Молодежи делает что может. Другой вопрос, что может он не так уж много. По крайней мере, сделать так, чтобы две тысячи человек, съехавшихся со всего мира, ни в чем не нуждались и веселились совсем уж беззаботно, спонсоры и комитеты не в состоянии. Поэтому забота о комфорте меченосных тысяч всецело ложится на плечи оргкомитета... Из многократных посещений конвентов я вынес одну истину: каждому из членов оргкомитета любого конвента можно смело ставить бронзовый памятник при жизни. Так вот: членам оргкомитета «Зиланткона» я бы предложил ставить сразу по два памятника, с запасом. Потому что заслужили. В этой мысли я укреплялся, своими глазами наблюдая спящего прямо за Главным Компьютером руководителя административной службы Тимура Ожегина, бледного, печального и за-все-отвечающего председателя оргкомитета Бориса Фетисова, шатающегося от усталости «завлитературой» Андрея Ермолаева, «предсмертно бодрого» руководителя фэн-блока Дмитрия Кринари и интеллектуального стахановца Ярослава Хорошкова. Сорванным от четырехдневных риторических упражнений голосом настоящего боевого генерала поздравлял участников фестиваля с окончанием ратных трудов Владислав Хабаров, руководитель Турнирного Блока, отсудив-

ший, по его собственному признанию, около пятисот (!) поединков. И наградой ему были несмолкающие пятиминутные аплодисменты на закрытии фестиваля. Честное слово, они (то есть мы) не могли остановиться долгих пять минут. Так усердно можно благодарить только тех, чьи идеалы не внушают сомнений, тех, у кого есть не только разукрашенные щит и меч, но и что-то за душой. То есть настоящих рыцарей. И не говорите мне, что на «Зилантконе» мероприятия растут «как трава» и все делается «само». Тридцать человек оргкомитета, не считая сотни безымянных (для меня) помощников, выращивают эту ценную колдовскую траву на холодной казанской почве, не жалея живота своего.

Хроника четвертая. Слоны и пряники в Городе Солнца

Я люблю утопию — и как литературный жанр, и как сказку, которая стала былью, то есть как факт реальности зримой и осязаемой. Утопий мировая литература знает немало, да что там говорить, я и сам на утопиях собаку съел взять хоть роман «Завтра война». А вот утопии в жизни — явление редкое. И именно поэтому «Зилантконе» особенно ценен, что происходит он не в нашем воображении, а в городе Казани.

Что отличает классическую литературную утопию? В утопии все равны, все счастливы, от каждого по способностям, каждому — по потребностям. На «Зилантконе» все именно так — все одинаково задумчиво улыбаются, стоя в очереди за эчпочмаками, местными треугольными пирожками вкуса необыкновенного, в ходу обращение на «ты», только попроси — и тебя угостят вином или чем покрепче. С потребностями тоже все в порядке. Хочешь быть ангелом — на здоровье, смастери только толковый костюм и как следует опери свои крылья. Хочешь быть Принцессой Леей из «Звездных войн» — тоже без проблем. Главное, для правдоподобия, не целоваться на виду у всех со своим смертельным врагом Лордом Вейдером. Впрочем, можно и целоваться. Все бывалые — поймут.

Итак, Зилантконе — это ожившая сказка. Причем, даже не какая-то конкретная сказка. А целая библиотека сказок, именно так. И достоинства всех сказок, которые стали ее источниками, здесь суммируются, впрочем — как и недостатки. Но о недостатках мы не скажем ни слова, ибо снисходительны и подслеповаты, а вот среди достоинств следует сказать о Слонах и Пряниках. То есть о призах, которые вручались на фестивале лучшим из лучших. Даже одно их перечисление, несомненно, способно много рассказать непосвященному о том, что же там происходило. Итак, главный литературный приз фестиваля — Большой Зилант, представляющий собой скульптурное изображение отдыхающего после ратных дел дракона, — получил мо пермский писатель Дмитрий Скирюк за сборник прозы «Парк Пермского периода»

Здесь, наверное, будут кстати два замечания о литпремии Большой Зилант. Во-первых, премия эта не зависит от календаря — в том смысле, что Зилант может получить любой фантастический роман, признанный достойным номинационной комиссией, вне зависимости от года выпуска. («Так что, спросите меня вы, «Час Быка» Ивана Ефремова тоже имеет шанс получить «Зилантконе»? Да, отвечу я. Имеет.

А вот «Ночной дозор» Сергея Лукьяненко — не имеет. Почему? А потому что во-вторых.) Во-вторых же, номинироваться на Зиланткон могут только фантастические романы, ранее не получавшие никаких литературных премий, и здесь Сергею Васильевичу не позавидуешь... Благородно? Вне всяких сомнений! Оригинально? Еще бы! Вторую премию — так называемый Малый Зилант — в этом году получили переводчики Александр Митюшкин и Елена Беляева за новый перевод всеми любимого романа Роберта Хайнлайна «Имею скафандр — готов путешествовать». Мне кажется, в обоих случаях выбор достойный, стыдно перед потомками не будет.

Однако литературными премиями организаторы конкурса решили не ограничиваться — и правильно. Ведь в сказке самое место для широты души! Словом, «Дюрандаль за лучшую ролевую игру» получила мастерская группа игры «ХИ-2004», «Дюрандаль за лучшую публикацию в СМИ о ролевых играх» — Анна Селиванова из газеты «Культура» за статью «Младший научный заклинатель дождей», лучшим докладом был признан доклад критика Вадима Казакова о японских переводах Стругацких. В общем, вручали и вручали, обиженным не ушел никто — ни реконструкторы, ни финалисты литературных мастер-классов, ни мастерицы и мастера из так называемого fashion-блока, посвященного костюму, — по преимуществу, его истории, а также тому, как перенести историю в день сегодняшний. Будь моя воля, я бы, как Царь Морской, раздал бы по призу каждому участнику фестиваля. Потому что так должно быть в сказке.

Хроника последняя. С моралью и добрым советом

Немало среди нас таких, кто называет себя любителями фантастики и фэнтези. Мы читаем книги, выписываем журналы, спорим по форумам о том, какие книги — «рулез», а какие — «мастдай». Иногда бываем на конвентах — особенно охотно на тех, что проходят в родном городе или в ближайшей столице, в теплых и уютных домах отдыха, где номера со всеми удобствами и вежливые горничные снуют по этажам. Конечно, проделывая все это, любителями фантастики называться можно. Но вот чтобы называться настоящими любителями (а между просто любителями и настоящими — дистанции огромного размера!), по моему скромному мнению, нужно непременно посетить «Зиланткон». Кто там не был, жизни фантастической, считай, не видел. До этой осени я сам был таким — ненастоящим любителем. Запуганным до смерти рассказами о том, «что эти ролевики там вытворяют», удрученным заверениями о том, что «ролевики совершенно ничего не читают». Уверенным в том, что средневековью не найти места в нашем технократическом мире и потому лучше бы ему оставаться на страницах книг, ни на что не претендуя. Но меняться никогда не поздно. Достаточно лишь дождаться следующего ноября и взять билет на поезд, идущий в Казань, — город Ленина, Лобачевского и Толкина.

МАРИНА КОМИССАРЕНКО

ВЕСНА ПОСРЕДИ ОСЕНИ? ФАНТАСТИКА!

13 ноября в рамках Киевской международной книжной ярмарки «Медвін. Книжковий Світ-2004» состоялся День Фантастики. Неординарное событие привлекло пристальное внимание прессы, любителей фантастики и просто посетителей выставки.

НА ВЫСТАВКЕ СТЕНД ИЗДАТЕЛЬСкого дома «Мой Компьютер» был заметен издали — у него всегда толпились люди. Посетителей выставки заинтересовал своеобразный вернисаж иллюстраций к фантастическим произведениям, организованный прямо на стенде. Размещенная тут же экспозиция издательства «Зелений пес» с книгами серии «Алфізика» вызывала не меньший ажиотаж. Порадовал неподдельный интерес к журналу «Реальность фантастики», который расходился как горячие пирожки, так же быстро таяли и пачки книг (а на стенде можно было купить книги авторов, участвующих в Дне Фантастики, и тут же получить автограф). Оставалось только поражаться тому, как сотрудники издательства Виталий Квитка и Борис Сидюк ухитрялись одновременно отвечать на вопросы посетителей, давать интервью, продавать книги и журналы, знакомиться с интересными людьми.

На стенде ИД «Мой Компьютер» всегда людно

Выставка иллюстраций к фантастическим произведениям вызывала повышенный интерес

Вдоволь налюбовавшись работами художников, я отправилась в актовый зал. Там как раз проходила пресс-конференция, посвященная Дню Фантастики на КМКЯ. В зале было более 300 человек. Все с нетерпением ожидали окончания «официальной части». Ведь одним из центральных событий должна была стать — и бесспорно стала — встреча с людьми, являющимися гордостью отечественной фантастики. И вот они с нами — непревзойденный киевский дуэт романтиков Марина и Сергей Дяченко, не-

ы к вам приехали и

Дмитрий Громов: «Сейчас настали времена, когда неактуально делить и отнимать, сейчас надо складывать и умножать»

Владимир Аренев: «А мы пишем не только для взрослых»

подражаемый сэр Генри Лайон Олди в лице Олега Ладыженского и Дмитрия Громова (кстати, День Фантастики совпал с 14-летием их совместной творческой деятельности), бесподобный мастер эпатажа Андрей Валентинов... Директор ИД «МК» Михаил Литвинюк передал микрофон Олегу Ладыженскому — и началось нечто, чему трудно подобрать определение. Встреча с читателями? Пресс-конференция? Дружеская беседа? Посиделки? Все вместе и что-то еще, что-то неуловимое, благодаря чему двухчасовая встреча пролетела совершенно незаметно, завершилась раздачей автографов, а потом незаметно перетекла в кулуары, где и продолжалась до самого закрытия выставки. Вопросов было не просто много, а очень много. Лучшие из них были отмечены призами — великолепными книгами серии «Триумвират», любезно предоставленными издательством ЭКСМО[*].

Сразу за встречей с именитыми писателями состоялся диалог читателей с молодыми авторами — Владимиром Ареневым, Ильей Новаком, Яной Дубинянской. Все эти имена хорошо известны читающей публике. В. Аренев, успешно совмещающий в своей гиперэнергичной особе писателя и критика, демонстрировал глубокое знание фантастики и фантастическую же эрудицию. И. Новак рассказывал о своем сотрудничестве с GSC Computers (той самой, что выпустила нашумевших «Казаков»), создающей новую игру по его сценарию — «Герои разрушенных империй» (Heroes of Annihilated Empires). Я. Дубинянская рассказывала о своей дебютной книге. Позже, в кулуарах, Аренев признался, что уже давно не участвовал в

[*] Издательство ЭКСМО не впервые участвует в мероприятиях, проводимых ИД «Мой компьютер». Например, на состоявшейся недавно в Киеве выставке «Цифромания» были разыграны книги Ника Перумова с автографами, также предоставленные ЭКСМО.

столь жаркой дискуссии, чувствует себя совершенно измотанным, но при этом — очень счастливым. Приятно видеть людей, не только прочитавших твои книги, но и готовых их обсудить, и вдвойне приятны такие встречи авторам, которым подобное общение с читателями внове.

Завершила День Фантастики на КМКЯ встреча с известным калифорнийским художником киевского происхождения Сергеем Поярковым. Её дождались уже самые стойкие. Просматривая дома фотографии, сделанные во время встречи, я с трудом выбирала удачные: на восьми из девяти кадров лицо Сергея было смазанным. Этот неугомонный человек просто не может сидеть спокойно! Люди в зале были поражены — как он один за какой-то час сумел буквально выплеснуть в зал такой поток интереснейшей информации, дать кучу полезных советов начинающим художникам, рассказать о множестве мероприятий, в которых он участвовал? Не иначе как фантастика! Кстати, обложка этого номера дает неплохое представление о С. Пояркове как о художнике.

Сергей Поярков: «Завоевать западный рынок может каждый талантливый художник, но сначала реализуйте себя в Украине»

Сэр Генри Лайон Олди тоже книжек прикупил, на то она и ярмарка

Безусловно, было и продолжение, традиционные посиделки старых друзей — писателей, редакторов и издателей. Было множество разговоров в кулуарах, был обмен опытом, была просто приятная усталость от хорошо выполненной работы и интересного, насыщенного событиями дня. Этот день показал, что украинская фантастика не просто возрождена — она переживает новую весну, истинный Ренессанс, настоящий подъем, обретает свое лицо: мудрое, интеллигентное, доброе. Две столицы украинской культуры, Киев и Харьков, еще раз подтвердили, что вертоград украинской фантастики мы взращиваем вместе.

День Фантастики, бесспорно удался. Хочется надеяться, что он станет регулярным событием ежегодной Киевской международной книжной ярмарки. В памяти же его участников он останется праздником, светлым и ярким днём, которому не смогла помешать даже дождливая киевская осень. До встречи через год!

СЕРГЕЙ МИТЯЕВ

OPUS MIXTUM

Осенний призовой марафон завершен

Осень, как всегда, богата на наградные события в разных странах мира. После 62-го по счету «Уорлдкона» и вручения премий «Хьюго» внимание наблюдателей привлекли два других важных события в мире фантастики. Это *World Fantasy Convention* и канадский национальный конвент *Canvention-24*, и те премии, которые на них вручались. Оба конвента прошли практически одновременно. Канадская «Аврора» вручалась 30 октября в Монреале, а World Fantasy Award — 31 октября в Темпе, Аризона. Вот список победителей:

Канадская национальная премия «Aurora»:

Лучший роман на английском — Роберт Чарльз Уилсон «Слепое Озеро».

Лучший роман на французском — Ален Бержерон «Фаос».

Лучшая повесть или рассказ на английском — Дуглас Смит «Кричащий Ангел».

Лучшая повесть или рассказ на французском — Элизабет Вонабург «Путь Катрин».

Лучшая работа на ниве фантастики — редактор журнала «Space Inc» Джули Чернеда и редактор журнала «Solaris» Жоэль Шампетье.

Лучший художник — Жан-Пьер Норман.

Премии World Fantasy Award:

Лучший роман — Джо Уолтон «Клык и коготь».

Лучшая повесть — Грир Гилман «Толпа костей».

Лучший рассказ — Брюс Холланд Роджерс «Дон Исидро».

Лучшая антология — «Странные рассказы» (редактор Розали Паркер).

Лучший сборник — Элизабет Хенд «Библиомания».

Лучший художник — Донато Джанкола и Джейсон Ван Холландер.

Премия за достижения всей жизни («Life Achievement») присуждена Стивену Кингу и Гэхану Уилсону.

Редакция журнала «Реальность Фантастики» с удовольствием сообщает своим читателям, что уже достигнута договоренность о публикации рассказов-победителей перечисленных выше наград. В скором времени на страницах журнала читайте «Кричащий Ангел» Дугласа Смита и «Дон Исидро» Брюса Холланда Роджерса.

###

Студия Диснея скупает фантастику

Как сообщает «Hollywood Reporter», компания «Walt Disney Co» приобрела издателя комиксов «CrossGen Entertainment» со всеми правами. Таким образом, известный мультипликационный и киногигант стал обладателем прав на популярные серии комиксов «Абадазан», «Мистика», «Шоссе 666» и еще двух десятков популярных серий.

Покупка связана с тем, что компания собирается запустить в производство ряд телесериалов по мотивам известных комиксов. Бум экранизаций комиксов продолжается.

#

Чешский Фэндом на подъеме

Судя по всему, после проведения Еврокона-2002 года чешский фэндом переживает ренессанс. Среди европейских стран чехи всегда были активны в фантастике, а их фэндом достаточно прочно входил в пятерку самых активных. Однако 90-е годы прошлого века, смена политической ориентации и общие экономические невзгоды, как в свое время в СССР, несколько охладили интерес чехов к фантастике. Новое столетие и новое поколение чехов оживили фантастическую культуру в этой стране. Появились новые издательства и новые журналы. И новые конвенты. Чехия переживает настоящий бум новых конвентов, посвященных фантастике. Только в этом году их прошло порядка двух десятков. В одном небольшом городе Хотеборе, столице Еврокона-2002, теперь ежегодно проходят 3-4 конвента. Причем на последнем из них, «Авалконе-2004» (29-31 октября 2004 года), побывало свыше 700 гостей. Впрочем, крупнейшим конвентом в этом городе уже несколько лет становится «Фестиваль Фантазии», который проходит в июле. Во время национального чешского конвента «Parcon», проходившего в августе этого года в городе Брандиз-над-Лабем, чешские фэны и профессионалы приняли решение предоставить Хотеборе право проведения «Parcon-2005». А совсем недавно, 18-20 ноября, в Праге состоялся первый конвент «FutureCon», главным спонсором которого выступила компания «Hewlett Packard». Основное отличие «FutureCon» в том, что это единственный в мире конвент, который будет проходить не ежегодно, а раз в квартал. «FutureCon» фактически стал научно-практической конференцией специалистов в области фантастики и высоких технологий, на которой рассматривались будущее IT-индустрии, биотехнологий, нанотехнологий, средств коммуникаций и обсуждались вопросы футурологии в целом.

#

Опоздавший июль Чехии

Просим прощения у наших читателей, но только сейчас до нас дошла информация о чешской национальной премии по фантастике имени Карела Чапека, вручение которых состоялось 24 июля 2004 года в Праге в резиденции мэра чешской столицы «Марьянске Намести». Высшие национальные фантастические награды страны из рук министра культуры Чешской Республики и мэра Праги получили:

Лучший роман — Анна Шохова «ZËÿsko».

Лучшая повесть — Александра Павелкова «KËIsok tieË».

Лучший рассказ — Ян Кованич «MalËÿ sklencka, stejna jako ostatni».

#

Конкурс имени Джеймса Уайта

Несмотря на все передряги, британский журнал «Interzone» продолжил спонсировать международный конкурс фантастического рассказа имени Джеймса Уайта среди непро-

фессиональных писателей. Победителем конкурса 2004 года стала Дирдре Руан с ее рассказом «Забытые вещи хранятся в ящиках». Профессиональное жюри в составе Лоис Макмастер Буджолд, Кристофера Приста, Питера Гамильтона, Майкла Кэрролла не без труда остановили свой выбор на этом рассказе, рассмотрев 100 рассказов-конкурсантов из США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и Бразилии. Общий литературный уровень оказался необычайно высок, несмотря на достаточно узкий набор тем, выбранных авторами для своих произведений. Победитель и четверка других лучших рассказов будут опубликованы на страницах журнала «Interzone». Уже объявлен очередной конкурс-2005, на который можно присылать произведения до 30 мая 2005 года. А победитель станет известен во время 63-го «Уорлдкона» и 27-го «Еврокона» в августе в Глазго.

###

НОВОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Планы *«Азбуки»* на декабрь.

Серия «Магический портал»: Лора Андронова, «По велению Грома» (перенесен с ноября на декабрь). Серия «Забытые королевства»: Элен Каннингем «Дочь Дроу». Серия «Сага о копье»: Ричард Кнаак «Ночь крови». Серия «SF» (книжный формат, мягкая обложка): Элизабет Мун «Несмотря ни на что» (продолжение «Героя поневоле» и «Смены командования»), Майкл Скотт Роэн «Полуденные врата» (второй роман тетралогии «Спираль», до этого, как первый и третий, выходил в «Элите»). Серия «Коллекция» (покеты): Фриц Лейбер «Мечи Ланкмара», Кэрол Берг «Разоблачение». Серия «Забытые королевства» (покеты): Трой Деннинг «Глубоководье», Роберт Сальваторе «Нашествие тьмы». Серия «Правила боя-мини» (покеты): Дмитрий Скирюк «Сумерки меча», Леонид Смирнов «Пасть дракона».

В ближайшее время издательство *ЭКСМО* готовит к выпуску новые произведения Николая Басова («Рождение гигантов»), Алексея Бессонова («Стратегическая необходимость»), Марии Симоновой («Привычка умирать» и юмористического дуэта Владимира Серебрякова и Андрея Уланова («Кот, который умел искать мины»). Все эти новинки появятся в серии «Абсолютное оружие». Поклонников космической саги «Звездные войны» ждет новая книга «Байки из дворца Джаббы Хатта». Пополнится новинками серия «Мастера фантастики» — в ней выйдут книги Гарри Гаррисона «В логове льва» и Урсулы Ле Гуин «Всегда возвращаясь домой». Серия «Меч и магия» предложит читателям произведения Гая Гэвриела Кея («Повелитель императоров»), Джона Мура («Принцы двадцати королевств»), Джеймса Гринвуда («Утраченный трон»), Александра Вурца («Хранитель ключей»). В серии «Игра в классику» появится один из основополагающих текстов современной фэнтези — роман Джона Краули «Маленький, большой». Персональная серия Терри Пратчетта «Плоский мир» порадует нас «страшдественской историей» «Санта-Хрякус». Новые сборники фантастики «Когда рушится мир» и «Фэнтези-2005» готовятся к выходу в серии «Миры Fantasy». Продолжаются подвиги Рабина Гута — героя произведений Алексея Лютого. В серии «Рабин Гут — принц ментов» выйдут книги «Двенадцать подвигов Рабина Гута» и «Семь бед — один ответ». Серия фэнтези «Триумвират», в которой выходят произве-

дения украинских писателей-фантастов, пополнится переизданиями романов Андрея Валентинова («Небеса ликуют» и «Полуостров») и Генри Лайона Олди «Маг в законе». В серии «Фантастика: Честь и слава» готовится переиздание романа Дэвида Вебера «Поле бесчестья» — пятая книга о приключениях Виктории Харрингтон. А самые юные читатели фэнтези смогут развлечься книгой Емца о Тане Гроттер — «Таня Гроттер и посох волхвов», выходящей в серии «Школа магии Тибидохс».

Поклонники творческого наследия Айзека Азимова смогут познакомиться с научно-популярной книгой писателя «Популярная анатомия. Строение и функции человеческого тела», выходящей в серии «Научно-популярная библиотека» издательства Центрполиграф.

Новинками встречает приближение Нового года и издательство Армада. В серии «Фантастический боевик» в декабре выходят новые книги Вадима Проскурина («Звездная сеть»), Николая Степанова («Возвращение танцора»), Михаила Бабкина («Ахтимаг») и Михаила Соколова («Бог-император»). Серия юмористической фэнтези издательства «Белянин и другие» пополнится новыми произведениями Надежды Первухиной («Заботливая женская рука»), Александра Рудазова («Рыцари пречистой девы») и Антона Краснова — «Апокалипсис для шутников». Не ослабевает интерес читателей издательства к жанру фэнтези — в серии «Магия фэнтези» готовятся к выходу книги Владимира Лосева («Страж порталов»), Лиины Тимофеевой («Последний дракон»). Свой сборник фэнтези издательство Армада выпускает в этой же серии под названием «На перекрестках фэнтези». Материалом для него стали произведения писателей, входящих в творческое объединение «Стиратели 2000».

Американские издатели фантастики, напротив, демонстрируют удивительное затишье в декабре 2004 года. В этом месяце выходит новая книга из цикла «Мир воров» под редакцией Линн Эбби. Книга называется Enemies of Fortune («Враги удачи»). Выйдет в свет новый роман Кэтрин Азаро «Схизма» (Schism), а также новые книги Дэвида Бишопа («Королевство слепых», Kingdom of the Blind), Мэрион Циммер Брэдли («Спасти мир», To Save a World — очередное произведение из цикла «Дарковер»), Спайдера Робинсона («Из трех разумов», Of Three Minds). Книгопечатные станки не устали печатать книги с именем Андрэ Нортон на обложке. На этот раз очередным соавтором бабушки от фантастики стала Лиин Макконни. Произведение называется «Баллада герцога» (Duke's Ballad).

###

Выборы Президента США едва не обернулись тяжелыми последствиями для фантастики. Джордж Р.Р. Мартин, ярый противник Джорджа Буша, был крайне огорчен результатами избирательной кампании и сообщил поклонникам на своем сайте, что из-за депрессии приостанавливает работу над романом «Вороний пир», четвертым томом знаменитой «Песни льда и огня». В ответ читатели засыпали писателя письмами поддержки, и через несколько дней Мартин обрадовал фэнов: ободренный откликами, он вернулся к работе и надеется закончить роман к новому году. «Читайте, думайте и голосуйте», — обращается Мартин к своим читателям во всех странах.

17 ДЕКАБРЯ, 18:00
Красный зал Республиканского Дома кино
(Киев, ул. Саксаганского, 6)

**Марина и Сергей Дяченко,
журнал "Реальность фантастики",
компания "IGI group" и
"Кино Экспо Украина" представляют:**

"МАГИЯ ДОЗОРОВ"

ВСТРЕЧА С

СЕРГЕЕМ ЛУКЬЯНЕНКО

Демонстрация отрывков
из фильма "Ночной дозор" и
рабочего материала второго
фильма "Ночной дозор".

Информационная поддержка :

TV ПАРК МОЙ КОМПЬЮТЕР по-киевски

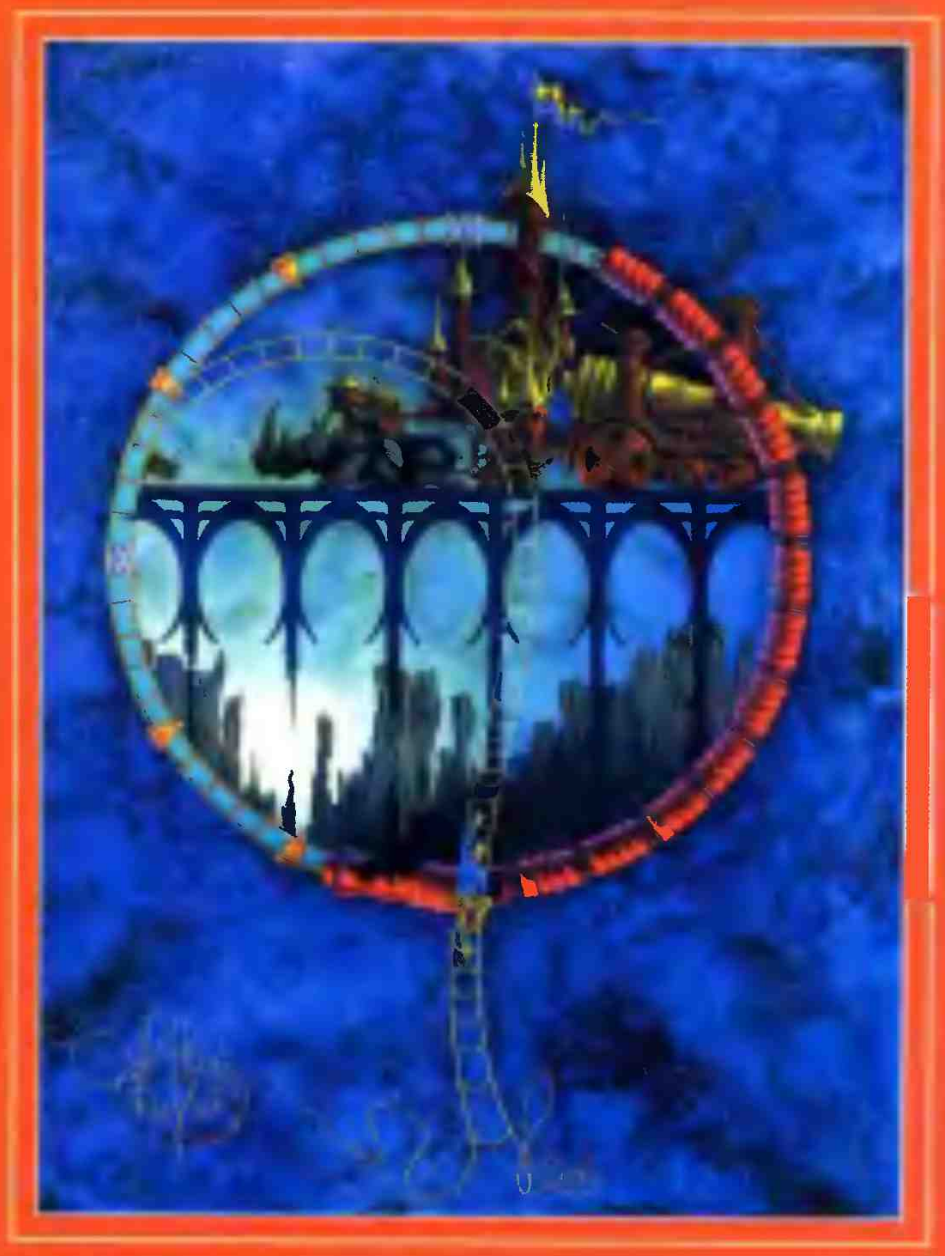
В программе возможны изменения, подробности на сайте **www.rf.com.ua.**
Аккредитация журналистов : **kvitka@mycomp.com.ua**

Джон Траволта
с титулованным альбомом
Сергея Пояркова

Роберт Сильверберг
и Сергеи Поярков

Сергей Поярков с актрисой
Дэвидом Кэрэдином
(фильм «Убить Билла»)

Сергей Поярков и Хол Клемент



Сергей Поярков
Ваш поезд

реальность фантастики

литературный журнал

Подписной индекс 0ы21